

СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

ЖУРНАЛ ДЕПАРТАМЕНТА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НИУ ВШЭ

ИЗДАЕТСЯ С 2023 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ТОМ 2. №3(7) 2024

Главный редактор	Леонид Григорьев
Главный редактор	Игорь Макаров
Заместитель главного редактора	Ольга Клочко
Заведующий редакцией	Татьяна Барабанова
Верстка	Наталия Заблоцките
Редакционная коллегия	Сергей Бобылев Ван Вэнь Сергей Васильев Леонид Григорьев Гленн Дизен Марек Домбровски Наталия Иванова Ольга Клочко Валерий Крюков Игорь Макаров Татьяна Радченко Ренато Флореш
Учредитель и издатель:	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Адрес учредителя:	109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
Адрес редакции:	119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д.17, каб. 209
Сайт журнала:	cwejournal.hse.ru
ISSN: 2949-5776	Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ №ФС77-86407 от 30.11.2023

СОДЕРЖАНИЕ

№3(7) 2024

СТРАНОВОЙ ВЗГЛЯД*Григорьев Л.М.*

Ключевые проблемы долгосрочного роста американской экономики. 8

Экономика США в XXI в. продолжает рост по традиционной траектории, сталкивается со старыми и новыми проблемами, испытывает внешние шоки и внутренние социально-экономические трудности. Но страна растет быстрее Европейского союза и стремится сохранить лидерство в сфере НТП. Уровень благосостояния растет, хотя отрыв состоятельных слоев от основной массы населения не уменьшается. Электоральный процесс в двухпартийной политической системе регулярно обостряет дебаты по ключевым вопросам экономической политики, в результате чего постоянно идет трудный поиск компромиссов. Выборы 2024 г., закончившиеся победой Дональда Трампа и Республиканской партии, иллюстрируют значительный раскол во взглядах электората (и элит) на социально-экономическую политику и предвещают новые перемены в методах решения ключевых проблем страны. XXI век — нелегкий для США и их элит: страна преодолела несколько тяжелых кризисов и претерпевает сложную межпартийную борьбу. Президенты страны этой четверти века представляли весьма различные направления мысли и действия. Следующая администрация получает в наследство значительный набор сложностей, включая высокое неравенство, экологические проблемы, стареющую инфраструктуру, растущий государственный долг. Постоянными источниками выгод для экономики США являются значительный приток дешевой рабочей силы из Латинской Америки и огромные капиталовложения извне в американскую экономику. В последнее десятилетие страна начала активно использовать методы промышленной политики. Все это дает высокие на фоне других развитых стран темпы экономического роста. Но глубокое социальное неравенство встроено в экономическую модель страны даже при общем росте доходов.

Флореш Р.

Замена доллара в международных расчетах: предварительная оценка 27

Статья исследует различные аспекты и пределы замены доллара США в значительной доле международных трансакций. Конкретный тип трансакций — платеж за торговлю товарами — заслуживает особого внимания. Далее рассматриваются потоки других валют, обсуждаются варианты дальнейшего развития событий и отмечается нехватка данных для эффективной оценки ситуации. Перечислив сложный набор происходящих изменений, мы представим предварительный количественный анализ перспектив платежей в сфере торговли товарами. Результаты свидетельствуют о том, что достижима замена доллара для 40 и 35% в экспортных и импортных потоках соответственно. Также мы рассмотрим некоторые вопросы, связанные с международными резервами, глобальными клиринговыми системами, пластиковыми картами и иными инструментами индивидуальных трансграничных платежей. Остановимся на важности последовательной политики стран, поддерживающих деолларизацию, и их объединения в группу. Здесь

главным кандидатом является БРИКС. Движение в поддержку дедолларизации – это геополитическое решение, поэтому всегда следует учитывать ее пределы, неопределенности и основные цели.

Меджидова Д.Д.

Международная инвестиционная позиция США в XXI в. 43

Процесс накопления США опирается на огромные возможности национальных компаний (амортизация и нераспределенные прибыли), внутренние источники кредитования и внешние источники финансирования. Работа посвящена анализу эволюции международной инвестиционной позиции США с начала XXI века. Целью исследования является выявление изменений в структуре пассивов и активов США в три ключевых периода: 2000–2007, 2007–2019, 2019–2023 гг. в контексте глобальных процессов и монетарной политики страны. В 2000–2023 гг. чистый приток инвестиций составил почти 20 трлн долл. по «умеренным рыночным ценам» со скидкой за обеспечение стабильности и безопасности. При этом финансовые вложения в американскую экономику сконцентрированы в форме капитала, в инвестиционных фондах и долгосрочном долге. Анализ географии портфельных инвестиций США позволил выявить устойчивость ключевых партнеров страны, среди которых доминируют развитые страны и офшорные финансовые центры. Однако в обозначенный период наблюдались изменения в финансовых потоках между США и развивающимися странами, прежде всего странами БРИКС.

Петровская Н.Е.

Трансформация этнической структуры электората США. 66

Статья посвящена анализу изменений этнической структуры электората США в XXI в., которые существенно трансформировали политический ландшафт страны. Исследование выявляет основные демографические тенденции, такие как увеличение доли испаноязычного, афроамериканского и азиатского населения, и их влияние на электоральные предпочтения и результаты выборов. Особое внимание уделено расово-этническому составу в колеблющихся штатах и его корреляции с уровнем доходов. В работе отмечается, что на президентских выборах 2024 г. уверенную победу одержал Дональд Трамп, который выиграл также во всех колеблющихся штатах. Хотя испаноязычное население в целом чаще голосует за Демократическую партию, в 2024 г. Трамп смог привлечь значительную часть испаноязычных мужчин. Это было обусловлено его акцентом на экономические вопросы, включая снижение стоимости жизни, обеспечение рабочих мест и борьбу с инфляцией. Экономическая программа Трампа, включая обещания укрепить экономическую стабильность и создать новые рабочие места, стала ключевым фактором его победы. Эти темы привлекли избирателей из рабочего класса и тех, кто озабочен высокими расходами на жилье и товары. Трамп смог привлечь часть консервативных избирателей из афроамериканского и испаноязычного населения, которые разделяют его взгляды на традиционные семейные ценности, религиозные вопросы и иммиграционную политику. Эта широта коалиции, объединяющая как традиционное ядро республиканцев, так и новые группы избирателей, стала решающим фактором его успеха. Автор использует аналитические, исторические и сравнительные методы для оценки динамики политической активности различных этнических групп. Подчеркивается значимость учета этнического разнообразия в избирательных стратегиях и его роль в формировании будущего политической карты США. Выводы статьи подтверждают необходимость адаптации традиционных политических подходов к новым демографическим реалиям и изменяющимся предпочтениям электората.

*Хейфец Е.А.***Направления развития топливно-энергетического комплекса США..... 94**

В работе рассмотрены исторические предпосылки формирования топливно-энергетического сектора США. За последний век США столкнулись с рядом масштабных шоков как мировой экономики, так и энергетических рынков, что поставило вопрос о достижении энергетической безопасности во главу политических приоритетов страны. Рассмотрена географическая структура торговли нефти и газа, а также внутренний отраслевой спрос. В работе дана оценка возможным последствиям новой промышленной политики на внутренний спрос на энергоресурсы, а также анализ инвестиционного цикла нефтегазовых компаний, который характеризовался относительно высокой чувствительностью капиталовложений к динамике цен. Отмечено незначительное влияние климатического лобби на объем выбросов и потребление ископаемых энергоресурсов.

*Есян М.А.***Общенациональные и региональные тенденции климатической политики США 111**

США активны в глобальной климатической повестке, но страна остается вторым по объему эмитентом выбросов парниковых газов в мире, а также занимает второе место по объемам производства и потребления энергии. Климатическая политика США характеризуется дискретностью и нестабильностью, что связано со сменой президентских администраций, принадлежащих к различным политическим партиям. В стране достигнут значительный прогресс в использовании альтернативных источников энергии и снижении общего объема выбросов, однако динамика и характер внедрения возобновляемой энергетики существенно различаются между штатами, фрагментируя усилия на общенациональном уровне. Различия в экономических приоритетах и доступе к энергетическим ресурсам нередко перевешивают влияние политической конъюнктуры, при этом ни экономический рост, ни партийная принадлежность не оказывают решающего влияния на снижение выбросов. Это соответствует исторической тенденции, в рамках которой сокращение выбросов определяется в большей степени наличием природных ресурсов, структурой экономики и технологическими возможностями отдельных штатов, нежели климатической политикой. Ключевыми барьерами на пути к декарбонизации остаются преобладание деловых интересов, медленные темпы реализации мер по борьбе с изменением климата и неамбициозный подход к ним как на национальном, так и на региональном уровне.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ**Обзор семинара «Фундаментальные социально-экономические и демографические сдвиги в США: эффекты для политики» 130**

Уважаемые коллеги!

Президентские выборы в США — всегда большое событие и грандиозное шоу. Они знаменуют собой развилку между различными социально-экономическими и политическими тенденциями. Выборная кампания 2024 г. была трудной, а уровни поддержки избирателями обоих кандидатов и обеих политических партий были в целом близкими. Тем не менее, президентские выборы закончились убедительной победой Дональда Трампа, а Республиканская партия получила большинство в обеих палатах Конгресса. В результате сложилась уникальная для США ситуация: впервые со времен Ф.Д. Рузвельта президент одновременно располагает большинством своей партии в Сенате и Палате представителей и поддержкой Верховного суда.

Такой расклад в значительной степени развязывает руки президентской администрации и обеспечивает Трампу гораздо большую свободу маневра, чем была у него в первый президентский срок. Следующий этап — деятельность по имплементации предвыборных обещаний при минимальном отвлечении внимания на борьбу с оппонентами. Для аналитиков из разных отраслей открывается широкое поле работы по сопоставлению предвыборных планов с фактическими политическими мерами, которые будут предъявлены после инаугурации, далее на «100 дней» президента, а также будут обсуждаться в Конгрессе. Не меньшую важность реализация этих мер будет иметь и для мировой экономики: как через собственно экономические каналы воздействия (потoki торговли, капитала, мигрантов, цены на сырье и стоимость заемного капитала), так и через политические (политика в отношении конфликтов на Украине и Ближнем Востоке, отношения с Китаем и союзниками по НАТО).

Конфигурация данного выпуска журнала «Современная мировая экономика» определилась, как принято в экономике, пересечением спроса на осмысление ключевых социально-экономических проблем США и предложения статей авторами. Главное — работающему над этим номером коллективу хотелось дать максимально быструю, но комплексную реакцию на интерес читателя к США, снабдить его информацией о содержательных социально-экономических проблемах в условиях, когда конъюнктурные политические вопросы освещаются и анализируются СМИ и политическими комментаторами намного быстрее ежеквартальных изданий.

Мы начинаем с комплексного обзора ключевых параметров функционирования американской экономики на фоне экономик других ведущих стран мира: статья **Л.М. Григорьева** (НИУ ВШЭ) «Ключевые проблемы долгосрочного роста американской экономики» затрагивает вопросы крупных дисбалансов — платежного баланса, бюджета и государственного долга США — в глобальном контексте, с учетом той роли, которую США играют в мировой экономике. Американская экономика развивается быстрее экономики ЕС и многих других стран мира. В долгосрочном плане это результат быстрого научно-технического прогресса, отчасти являющегося результатом притока в страну талантов со всего мира. Важным фактором в финансировании роста США последних полутора десятилетий является огромный приток капитала из-за рубежа, причем в наибольшей степени из Европы. США стоят перед необходимостью решения сложных, дорогостоящих проблем: стареющей инфраструктуры, финансирования растущего государственного долга, проведения активной промышленной политики в условиях усиливающейся конкуренции с Китаем. Не вполне понятно, как в этих условиях подойти к вопросам преодоления глубокого социального неравенства и связанной с ним политической поляризации.

В статье известного бразильского экономиста **Р. Флореша** (Фонд Жетулиу Варгаша) «Замена доллара в международных расчетах: предварительная оценка» анализируется одна из основ американского экономического доминирования — особая роль доллара в мировой финансовой системе. Автор видит хорошие возможности дедолларизации в обслуживании потоков международной торговли и платежных транзакций. Ключевую роль в этих процессах должны сыграть страны БРИКС. Часть из них уже постепенно переходят на расчеты в национальных валютах.

Статья **Д.Д. Меджидовой** (Всемирный банк) «Международная инвестиционная позиция США в XXI в.» посвящена анализу динамики международных активов и пассивов США за три последовательных периода времени. Статья показывает, как США смогли в период после 2010 г. привлечь огромные средства (фактически по 1 трлн долл. в год) остального мира для своего развития, что во многом и стало залогом их более быстрого роста по сравнению с Европой, которая во многом и выступала донором этих средств.

Победа Трампа на президентских выборах 2024 г. пришла с существенным разрывом по числу голосов выборщиков и неожиданно большим преимуществом (около 5 млн) по общему числу голосов избирателей. Статья **Н.Е. Петровской** (Институт США и Канады РАН) «Трансформация этнической структуры электората США» показывает значимость анализа социального положения различных этнических групп в США для электорального процесса. Одной из важных причин уверенной победы Трампа (в том числе во всех семи «колеблющихся штатах») стали сдвиги в электоральных предпочтениях мужчин латиноамериканского происхождения. В основе этих сдвигов — фокус данной группы избирателей на экономических и культурных вопросах, по которым поддерживаемая ими традиционно Демократическая партия не смогла предложить устраивающей их программы.

Энергетика США прошла — как показано в статье «Направления развития топливно-энергетического комплекса США» **Е.А. Хейфец** — путь от значительной зависимости от импорта энергоносителей к их экспорту. Соответственно, энергетическая политика в последние годы все более определяется целями обеспечения энергобезопасности страны (в терминах цен на энергоносители для компаний и домохозяйств), устойчивости бизнеса энергетических компаний, в том числе их экспорта, а только потом — климатическими задачами. Победа Трампа, вероятно, будет означать еще одну победу деловых интересов над климатическими программами и устремлениями.

Наконец, заключительная статья номера — работа **М.А. Есян** «Общенациональные и региональные тенденции климатической политики США». Она демонстрирует, что ситуация с выбросами парниковых газов и развитием возобновляемой энергетики кардинально различается на уровне штатов. Эти различия обусловлены не столько партийными предпочтениями штатов (как можно было бы ожидать исходя из полярного восприятия климатической повестки двумя партиями), сколько характером их экономической базы — специализацией экономики и богатством природными ресурсами. Это доказывает упоминавшийся выше тезис: энергопереход в США происходит тогда, когда он соответствует бизнес-интересам ключевых экономических агентов.

Главные редакторы
Леонид Григорьев
Игорь Макаров

Ключевые проблемы долгосрочного роста американской экономики

Григорьев Л.М.

Григорьев Леонид Маркович — к.э.н., ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ, заведующий сектором структурных проблем мировой экономики ЦКЕМИ.

SPIN РИНЦ: 8683-3549

ORCID: 0000-0003-3891-7060

ResearcherID: K-5517-2014

Scopus AuthorID: 56471831500

Для цитирования: Григорьев Л.М. Ключевые проблемы долгосрочного роста американской экономики // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №3 (7). EDN: EDOOJL

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-3-8-26>

Ключевые слова: США, неравенство, экономический рост, финансовые потоки.

Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2024 году.

Аннотация

Экономика США в XXI в. продолжает рост по традиционной траектории, сталкивается со старыми и новыми проблемами, испытывает внешние шоки и внутренние социально-экономические трудности. Но страна растет быстрее Европейского союза и стремится сохранить лидерство в сфере НТП. Уровень благосостояния растет, хотя отрыв состоятельных слоев от основной массы населения не уменьшается. Электоральный процесс в двухпартийной политической системе регулярно обостряет дебаты по ключевым вопросам экономической политики, в результате чего постоянно идет трудный поиск компромиссов. Выборы 2024 г., закончившиеся победой Дональда Трампа и Республиканской партии, иллюстрируют значительный раскол во взглядах электората (и элит) на социально-экономическую политику и предвещают новые перемены в методах решения ключевых проблем страны.

XXI век — нелегкий для США и их элит: страна преодолела несколько тяжелых кризисов и претерпевает сложную межпартийную борьбу.

Президенты страны этой четверти века представляли весьма различные направления мысли и действия. Следующая администрация получает в наследство значительный набор сложностей, включая высокое неравенство, экологические проблемы, стареющую инфраструктуру, растущий государственный долг.

Постоянными источниками выгод для экономики США являются значительный приток дешевой рабочей силы из Латинской Америки и огромные капиталовложения извне в американскую экономику. В последнее десятилетие страна начала активно использовать методы промышленной политики. Все это дает высокие на фоне других развитых стран темпы экономического роста. Но глубокое социальное неравенство встроено в экономическую модель страны даже при общем росте доходов.

Введение

В XIX в. США росли быстрее старой Европы за счет хороших природных ресурсов, притока квалифицированным мигрантов и отсутствия институциональных тормозов [Григорьев, Морозкина 2021]. Но в экономической истории США в XX в. есть важный период, в который произошел отрыв экономики США от Европы и остального мира по эффективности и производительности, — это 1920-е годы. Как было установлено намного позже, в эти годы среднегодовой прирост производительности труда составлял 4,21% — в основном на базе масштабной электрификации производственных процессов [Григорьев, Астапович 2021. С. 12]. Эта основа не исчезла, разумеется, в кризисные 1930-е годы и была использована позднее. Приток мигрантов весь век обеспечивал США как дешевой рабочей силой, так и талантами, возвращенными по всему миру. Многие страны в последние 80 лет совершали значительные рывки в развитии — Япония, Германия, СССР, Китай — и в технологической базе, но определенный «запас» у США всегда сохранялся.

Развитие экономики США в XXI в. происходило в сложной череде деловых циклов. После глобального финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. нарушение стабильности глобального регулирования и трудности реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН 2015 г. образовали нестабильный международный фон для развития американской экономики. Деловой цикл во многом был связан с развитием финансовых шоков, которые проистекали как из финансовой системы самих США, так и извне [Григорьев, Григорьева 2020]. Экономическая политика президентских администраций была далеко не бесспорной. Так, борьба властей с экономическими колебаниями и (начиная с 2020-х гг.) инфляцией сама создавала эффекты торможения роста.

Финансовый кризис 2008–2010 гг. нанес существенный ущерб экономике США, в частности жилищному и финансовому сектору [Григорьев 2013]. По своему происхождению это был «глубоко американский» кризис с тяжелыми международными последствиями. Его «корни» — множественные дисбалансы и накопление рисков —

растут из кризиса закладных бумаг, либерализации банковского регулирования и банкротства Lehman Brothers в сентябре 2008 г. (ставшего, вероятно, ошибкой регуляторов). Заметим, что масштабы американской финансовой системы настолько велики, что внутренние кризисы в стране давали значительный отрицательный внешний эффект и ранее. Но этот кризис существенно изменил характер развития мировой экономики. В частности, изменилось соотношение темпов роста внутри группы развитых стран: многие страны потеряли в темпах роста, и таким образом выросло межстрановое неравенство на «верхних этажах».

Кризис привел к ужесточению финансового контроля в США и в мире, выработке новых видов регулирования («количественное смягчение» и пр.), снижению интенсивности накопления. Но главный, изначально не очевидный побочный продукт глобального финансового кризиса — в том, что начался процесс развала системы сложившегося глобального регулирования (“global governance”). Признаки этого появились еще до кризиса, связанного с пандемией COVID-19. Осознанная в форме ЦУР необходимость решения глобальных проблем (бедность, неравенство, борьба с изменением климата и др.) не привела к сколь-либо значимым результатам ни до пандемии, ни после, хотя и наблюдаются локальные изменения вроде экономических успехов в отдельных малых странах или определенных сдвигов в структуре производства энергии. США не стали лидерами реализации ЦУР, ввязались в конфликты в Европе и Азии и все больше увязают в конкуренции с Китаем. Однако их внутреннее развитие в большой мере определяется собственными институтами, большими компаниями и обычным бизнесом, экономической политикой, которая преследует цели национальной элиты (независимо от партийного деления).

Нестабильность мировой экономики в 2020–2023 годы и разрастающийся геополитический кризис совпали с заметным усугублением внутренних социально-экономических (и политических) проблем развитых стран [Grigoryev, Pavlyushina 2020]. В США это выражается в усилении различий (многие считают — раскола) между активными сторонниками идеологии и партийных программ республиканцев и демократов, за которыми стоит борьба больших деловых групп. Избиратели, как это хорошо видно по выборам текущего века, пытаются повлиять на ход событий и социально-экономическую политику. Но ригидность предпочтений партийных масс и электоральных групп на фоне особенностей электоральной системы привела к удивительному результату развития демократии: несколько десятков тысяч избирателей в «колеблющихся» штатах в конечном итоге и определяют выбор президента, доминирующей партии и характер государственной политики. В 2024 г. состояние экономики страны в глазах избирателей было скорее «нейтральным» по отношению к выборам: не было спада, инфляция несколько спала, безработица была относительно низкой. Экономический рост и научно-технический прогресс в США сохраняют динамизм, что, с учетом гигантских размеров экономики, остается одной из важных опор всего мирового развития. Обе партии договорились не затрагивать в предвыборной кампании проблему государственного долга — так что можно сказать, что этот значимый фактор не имел той остроты, которую ему обычно придают в СМИ. Но выборы прошли — и можно возвращаться к долгосрочным проблемам. Проблемы и препятствия экономическому росту и ста-

бильности функционирования американской экономики остаются: это социальное и расовое неравенство, стареющая инфраструктура, растущий государственный долг, зависимость от притока финансовых ресурсов извне, огромные военные расходы и вовлеченность в мировые трения и конфликты.

Целью работы является оценка состояния экономики США на мировом фоне, имеющихся источников ее роста, а также ключевых проблем, которые предстоит решать новой администрации. В первой главе мы рассматриваем место США среди развитых стран и конкурентов из ведущих развивающихся стран. Вторая глава фокусируется на параметрах структуры ВВП и источниках финансирования развития, особенно внешних. В третьей главе мы обращаемся к основным социально-экономическим проблемам (особенно социальному неравенству) и перспективам экономического развития США на ближайшие годы.

1. Параметры экономического роста США на фоне конкурентов

Экономический рост в долгосрочном плане определяется трудом и капиталом, техническим прогрессом, качеством институтов и устойчивостью экономической системы к шокам. Кризисные потрясения в США исторически были частыми и глубокими, но в конечном итоге преодолевались. Экономика страны давно заняла уникальное положение в системе мирохозяйственных связей — она привлекает потоки рабочей силы, финансовые потоки и абсорбирует научно-технические достижения, выработанные как у себя, так и во всем мире.

Американская экономика развивает НТП с помощью высоких расходов на НИ-ОКР (3,5% ВВП — больше основных конкурентов) и привлечения талантов (своих и иммигрирующих), а потому демонстрирует значительный рост производительности труда. Собственно говоря, отрыв производительности труда в обрабатывающей промышленности США от европейской состоялся еще в 1920-х гг. В это десятилетие в Европе, особенно в Германии и Франции, шли сложные процессы, не слишком способствовавшие промышленному развитию. А в США это десятилетие характеризовалось масштабным экономическим подъемом, взрывным приростом иммиграции (нетто-приток — 3 млн человек), ростом экспорта. Подъем 1920-х гг. перемежался кризисами 1924 и 1927 гг., так что начавшийся в 1929 г. кризис был воспринят отчасти как нечто обыденное. Великая депрессия нанесла США тяжелый урон, но не отняла преимуществ по сравнению с европейскими странами. Она не была неизбежной в своих невероятных масштабах [Григорьев, Астапович 2021]. Ее старт и развитие были и во многом связаны с действиями и отсутствием контрдействий ФРС и катастрофическими последствиями для мировой торговли от Закона Смута — Хоули 1930 г. [Гринспен, Вулдридж 2022. С. 266-267]. Выдающийся кризис, распространившийся из США на весь развитый мир, не смог, однако, изменить соотношение уровней развития США и Германии, Японии, других стран. За годы Второй мировой войны разрыв только увеличился и в общем сохраняется до сих пор.

Заметим, что уроки Великой депрессии были в полной мере осознаны только в последние десять-пятнадцать лет. Именно ее анализ Бена Бернанке, будущим Нобелевским лауреатом, в приложении к предыдущему кризису — 2008–2010 гг.,

повлиял на характер антикризисных мер в ходе кризиса COVID-19: поток дешевых денег и фискальных стимулов в разгар кризиса (весной 2020 г. и далее). Этот рожденный из предыдущего американского опыта инновационный метод борьбы с кризисом дал неплохие результаты, но обернулся инфляцией, последующим ростом процентных ставок и сложностями макроэкономического регулирования, сохраняющимися по сей день и в США, и в ЕС.

Если взглянуть на простой обобщающий показатель ВВП на душу населения по ППС (2021 г.) за прошедший период XXI в., то на фоне нескольких крупных кризисов выявится весьма драматическая картина неравномерности развития крупных стран мира. Для целей нашего анализа наибольшее значение имеет положение США на общем фоне. В последние четверть века это положение изменилось [Elwell 2006]. Как и следовало ожидать из общих теорий экономического роста, США росли медленнее наиболее динамичных развивающихся стран, но не так уж сильно уступали крупнейшим развивающимся странам, взятым в совокупности (см. таблицу 1 на с. 13). Среднеразвитые страны — Аргентина, Бразилия, ЮАР и Россия, с их сложной историей развития в последний период, испытывают трудности роста. Возможно, это так называемая «ловушка среднего уровня развития». Китай, Индия, Индонезия проходят различные стадии индустриализации и в действительности осуществляют «догоняющее развитие». Быстрота экономического подъема приблизилась, например, Китай к США в относительном выражении — с 1,8% (4 тыс. долл. по ППС на душу населения к 55 тыс. долл.) до 30,1% (22 тыс. долл. к 73 тыс. долл.) (см. таблицу 1). Однако «линейная» дистанция поразительно сохранилась на том же уровне — 51 тыс. долларов. Дело, разумеется, не в «мистике чисел», а в том, что американская экономика, несмотря на внутренние проблемы и мировые шоки, показывает значительный рост на протяжении очень долгого времени.

Специальная работа по долгосрочному росту США показывает, что душевой реальный ВВП этой страны рос в течение 125 лет со средним темпом прироста в 1,8% [Elwell 2006. P. 4]. Накопленный с XIX в. экономический прогресс создал громадный отрыв развитого мира от стран с более поздним стартом. Мы охарактеризовали такую ситуацию — значительного долгосрочного роста высокоразвитых стран при относительно малых темпах ежегодного прироста за счет накопленного преимущества и недостаточно выразительного эффекта догоняющего роста развивающихся стран — как «Ахиллес никогда не догонит Черепаху» [Григорьев, Майхрович 2023]. И это важный факт бытия, создающий трудности в достижении успеха в ЦУР 10 («Сокращение неравенства»), что остается важным вопросом теории роста в мире в целом.

Однако в последние десятилетия развитые страны демонстрируют весьма сложную картину роста внутри своей группировки. Журнал *The Economist* выразился в октябре 2024 г. на редкость прямолинейно: «Американская экономика оставила остальные богатые страны на обочине (in the dust)» [Rabinovitch, Curr 2024]. Крупнейшие развитые страны, показанные в таблице 1 на с. 13, в отличие от нескольких развивающихся, отставали от США эти 24 года. Причем отставали по ВВП на душу населения по ППС, который устраняет колебания валютных курсов. Разрыв (линейный) между США и ЕС (расширившимся за этот период на страны Центральной и Восточной Европы, но лишившимся Великобритании) составлял в 2000 г. 15 тыс.

долл., а к 2023 г. вырос до 20 тыс. долл. Дистанция по этому показателю между США и Великобританией удвоилась, между США и Германией также возросла весьма значительно. Получается, что даже на самом вершине развитых и среди ведущих развивающихся стран мы наблюдаем скорее усиление неравенства между странами, нежели выраженную конвергенцию.

Таблица 1. Динамика ВВП по ППС, 2000–2023 гг.

ВВП на душу населения (по ППС 2021 г.), тыс. долл.				Среднегодовой прирост ВВП (ППС-2021 на душу населения), %	
Страна	2000	2011	2023	2000-2011	2011-2023
США	55,1	60,3	73,6	0,83	1,68
Великобритания	44,8	48,9	54,1	0,80	0,85
Германия	49,8	57,7	61,6	1,35	0,59
Франция	47,6	51,3	55,2	0,69	0,61
Япония	39,2	41,2	46,3	0,45	0,97
ЕС	40,5	46,5	53,8	1,28	1,22
Россия	20,3	34,8	39,8	5,02	1,12
Китай	4,0	11,2	22,1	9,83	5,85
Бразилия	13,9	18,3	18,6	2,59	0,09
Индия	3,1	5,3	9,2	4,95	4,74
Индонезия	6,1	9,4	14,1	3,95	3,45
ЮАР	11,3	14,6	14,3	2,38	-0,17
Аргентина	22,4	29,8	26,5	2,63	-0,9
Египет	10,2	13,4	17,0	2,46	2,01
Саудовская Аравия	40,4	44,7	49,6	0,91	0,87

Источник: составлено автором на базе данных показателей мирового развития Всемирного банка.

На протяжении последнего столетия экономика США обладает ресурсами — людскими, финансовыми, технологическими — и обеспечивает устойчивость права и дух предпринимательства, а в конечном итоге институты развития. За это столетие многие страны смогли сделать прорывы в развитии, но США сохранили значительное превосходство в душевом выпуске.

Конфигурация параметров американской экономики имеет довольно устойчивый характер (см. таблицу 2 на с. 14). При высокой и циклически колеблющейся безработице занятость в общем растет. Инфляция в последние десятилетия (до 2022 г.) может считаться умеренной. Государственный долг существенно вырос (вдвое к ВВП), но существенный параметр — его обслуживание (выплата процен-

тов) — до недавнего времени находился в приемлемых рамках, тем более что значительная часть его держится в ФРС. Впрочем, в 2023–2024 гг. рост ставок процента по гособлигациям (вслед за инфляцией) происходил параллельно с «обновлением» запаса облигаций со старых «дешевых» на новые «дорогие» для обслуживания Казначейством, что увеличивает платежи по долгу и делает его большей проблемой.

Таблица 2. Ключевые показатели экономики США по периодам

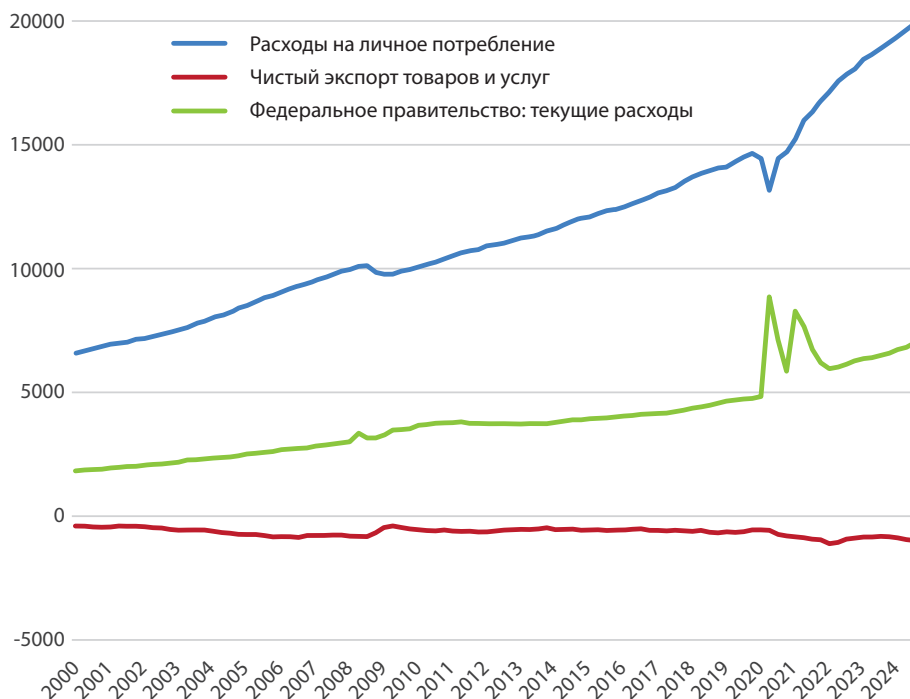
Период	1993-2002	2003-2012	2013-2019	2020	2021	2022
Рост реального ВВП, %	3,4	1,9	2,3	-2,2	6,1	2,5
Рост рабочей силы, %	1,2	0,7	0,8	-1,7	0,3	1,9
Безработица, %	5,2	6,8	5,1	8,1	5,4	3,6
Рост реальных частных инвестиций в основные средства, %	6,8	3,4	5,6	-0,6	8,2	2,9
Инфляция, ИПЦ, %	2,5	2,5	1,6	1,2	4,7	8
Дефицит бюджета, % от ВВП	-0,6	-4,8	-3,5	-14,9	-11,9	-5,4
Норма личного потребления, %	65,4	67,8	67,4	66,6	68,0	68
Норма сбережения, %	19,4	16,8	18,9	18,3	17,7	18,1
Ставки по 10-летним гособлигациям, %	5,9	3,7	2,3	0,9	1,4	3
Государственный долг, % от ВВП	60,7	75,1	103,1	126	120,1	119

Источник: Bureau of Economic Analysis (BEA).

Среди необычных параметров американской экономики можно выделить два очень важных: умеренную норму сбережений (до 20%) и исключительно высокую норму личного потребления в ВВП (66–69%). Первый из двух в сочетании с бюджетным дефицитом требует внешних вливаний. Второй нужно сравнивать с обычными 50–55% ВВП у большинства стран мира (и около 40% у Китая). Американцы «лично съедают» намного большую часть своего ВВП, чем жители всех остальных стран мира. То есть эффект высокого душевого ВВП на уровень потребления усиливается примерно на одну пятую за счет удивительной структуры ВВП. Это обеспечивает высокий уровень жизни, не ограничивая государственные расходы и накопление.

В формуле ВВП этот дисбаланс уравнивается отрицательным сальдо счета текущих операций, покрытым притоком капитала. На рисунке 1 на с. 15 хорошо виден рост госрасходов и личного потребления в 2020-х гг. на фоне мировых потрясений и увеличения отрицательного сальдо торговли. Рисунок 1 показывает очень «американский» — неповторимый или неповторяемый — набор тенденций 2020-х гг.: короткое падение личного потребления в 2020 г. и быстрый рост номинального потребления после выхода из пандемии (частично за счет инфляции). Но рядом идут корреспондирующий взлет госрасходов и расширение отрицательного сальдо внешней торговли.

Рисунок 1. Личное потребление, чистый экспорт и госрасходы США, млрд долл., 2001–2023 гг.

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка.

Примечание: на рисунке показана ежеквартальная динамика, скорректированная на сезонность.

2. Взаимодействие экономики США с внешней средой

Американская экономика достаточно велика (порядка одной шестой – одной пятой ВВП мира в зависимости от способа измерения), чтобы ее можно было рассматривать как самостоятельный объект анализа. Огромный хозяйственный организм, разумеется, взаимодействует с окружающим миром, с множеством стран, компаний и международных организаций. Но он имеет преимущества большого масштаба, возможности стратегирования, мощи – как экономической, так и военной. Благодаря этому страна имеет возможность формировать институционально-правовой порядок в окружающем мире как посредством коалиций с союзниками, так и через компании и внутренние суды, а также – все больше – и через административные решения государственных органов. Соппротивление различных агентов воспринимается как неразумное поведение и часто подводится под категорию (прямо или с натяжкой) нарушения закона. Формирование мировых институтов регулирования (governance) имеет большую историю и теорию [Григорьев, Курдин 2013], но у нас нет возможности пересматривать ключевые моменты этой сложной и интересной дискуссии. В целом все согласны, что уникальность доллара создает значительные преимущества для торговли и привлечения капитала. А уникальная

роль финансовых институтов США – особенно банков – и расположение международных финансовых организаций на американской территории в совокупности позволяют стране опосредовать значительную часть мировых финансовых потоков, определяя направление их вложений, правовой контроль, регулирование конкуренции и направления развития финансовой системы.

Американская статистика дает материал для анализа основных параметров своей финансовой системы в отношении с остальным миром. Мы ограничимся сравнением основных параметров: активов и пассивов секторов на конец 2010 и 2023 гг. (см. таблицу 3 на с. 16). Часть демонстрируемых параметров носит в общем очевидный характер, но вот их значения и динамика впечатляют.

Семьи опосредовано через финансовый сектор являются гигантским конечным кредитором промышленности, сельского хозяйства, торговли (нефинансового сектора) и государства. Хотя население интенсивно берет кредиты у банков и других финансовых институтов, однако пенсионные, страховые и инвестиционные фонды, банковские депозиты являются главными центрами сосредоточения сбережений и источником кредита. Общее превышение активов сектора домохозяйств над его пассивами составило порядка 40 трлн долл. в 2010 г. и около 95 трлн долл. в конце 2023 г.

Таблица 3. Активы и пассивы секторов экономики США, 2010-2023 гг.
Данные на конец 4-го квартала, трлн долл. и % ВВП (годовые данные)

2010			
Обязательства	Активы	Обязательства	Активы
Домохозяйства	Финансовый сектор		Домохозяйства
13,3	75,1	69,1	52,4
87,0%	490,8%	451,3%	342,0%
Нефинансовый бизнес			Нефинансовый бизнес
14,3			28,3
93,2%	Активы	Обязательства	184,7%
Государство	Внешний сектор		Государство
13,8	21,8	24,3	4,5
89,8%	142,2%	158,6%	29,2%
2023			
Обязательства	Активы	Обязательства	Активы
Домохозяйства	Финансовый сектор		Домохозяйства
19,2	135,95	121,7	112,5
68,5%	486,5%	435,4%	402,7%
Нефинансовый бизнес			Нефинансовый бизнес
28,7			60,5
102,6%			216,6%

Обязательства	Активы	Обязательства	Активы
Государство	Внешний сектор		Государство
32,7	34,4	54,3	8,6
117,1%	123,1%	194,1%	30,9%

Источник:

ВВП: BEA. Table 1.1.5. Gross domestic product // [https://apps.bea.gov/iTable/?reqid=19&step=2&isu ri=1&categories=survey&gl=1*cu88fg*_ga*MTM4NDI4NzkyNy4xNzI0MTk5NzA1*_ga_J4698JNNFT*MTcyOTAzOTAwMi4xMi4xLjE3MjkwMzkwMDkuNTMuMC4w#eyJhcHBpZCI6MTksInN0ZXBzIjpbMSwYLDMsM10sImRhdGEiOiI0ImNh dGVnb3JpZXM iLCJTdXJ2ZXkiXSxbIk5JUEFFVGFibGVfTGldzClS IjUiXSxbIkZpcnN0X1llyYXIIiLCIyMDA3Ii0sWyJMYXN0X1llyYXIIiLCIyMDExIi0sWyJTY2FsZSIsIi02Ii0sWyJTZXJpZXM iLCJRI11dfQ==](https://apps.bea.gov/iTable/?reqid=19&step=2&isu ri=1&categories=survey&gl=1*cu88fg*_ga*MTM4NDI4NzkyNy4xNzI0MTk5NzA1*_ga_J4698JNNFT*MTcyOTAzOTAwMi4xMi4xLjE3MjkwMzkwMDkuNTMuMC4w#eyJhcHBpZCI6MTksInN0ZXBzIjpbMSwYLDMsM10sImRhdGEiOiI0ImNh dGVnb3JpZXMiLCJTdXJ2ZXkiXSxbIk5JUEFFVGFibGVfTGldzClS IjUiXSxbIkZpcnN0X1llyYXIIiLCIyMDA3Ii0sWyJMYXN0X1llyYXIIiLCIyMDExIi0sWyJTY2FsZSIsIi02Ii0sWyJTZXJpZXM iLCJRI11dfQ==)

Обязательства и активы домохозяйств (households), финансового сектора (domestic financial sector), нефинансового бизнеса (nonfinancial corporate business), государства (federal government, state and local government): Board of Governors of the Federal Reserve System (US) // <https://fred.stlouisfed.org/series/TABSNNCB>

Активы и обязательства внешнего сектора: BEA. Table 1.2. U.S. Net International Investment Position at the End of the Period, Expanded Detail // https://apps.bea.gov/iTable/?reqid=62&step=5&isu ri=1&product=5&gl=1*a7255o*_ga*NDY4OTc5MTI5LjE3MTI4NjA1OTU*_ga_J4698JNNFT*MTcxMjg2MDU5NC4xLjEuMTcxMjg2MDc5MC42MC4wLjA.#eyJhcHBpZCI6NjIsInN0ZXBzIjpbMSwYLDYsN10sImRhdGEiOiI0ImNh dGVnb3JpZXM iLCJTdXJ2ZXkiXSxbIk5JUEFFVGFibGVfTGldzClS IjUiXSxbIkZpcnN0X1llyYXIIiLCIyMDA3Ii0sWyJUYWJsZUxpc3QiLCIyNDQxIi0sWyJpYXN0X1llyYXIIiLCIyMDExIi0sWyJTY2FsZSIsIi02Ii0sWyJTZXJpZXM iLCJRI11dfQ==

Государство было в «чистом» долгу в 2010 г. на 9,3 трлн долл., а в конце 2023 г. — на 24 трлн долл., или почти на 15 трлн больше. Соответственно, нефинансовый сектор, производящий товары и услуги, привлек дополнительно более 14 трлн долл. с 2010 г. и достиг к 2023 г. уровня долга в 28,7 трлн долл. Обязательства государства увеличились на 18,9 трлн долл. (32,7 - 13,8), а нефинансового сектора — на 14,3 трлн долл. (28,7 - 14,3), в сумме за эти 13 лет — на 33,3 трлн долл.

Но рассмотрим, какие сектора обеспечили эти ресурсы. Разумеется, тут явно использованы средства населения и внешние ресурсы. Вот в этой части баланса за 13 лет произошли удивительные события, которые подробно рассмотрены в статье [Меджидова 2024]. Чистые вложения всего мира в экономику США составили в 2010 году лишь 2,5 трлн долл. (24,3 - 21,8), а к 2023 г. они достигли впечатляющей величины в 19,9 трлн долл. (54,3 - 34,4), или около 70% ВВП.

Это чудо мировой щедрости в самом широком смысле объясняется превышением темпов роста в США в этот период по сравнению с Европой, относительной устойчивостью финансовых рисков и высоким спросом на финансовые ресурсы при сохранении относительного низкого риска после финансового кризиса. Масштабный переток средств извне приходил из многих стран мира, но основной поток шел из Европы [Меджидова 2024]. Политика количественного смягчения, огромные фискальные вливания в 2020 г. стали триггером перетока прямых инве-

стиций и кредитных ресурсов из ЕС в США. Пока мир ищет средства для развивающихся стран на реализацию ЦУР и борьбу с изменением климата, основная масса свободных сбережений инвестируется в США, которым не хватает внутренних сбережений для роста и финансирования госрасходов. Как, наверное, сказали бы марксисты в прошлые времена: глобальная неустойчивость и ошибки экономической политики Евросоюза вызвали увеличение перелива капитала в США. Заметим также, что некоторые теоремы о закономерностях перетока капитала в данном случае не срабатывают в их простейших вариантах. Глобальная неустойчивость и нетривиальные антикризисные вливания средств Минфина и ФРС в экономику страны усилили бегство капиталов из Европы и других регионов «к надежности». Прямые и портфельные инвестиции в 2020-е гг. стали уходить в США от риска, хотя процентные ставки по долгосрочным облигациям в США были выше европейских лишь на полпункта-пункт.

Большой приток финансовых ресурсов в страну в последние тринадцать лет шел параллельно с притоком мигрантов при сохранении высокого уровня расходов на НИОКР. Последнее обеспечивало повышение эффективности капиталовложений. Самостоятельную и очень важную роль играет цикл жилищного строительства — после бума 2001–2005 гг. Около 2% ВВП вкладывается в интеллектуальные капитальные активы, так что относительно невысокая норма накопления (менее 20%) вполне обеспечивает рост ВВП. Это важный самостоятельный фактор увеличения доли личного потребления, хотя этот феномен заслуживает более глубокого анализа.

Остается необходимым объяснить высокие значения отрицательного сальдо торгового баланса. Как показано в таблице 4 на с. 18, они достигают ежегодно 3–4% ВВП. А это, можно сказать, «товарный вклад» мира в благосостояние США и поддержание высокого уровня личного потребления.

Таблица 4. Макроэкономические параметры, 2000–2023 гг.

Страна	Экспорт (в % от ВВП)			Импорт (в % от ВВП)			Индекс потребительских цен (100=2010 г.)			Безработица (в % от рабочей силы)		
	2000	2010	2023	2000	2010	2023	2000	2010	2023	2000	2010	2023
США	10,7	12,3	11,1	14,4	15,9	13,9	79	100	139,7	3,99	9,63	3,63
Великобритания	25,7	28,9	32,2	26,9	30,4	33,4	81,5	100	142,7	5,56	7,79	4,05
Германия	30,8	42,6	47,1	30,7	37,3	43	85,7	100	131,9	7,92	6,97	3,04
Франция	28,6	26,8	32,7	27,3	28,1	34,9	84,4	100	124	10,22	9,28	7,32
Япония	10,5	14,9	17	9,1	13,6	24	103	100	111,4	4,75	5,1	2,58
ЕС	35,7	40,3	52,7	34,9	38,7	49	-	100	130	9,8	9,9	6,0
Россия	44,1	29,2	23,1	24	21,1	18,7	30,8	100	-	10,6	7,4	3,3
Китай	20,9	27,2	19,7	18,5	23,5	17,6	81	100	132,2	3,26	4,53	4,67
Бразилия	10,2	10,9	18,1	12,5	11,9	15,7	52,5	100	213,9	10,9	8,4	8
Индия	13	22,4	21,9	13,9	26,9	24	54,3	100	216,9	7,9	8,3	4,2
Индонезия	41	24,3	21,7	30,5	22,4	19,6	44	100	169,1	6,1	5,6	3,4
ЮАР	24,4	25,8	33	21,8	24,6	32,7	59,9	100	194,8	19,8	23,2	28

Страна	Экспорт (в % от ВВП)			Импорт (в % от ВВП)			Индекс потребительских цен (100=2010 г.)			Безработица (в % от рабочей силы)		
	2000	2010	2023	2000	2010	2023	2000	2010	2023	2000	2010	2023
Аргентина	11	18,9	12,9	11,6	16	14,1	-	100	124	15	7,7	6,2
Египет	16,2	21,3	19,1	22,8	26,6	21,3	45,1	100	486,3	8,98	8,76	7,31
Саудовская Аравия	43,4	49,6	34,7	24,8	33	27,4	76,7	100	132,4	4,57	5,55	4,88

Источник: составлено автором на базе данных показателей мирового развития Всемирного банка.

Показатели таблицы 4 демонстрируют положение США как страны с вполне умеренными показателями инфляции и безработицы, если не фиксировать внимание на кризисных годах. Тем самым, привлекательность огромного рынка усилена большей стабильностью, чем у ведущих партнеров, а также связана с критически важными для притока иностранных инвестиций факторами — долгосрочной надежностью правовой обстановки и отсутствием жесткой климатической политики [Есаян 2024]. Неудивительно, что 79% прямых иностранных инвестиций в 2022 г. пришло из Канады и европейских развитых стран, а к ним же ушло 65% американского вывоза ПИИ [ERP 2024. P. 189]. США в основном обеспечивают на приемлемом уровне и большинство макропараметров. Особенно наглядна ситуация с внешней торговлей, для которой курс американской валюты, разумеется, важен [Флореш 2024].

Таким образом, на мировых товарных и финансовых рынках сложилось нетривиальное равновесие, в котором самая развитая страна мира получает огромный приток финансовых ресурсов и одновременно имеет необычно высокую долю личного потребления в ВВП. Уникальным является и тот факт, что наука воспринимает эту ситуацию совершенно флегматично, но с большим упорством пытается найти средства для преодоления бедности, борьбы с изменением климата и финансирования устойчивого развития. Понятно, что такой значительный переток средств между большими регионами (вместо вложения в развивающиеся страны) выступает инструментом увеличения неравенства. Призыв изыскать почти триллион долларов для программы повышения конкурентоспособности Евросоюза, предложенной Марио Драги, также выглядит отчаянной попыткой поиска не там, где спрятано, а там, где светло [Draghi 2024].

3. Проблемы экономики США в среднесрочной перспективе

Экономика США является бенефициаром научно-технического прогресса, накопленного экономического потенциала, экономической и военной мощи и специфических особенностей финансового сектора страны. Тяжелые 2020–2024 гг. США в конечном итоге прошли намного успешнее Евросоюза, что сохраняет их доминирующую позицию в мировой экономике. Но страна ощущает ряд весьма сложных проблем, решение которых часто или очень дорого, или практически

нереально на ограниченном горизонте в один-два президентских срока. Мы не будем пытаться в одной статье раскрыть всю сложность хотя бы основных проблем экономики США или составить длинные разветвленные списки. Ограничимся несколькими серьезными вопросами, которые придется решать новому президенту. Поскольку за последние годы геополитическая турбулентность, межстрановые и внутристрановые конфликты, пандемия и природные катаклизмы поставили мир на грань следования по спирали вниз, лучше всего было бы потратить средства великой экономической державы на восстановление мира и глобального институционального порядка, решение частных конфликтов и помощь пострадавшим. Но об этом можно только мечтать, и вряд ли политики ждут в этих вопросах советов от представителей общественных наук.

Обсуждение социально-экономических проблем страны можно начать с инфраструктуры. Периодом массового строительства дорог, мостов и плотин в США были 1960–1970-е гг. Для всех видов инфраструктуры фактические сроки жизни (40–50 для сооружений и 20–30 для шоссейных дорог и железных дорог) близки к своему завершению, а для плотин и автомобильных шоссе уже перекрыты. Их обновление стоит порядка триллиона долларов при том, что немедленной коммерческой отдачи ожидать не приходится [Zhao et al. 2019]. Историю с прорывом плотины в Новом Орлеане по возможности не вспоминают. Закон «Об инфраструктурных инвестициях и рабочих местах» (Infrastructure Investment and Jobs Act, IJA) был принят 5 ноября 2021 г. при поддержке обеих партий. Он должен подтолкнуть инвестиции в эту сферу, хотя выделенные средства сами по себе, конечно, недостаточны — нужно порядка 2,4% ВВП ежегодно, тогда как сам Закон предусматривает финансирование в объеме 65 млрд долл.¹ Недавние ураганы на Атлантическом побережье, учащение тайфунов, засух и наводнений как последствия климатических изменений сигнализируют о будущих расходах на адаптацию. Шансы на смягчение изменения климата довольно блеклые, а климатическая программа самих США остается довольно скромной [Есаян 2024]. Аналогично можно охарактеризовать и потребности на развитие и перестройку энергетических отраслей. Пока страна решила другую задачу — достигла самообеспеченности с помощью сланцевых нефти и газа. США стали экспортером, при этом их энергобаланс на 80,5% состоит из углеводородов [Хейфец 2024].

Защита высокой степени либерализации экономики у американских политиков легко сочетается с настойчивой промышленной политикой. К последней относятся субсидирование исследований в области сланцевых углеводородов, а также законы по чипам (The CHIPS Act), инфраструктуре (IJA) и борьбе с инфляцией (Inflation Reduction Act, IRA) [Galbraith 2024].

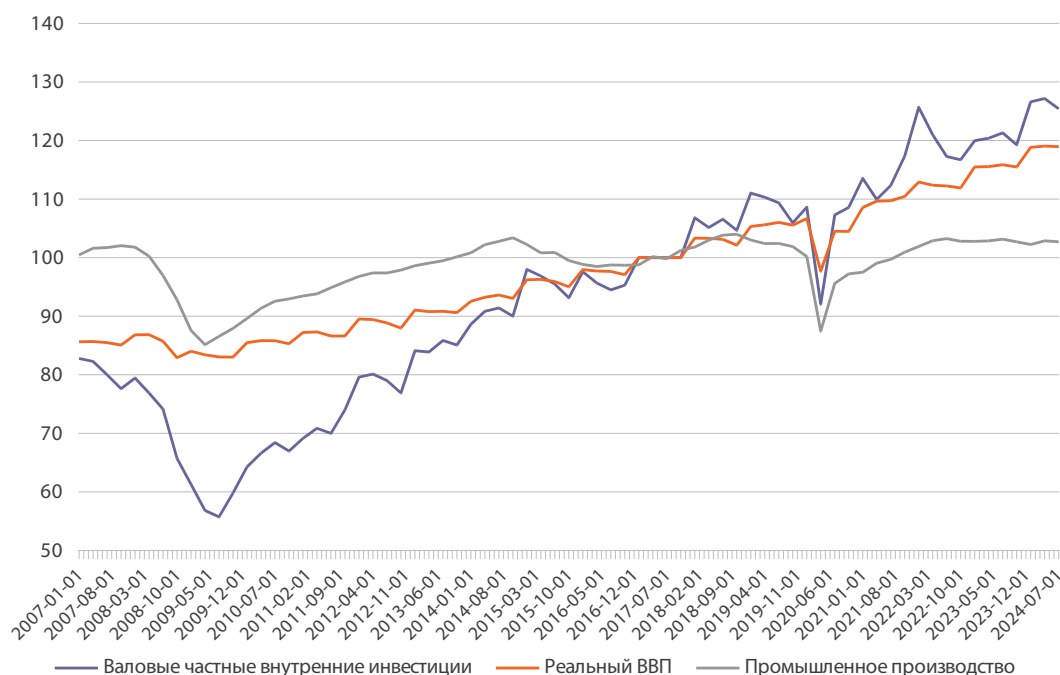
В Законе о борьбе с инфляцией предполагаются огромные субсидии на производство электромобилей, вводимые в сочетании с утвержденными в мае пошлинами в 100% на импорт китайских машин с электродвигателями. Все эти действия уходящей администрации выглядят спорными с точки зрения либерализации международной торговли. Более того, предлагавшееся Д. Трампом в предвыборную кампанию повышение тарифов на весь импорт вообще опасно: напрашиваются

¹ <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/05/BUILDING-A-BETTER-AMERICA-V2.pdf#page=385>

аналогии с законом Смута – Хоули 1930 г., который разрушил международную торговлю и способствовал превращению американского внутреннего кризиса в мировую Великую депрессию. Хотя до этого в современных условиях, надо полагать, дело не дойдет, но систематическое повышение стоимости импорта при значительной зависимости от него внутреннего потребления ударит по карманам потребителей и издержкам фирм.

Проблема промышленной политики не ограничивается только таможенными тарифами и субсидиями в определенных секторах экономики. Центральной проблемой развитых и среднеразвитых стран является обрабатывающая промышленность. Для многих стран крайне трудно конвертировать свои доходы от экспорта природных ресурсов в покупку товаров собственной промышленности, поднять ее эффективность и конкурентоспособность. Вместо этого доходы, как правило, уходят к странам-экспортерам потребительских товаров, которые заполняют внутренние рынки экспортеров сырья (ситуация, характерная, например, для России и Бразилии). Как ни парадоксально, высокая цена труда и доступность дешевого импорта создали похожий эффект для США – через большое отрицательное сальдо торгового баланса. Рисунок 2 на с. 21 показывает довольно вялый рост в промышленности страны по сравнению с ВВП за последнюю четверть века (и это при росте добычи углеводородов).

Рисунок 2. Динамика реального ВВП, валовых капиталовложений и промышленного производства в США в 2007 – 2 кв. 2024 гг., квартальные данные, 2017=100.

Источник: составлено автором на основе данных FRED.

Одна из проблем страны, вокруг которой сломано много научных и политических копий, — это проблема реиндустриализации, которой США де-факто начали заниматься и которая связана с будущим занятости, технологий, экспорта. Вступающий в должность президент может как получить поддержку многих экономистов по поводу промышленной политики ради создания рабочих мест и поддержки среднего класса, технологического лидерства в будущем и поддержания конкурентоспособности, так и столкнуться с критикой конкретных планов. Отсюда характерные названия недавних статей видных американских интеллектуалов: «Америка не имеет альтернатив промышленной политике» [DeLong 2024]; «Промышленная политика — это хорошая идея, у нас она до сих пор отсутствует» [Galbraith 2024]. Эти подходы созвучны позициям многих представителей бизнеса и политической элиты. Но вопрос в том, насколько такая политика может быть выработана и согласована с учетом протекающих макроэкономических процессов.

Таблица 5. Параметры государственного бюджета, расходов на НИОКР и неравенства

Страна	Гос. расходы в % от ВВП			Гос. доходы в % от ВВП			Расходы на НИОКР в % от ВВП			Доля 10 дециля в % от ВВП			Военные расходы в % ВВП		
	2000	2010	2020	2000	2010	2020	2000	2010	2020	2000	2010	2020	2000	2010	2020
США	33	39,8	37	35	28,8	32,7	2,6	2,7	3,5	30,3	29,3	30,2	3,1	4,9	3,5
Великобритания	34	44,7	44,4	35,3	35,5	39,7	1,6	1,6	2,8	31,1	26,4	24,6	2,4	2,6	2,2
Германия	47,8	48,1	49,5	46,2	43,8	47	2,4	2,7	3,1	22,9	24,0	25,0	1,4	1,3	1,4
Франция	51,7	56,9	58,3	50,3	50	53,5	2,1	2,2	2,2	25,4	27,1	24,9	2,1	2,0	1,9
Япония	35	38	42	28,7	28,7	37,6	2,9	3,1	3,7	-	25,7	-	0,9	0,9	1,1
ЕС	47,1	51	50	46,1	39	41	1,8	2,0	2,3	-	-	-	1,7	1,5	1,6
Россия	30,7	35,5	35,5	33,8	32,3	34,2	1	1,1	0,9	27,6	30,6	-	3,3	3,6	4,1
Китай	16,3	25,1	33,5	13,4	24,7	26	0,9	1,7	2,6	29,4	32,6	28,2	1,8	1,7	1,6
Бразилия	34	42,2	45,6	31	39,1	42,6	1,1	1,2	-	46,5	41,7	41,0	1,7	1,5	1,1
Индия	26	28	29	18	19	20	0,8	0,8	0,7	28,3	29,9	25,0	2,9	2,9	2,4
Индонезия	15,3	16,9	17,4	13,4	15,6	15,2	0,1	0,1	0,2	25,0	29,5	30,7	0,7	0,6	0,7
ЮАР	22,7	28,3	32	21,3	23,8	27,7	0,6	0,7	0,9	44,9	51,3	-	1,4	1,0	0,7
Аргентина	25,3	33,4	37,8	21,8	32	34	0,4	0,6	0,5	37,7	31,8	29,8	1,1	0,8	0,4
Египет	26	31,4	24,7	27,3	23,9	18,9	0,2	0,4	1	26,4	27,0	27,5	2,6	2,0	1,1
Саудовская Аравия	33,1	33	28,3	36,3	37,4	30,7	0,1	0,9	0,5	-	-	-	10,5	8,6	7,4

Источник: рассчитано автором по данным МВФ и Всемирного банка.

Дефицит бюджета США на фоне других стран не выглядит драматическим в процентном выражении — в мире много стран с большими регулярными дефицитами. Однако в абсолютном выражении американский самый большой и коррелирует с большим долгом. Это дефицит нуждается в огромных сбережениях

для покупки дополнительных выпусков облигаций у Минфина и огромных доходах для обслуживания. Рост процентных ставок в 2024 г., как уже отмечалось, вывел обслуживание государственного долга США на уровень военных расходов. А страна радикально отличается от остального мира по уровню военных расходов — они аномально высоки. Но одновременно у США и высокий уровень расходов на НИОКР, особенно среди бизнеса. Уникальность финансовых потоков в США оставляет исследователю возможность рассуждать, в какой степени приток капиталов извне обслуживает техническое или военное направление расходов или же личное потребление.

В любом случае обслуживание государственного долга и установление потолка госдолга — это вечная проблема межпартийной борьбы в США, хотя менее значимая, чем это часто характеризуется наблюдателями. Но приемлемое состояние экономики страны заметно ослабило роль этой темы в предвыборной борьбе, уступив место опасениям возврата инфляции. Даже тема потолка долга была оставлена двумя партиями, чтобы не рисковать отношением избирателей к угрозе остановки правительства.

Экономического спада в мире, ожидавшегося многими наблюдателями в 2023 г., так и не произошло. Будущее состояние макроэкономических показателей, финансов и промышленной политики будет зависеть от того, как будет развиваться геополитическая ситуация, цены на нефть, деловой цикл, и как набор политических предвыборных обещаний будет превращаться в государственные расходы [Григорьев 2024].

Долг будет продолжать расти, но впереди еще активные дебаты на тему, что такое долг и насколько его много. При низких ставках процентов по гособлигациям сам по себе размер долга не столь важен. Так что при удачной макроэкономической политике сдерживания инфляции ФРС может помочь Минфину наращивать госрасходы и госдолг и далее. Оценки перспектив обслуживания долга в ближайшие годы не выглядят тревожными (см. Приложение на с. 26). МВФ в целом считает американскую финансовую ситуацию относительно устойчивой, что бывало далеко не всегда [IMF 2024]. Однако, как выразился Барри Эйхенгрин, «американский долг одновременно и устойчив, и проблема» [Eichengreen 2024].

Наконец, остаются социальные проблемы и тормоза развития. Таблица 5 на с. 22 показывает, что социальное неравенство в США «устойчиво» — доля 10-го дециля в национальном доходе выше, чем у большинства развитых стран, и не снижается. Характер англо-саксонского типа неравенства (с более высокими показателями неравенства, чем в континентальной Европе) связан отчасти с сильными вертикальными лифтами. Надежда на личный успех заставляет работать, и в конечном итоге неравенство воспринимается мягче и сохраняется. Разумеется, для многих иммигрантов «бедность в Америке» — это заметно лучшие условия жизни, чем уровень благосостояния в своей стране. Так что приток латиноамериканцев обеспечивает устойчивый слой низкооплачиваемой (относительно «традиционных белых») рабочей силы. Правда, они составляют значительную конкуренцию африканскому трудовому слою.

Относительное различие душевых доходов разных этнических групп (азиаты – белые – латиноамериканцы – афроамериканцы) является американской спецификой и сохраняется десятилетиями (при общем росте доходов). По состоянию на 2023 г. виден большой успех азиатской общины, чьи медианные доходы на значительную величину (21%) превышают средний по стране уровень в 95 тыс. долл. в год на семью. В 2002 г. превышение было 19% (при средних доходах в 70 тыс. долл.). К 2023 г. медианные доходы белых оказались ниже средних, хотя ненамного — на 6%. А вот ситуация для испаноязычных явно ухудшилась: произошёл сдвиг с -21% к -31% от общей средней величины (было 55 тыс. долл. — стало 65,5 тыс. долл.). Положение афроамериканских семей по этому показателю также ухудшилось: с -33% до -41% (было 47 тыс. долл. — стало 56 тыс. долл.) [Петровская 2024]. Общий уровень благосостояния, конечно, вырос, но относительное неравенство серьезно усугубилось.

Государство вкладывает значительные средства в выравнивание условий для детей, образование и другие каналы для снижения неравенства. Результаты есть, но недостаточны для значительного улучшения ситуации. Но, как мы видим, сохраняющиеся разрывы между этническими группами как части социального неравенства [Григорьев, Григорьева 2021] все больше воздействуют на социально-политическую обстановку и электоральные процессы. С ростом доли латиноамериканцев и азиатской группы эти процессы будут изменяться. Но не видно способа избежать проблемы исключительно через рост расходов бюджета — это проблема глубокой трансформации общества, пути к которой не видно.

Заключение: влияние на весь мир

Уникальность положения США в мировой экономике базируется на накопленных в течение двух столетий преимуществах изоляции от европейских и азиатских войн, притока рабочих рук, талантов и финансов. На фоне ожидаемого замедления роста в 2020-х гг. [Kose, Ohnsorge 2023] многое будет зависеть от способности США поддержать свои темпы роста и каким способом. Экономические колебания и финансовые шоки последних десятилетий не устранили преимущества долларовой системы, не остановили приток мигрантов и зарубежного капитала, ищущего безопасного приложения. Эта специфика США ускоряет экономический рост и увеличивает благосостояние страны, а также отрыв от тех стран, которые лишены таких возможностей. Но и проблемы, сформировавшиеся на этом пути, сцементированы до такой степени, что не могут быть решены в рамках традиционных качелей двухпартийной политики и коротких электоральных циклов. Речь идет об относительной бедности больших масс населения страны (особенно африканского происхождения); изменении этнического состава населения (в том числе в связи с миграцией); старении инфраструктуры; зависимости экономического роста от притока миллионов мигрантов и триллионов внешних финансовых вливаний. Неравенство англо-саксонского типа поддерживается всей системой институтов страны. Оно останется в центре социальных проблем США на обозримое будущее.

Библиография

- Григорьев Л.М. Весна переоценки: как меняется видение мировой экономики международными организациями // Современная мировая экономика. Том. 2. 2024. № 1(5).
- Григорьев Л.М. США: три социально-экономические проблемы // Вопросы экономики. 2013. №12. С. 48-73.
- Григорьев Л. М., Астапович А. От Великой депрессии к системным реформам // Россия в глобальной политике. 2021. №1. С. 104-119.
- Григорьев Л.М., Григорьева Н.Л. США: экономика и социальная структура перед сменой эпох // Вопросы экономики. №1. 2021. С. 98-119.
- Григорьев Л., Григорьева Н. Экономическая динамика и электоральное поведение // Феномен Трампа / под ред. А.В. Кузнецова. Гл. 3.4. М.: ИНИОН, 2020.
- Григорьев Л.М., Курдин А.А. Механизмы глобального регулирования: экономический анализ // Вопросы экономики. 2013. №7. С. 4-28.
- Григорьев Л.М., Майхрович М.Я. Теории роста и реалии последних десятилетий (Вопросы социокультурных кодов — к расширению исследовательской программы) // Вопросы экономики. 2023. №2. С. 14-41.
- Григорьев Л.М., Морозкина А.К. Успешная неустойчивая индустриализация мира: 1880–1913. М.: Нестор-История, 2021.
- Гринспен А., Вулдридж А. Капитализм в Америке. М.: Альпина, 2022.
- Есяян М.А. Общенациональные и региональные тенденции климатической политики США // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №3(7).
- Меджидова Д.Д. Международная инвестиционная позиция США в XXI в. // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №3(7).
- Петровская Н.Е. Трансформация этнической структуры электората США // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №3(7).
- Флореш Р. Замена доллара в международных расчетах: предварительная оценка // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №3(7).
- Хейфец Е.А. Направления развития топливно-энергетического комплекса США // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №3(7).
- DeLong J. B. America Has No Alternative to Industrial Policy // Project Syndicate. 2024. September 5. Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/industrial-policy-now-necessary-even-if-one-accepts-standard-argument-against-it-by-j-bradford-delong-2024-09>
- Draghi M. The future of European competitiveness. European Commission, 2024. P. 1-69. Режим доступа: https://commission.europa.eu/document/download/97e481fd-2dc3-412d-be4c-f152a8232961_en
- Economic Report of the President (ERP). Washington, DC: The White House, 2024. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/cea/economic-report-of-the-president/>
- Eichengreen B. America's Debt Is Both Sustainable and a Problem // Project Syndicate. 2024. June 11. Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/imf-says-us-debt-is-sustainable-but-predictions-have-risks-by-barry-eichengreen-2024-06>

Elwell K.C. Long-term Growth of the US economy: Significance, Determinants, and Policy (Updated May 25, 2006). Congressional Research Service, 2006.

Galbraith J. K. Industrial Policy Is a Good Idea, but So Far We Don't Have One // Intereconomics.org. 2024. Режим доступа: <https://www.ineteconomics.org/perspectives/blog/industrial-policy-is-a-good-idea-but-so-far-we-dont-have-one>

Grigoryev L., Pavlyushina V. Global Recession and Income Inequality: Factors of Disruption for Elites in the Twenty-first Century // Global Governance in Transformation: Challenges for International Cooperation / L. Grigoryev, A. Pabst (eds). Cham: Springer, 2020.

IMF. United States of America Staff Concluding Statement of the 2024 Article IV Mission. 2024. June 27. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/06/27/cs62724-united-states-concluding-statement-of-the-2024-article-iv>

Kose M. A., Ohnsorge F. Falling Long Growth Prospects: Trends, Expectations, and Policies. The World Bank, 2023. Режим доступа: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/99d9eb60c30495e30f856de1467d34b8-0360012023/original/Long-Term-Growth-Prospects-for-circulation.pdf>

Rabinovitch S., Curr H. The American economy has left other rich countries in the dust // The Economist. 2024. October 14. Режим доступа: <https://www.economist.com/special-report/2024/10/14/the-american-economy-has-left-other-rich-countries-in-the-dust?ysclid=m2j2f70r29611916121>

Zhao J.Z., Fonseca-Sarmiento C., Tan J. America's Trillion-Dollar Repair Bill: Capital Budgeting and the Disclosure of State Infrastructure Needs. The Volcker Alliance, W.P., 2019. P. 1-54.

Приложение: Прогноз по США до 2029 г. (июнь 2024, %)

	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
Динамика реального ВВП	1,9	2,5	2,6	1,9	2,0	2,1	2,1	2,1
Норма безработицы (средняя)	3,6	3,7	4,2	4,3	4,3	4,2	4,0	3,9
Платежный баланс (% от ВВП)	-3,8	-3,0	-2,9	-2,8	-2,5	-2,2	-1,9	-1,6
Базисная ставка процента (конец периода)	4,4	5,4	5,1	4,1	3,1	2,9	2,9	2,9
Ставка по 10-летним облигациям Минфина (средняя)	3,8	4,4	4,1	3,5	3,3	3,2	3,2	3,2
Индекс потребительских цен (4 кв. к 4 кв.)	5,9	2,8	2,4	1,8	1,9	1,9	1,9	1,9
Фискальный баланс (% от ВВП)	-5,4	-6,3	-6,8	-6,6	-6,1	-5,4	-5,6	-5,3
Публичный долг федерального правительства (% от ВВП)	95,8	97,3	99,2	102,1	104,7	106,3	108,1	109,5
Общий фискальный баланс правительства (% от ВВП)	-4,1	-7,6	-7,8	-7,6	-7,2	-6,7	-6,7	-6,5
Общий долг правительства (% от ВВП)	119,8	120,7	123,2	126,7	129,6	131,8	134,0	135,9

Источник: BEA; BLS; Haver Analytics; расчеты сотрудников МВФ.

Замена доллара в международных расчетах: предварительная оценка

Флореш Р.

Флореш Ренато — директор Международного исследовательского подразделения Фонда Жетулиу Варгаша (FGV), профессор Бразильской школы экономики и финансов (FGV EPGE).

ORCID: 0000-0001-9509-3075

Для цитирования: Флореш Р. Замена доллара в международных расчетах: предварительная оценка // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. №3(7). EDN: EKWCEC

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-3-27-42>

Ключевые слова: БРИКС, геополитические решения, платежи в международной торговле, резервные валюты, дедолларизация.

Искренняя благодарность Леониду Границкому за помощь в детальной исследовательской работе и неизвестному рецензенту за комментарии. Работа завершена в мае 2024 года.

Аннотация

Эта статья исследует различные аспекты и пределы замены доллара США в значительной доле международных транзакций. Конкретный тип транзакций — платеж за торговлю товарами — заслуживает особого внимания. Далее рассматриваются потоки других валют, обсуждаются варианты дальнейшего развития событий и отмечается нехватка данных для эффективной оценки ситуации. Перечислив сложный набор происходящих изменений, мы представим предварительный количественный анализ перспектив платежей в сфере торговли товарами. Результаты свидетельствуют о том, что достижима замена доллара для 40 и 35% в экспортных и импортных потоках соответственно. Также мы рассмотрим некоторые вопросы, связанные с международными резервами, глобальными клиринговыми системами, пластиковыми картами и иными инструментами индивидуальных трансграничных платежей. Остановимся на важности последовательной политики стран, поддерживающих дедолларизацию, и их объединения в группу. Здесь главным кандидатом является БРИКС. Движение в поддержку дедолларизации — это геополитическое решение, поэтому всегда следует учитывать ее пределы, неопределенности и основные цели.

Введение

Современную экономическую жизнь невозможно представить без монетарных инструментов, которые не только облегчают разнообразные трансакции, но и позволяют протекать базовым экономическим процессам. Переход на национальную валюту в качестве подобного международного инструмента — непростой процесс. Он вызывает вопросы, схожие, хотя и неидентичные с теми, которые когда-то привели к использованию единой, контролируемой государством валюты в каждой стране.

На уровне отдельной страны сила играла не менее важную роль, чем доверие. Еще во времена Средневековья правящие элиты поняли, какую выгоду можно извлечь, навязав своим владениям официальную валюту. Короли и правители широко использовали принцип *valor impositus* (навязанной ценности), согласно которому государственный акт в виде штампа на монетах добавляет денежной единице ценности и доверия. Пусть и с переменным успехом, в целом это обеспечивало равную ценность монетам с разным (в основном меньшим) содержанием соответствующего металла [Mann 1971].

В международных трансакциях, по крайней мере с XIX века, национальная валюта гегемона функционировала как стандарт или даже как средство управления подавляющим большинством необходимых операций. Валюта Британской империи — фунт стерлингов — выполняла эту роль фактически на безальтернативной основе в период Pax Britannica, с 1815 по 1914 год.

После Второй мировой войны и создания Бреттон-Вудской системы американский доллар стал неуклонно вытеснять британский фунт. Доллар был привязан к золотому стандарту, что в определенной степени поддерживало традицию, но также обеспечивало аргумент в пользу мощной, стабильной и международно признанной валюты: обеспеченность банкнот в обращении государственными резервами — в данном случае американскими — в драгоценном металле.

Когда в 1973 году США отказались от золотого стандарта, — а Британия сделала это в 1931-м, — доллар, без всякого сомнения, стал просто международной валютой.

Как доллар сохранял свою надежность и эффективность без поддержки золота, можно интерпретировать по-разному. Но ключевым фактором, безусловно, была неоспоримая мощь США — в то время и на протяжении десятилетий — плюс армия и ВВС, размещенные на базах практически во всех важнейших точках несоветского мира, и присутствие современных американских кораблей в Мировом океане.

Однако идеи замены доллара или конкуренции валют периодически возникали в той или иной стране [Tullock 1975]. Уже в 1970–1974 годах Международный валютный фонд (МВФ), отчасти благодаря усилиям Роберта Триффина, американского экономиста бельгийского происхождения, попытался превратить специальные права заимствования (SDR) в универсальную валюту. Хотя к идее возвращались вновь и вновь, она так и не получила необходимой поддержки [Flor 2019].

Японская иена и созданный в январе 1999 года евро мечтали если не заменить доллар, то хотя бы забрать себе значительную долю мировых трансакций. Несмотря на впечатляющий японский банковский сектор, его ограниченный охват и отсутствие международного влияния у Японии помешали иене. Несовершенство валютного союза, воплощенное в евро — хрупкой и символической денежной единице, — стало главной проблемой европейского объединения. Обе валюты фигурируют в международных резервах некоторых стран, но не могут рассматриваться в качестве альтернативы доллару, а Япония и ЕС существенно отстают от гегемона по военным возможностям.

Распад Советского Союза в декабре 1991 года, за несколько лет до появления евро, создал ложное впечатление, что неукротимый американский доллар будет править вечно.

Однако два аспекта стали стремительно приобретать актуальность.

Во-первых, постоянное увеличение госдолга США медленно, но верно разрушает доверие к американской валюте. Во-вторых, ощущение небезопасности в мире постоянно нарастает с начала века. Небезопасность трансформировалась в серию локальных конфликтов, в которых напрямую или косвенно задействованы США, т.е. гегемон, а это ведет к еще большей небезопасности и дорогостоящим упреждающим мерам, многие из которых принимаются отчасти из-за иррационального страха. Сопутствующее применение финансовых и экономических санкций, включая замораживание суверенных активов стран «противоборствующей стороны», провоцирует распространение неопределенности среди тех, кто рассчитывал на доллар как на надежную резервную валюту.

Все это способствовало идее Глобального Юга, объединившей большинство стран, за исключением гегемона и его очевидного союзника ЕС, в неформальный альянс, который стремится к поиску мирных способов укрепления своей независимости от США и Европы, но прежде всего, конечно, от американцев. Доллар, вероятно, еще сохраняет некоторые якорные позиции, но утратил свое особое преимущество — надежность. Усилия, нацеленные на замену доллару, вышли на повестку дня.

Эта статья — предварительное исследование процесса замены доллара в значительном количестве международных трансакций. Такое движение, даже если оно ограничится одной функцией доллара, повлечет за собой сложный набор изменений — в отношении как решений на микроуровне, так и масштабных макроэкономических шагов. Отсутствие детальных данных — основной сдерживающий фактор для обоснованного анализа в большинстве случаев. Действительно, за исключением торговли товарами, где существует всеобъемлющая и заслуживающая доверия база данных ООН, в других сферах, где задействованы валютные потоки, отсутствие данных — серьезная проблема.

В главе 1 рассматриваются операции и процедуры, связанные с универсальной валютой. В главе 2 представлен количественный анализ перспектив основного первого шага — дедолларизации платежей за товары в международной торговле. В главе 3 исследуются другие функции международной валюты и их возможная оценка в условиях недостаточной информации. Заключение содержит выводы и задачи на будущее.

1. Валюта гегемона: как далеко он зашел

Замена доллара США как средства осуществления платежа за импорт или получения доходов от экспорта выходит за рамки простого обслуживания транзакций. Дополнительные услуги, такие как страхование и логистика, тоже требуют оплаты, и ее — в зависимости от провайдера — обычно предлагается сделать в долларах. Фирмы и экспортные производители, особенно транснационального характера, могут иметь счета в долларах и поэтому не захотят принимать платежи в других валютах или даже будут активно этому сопротивляться, просто чтобы избежать лишних проблем.

Одна валюта облегчает сравнение различных поставщиков и покупателей, в первую очередь по ключевому критерию затрат. Мелкие экспортеры хотят иметь возможность спланировать объем производства и доходы от экспорта в соответствии с ожидаемыми поступлениями. Если расчеты будут идти не в универсальной и, скорее всего, в более волатильной валюте, им, возможно, придется отказаться от некоторых направлений международных взаимодействий. Планирование — важный элемент при принятии решений в торговле, в идеале планы нужно верстать в прочных, определенных и широко признанных денежных единицах.

Размышления можно расширить, добавив несколько кейсов, которые послужат дополнительными аргументами против дедолларизации. Они могут оказаться более или менее убедительными в зависимости от того, как будут формироваться альтернативы. Их влияние или устойчивость будут размыты, если альтернативные валюты обретут привлекательность для бизнеса, способствующую их принятию. Принятие может быть покорным, если товары из соответствующей страны критически важны или поставляются в объемах, которые не смогут покрыть конкуренты.

Сказанное выше позволяет предположить, что замена доллара станет более реалистичной, если: а) минимальная группа значимых участников международной торговли, как, например, БРИКС, выступит в ее поддержку; б) в этой минимальной группе и в близких ей странах дедолларизация будет реализована.

Если оба условия будут соблюдены, открытым остается вопрос об используемых валютах.

Будет ли каждая страна платить в собственной валюте, а конвертация валют группы станет общепринятой и надежной практикой? Или одна из валют — опять же благодаря своему масштабу — постепенно будет проявлять себя как наиболее удобная? В дебатах, вероятно, всплывут старые дискуссии, ранее в основном разворачивавшиеся во внутригосударственном контексте, — от идей Freigeld (свободных денег) начала XX века [Gesell 1958] через идеи Klein (1975) о многообразии валют, до, наконец, уже упомянутых аргументов в пользу SDR — в частности, низкой волатильности и глобальной стабильности [Tosolini 2016].

Сейчас трудно спрогнозировать, как будут развиваться события, но присоединение такого значимого участника международной торговли, как Китай, к группе сторонников дедолларизации, скорее всего, обеспечит крен в сторону юаня. Тем не менее в определенных географических зонах транзакции могут происходить и в российских рублях, и в бразильских реалах. Происходящие изменения могут пойти

на пользу и второстепенным конкурентам — евро и иене, они могут — по крайней мере временно — увеличить свою долю. То же самое касается и золота.

Следующий пункт — страны могут пойти на замену доллара в отношениях с некоторыми партнерами, а с остальными по-прежнему будут использовать долларовый стандарт. Учитывая размеры рынков США и ЕС, скорее всего, на первом этапе это будет преобладающая ситуация практически для всех сторонников замены доллара. На втором этапе некоторые страны займут более жесткую позицию и будут использовать альтернативные валюты в большинстве транзакций.

Помимо торговых транзакций, валюта гегемона является предпочтительным вариантом для международных резервов страны. Облигации Казначейства США, пусть и не без проблем, остаются мировым безрисковым активом (как минимум в финансовой теории) и фигурируют в корзинах валютных резервов практически всех стран. Международная финансовая система (IFS) тесно связана с США и координируется своим американским ядром, этот факт нельзя игнорировать.

Практические последствия, такие как контроль над международными платежными операциями и системами банковских переводов, являются стратегическими и обеспечивают дополнительную поддержку валюты гегемона. Валютные рынки ежедневно приносят прибыль всем участникам операций, в итоге таким образом накапливается суверенная рента американского доллара в дополнение к уже имеющейся у него «непомерной привилегии».

Кроме того, резервная валюта используется для определения мировых цен и стоимости денежных единиц, которые фактически привязаны к доллару.

Все это говорит в поддержку идеи о том, что путь к частичной дедолларизации лучше начать с торговых платежей, так как это вызовет меньше негативных реакций. Стартовой группой, как уже говорилось, могут стать страны — основательницы БРИКС, а также тесно связанные с ними страны и пять новых членов объединения. У ключевой группы должно быть несколько товаров, по которым они занимают ведущие позиции в мировой торговле, а также тесные связи с Глобальным Югом в целом.

Важно оценивать прогресс дедолларизации. Базовыми статистическими показателями для каждой страны — активного сторонника дедолларизации являются объем и доля торговли в других валютах и в долларах. Их доля в платежах за вспомогательные услуги, а в случае с логистикой — за транспортировку также является релевантной информацией, хотя такие данные не так просто найти.

Еще одним показателем может служить состав национальных резервов. Меры, касающиеся индивидуальных платежей — создание альтернативных платежных средств, платежных систем банковских карт, платформ для международных переводов, новых двусторонних валютных свопов, — также играют важную роль и должны оцениваться в пределах конкретного рынка.

2. Возможности в обслуживании торговых потоков

Таблица 1 на с. 32 демонстрирует потоки глобальной торговли товарами за 2022 год — по стоимости в таблице 1а и по долям в таблице 1б. В таблице приведены данные по членам БРИКС (пять стран-основательниц) и трем мировым регионам. Два

из них — США и ЕС — будут придерживаться доллара. Вместе с «остальным миром» и БРИКС они представляют деление мира на четыре региона.

Следует учитывать некоторые нюансы данных, приведенных в таблицах.

Тем из стран БРИКС, у кого сложились тесные связи с Китаем, удобно перевести значительную часть платежей на другие валюты. Примером может служить Бразилия: 30% ее экспорта идет в страны БРИКС, а 28% импорта приходит из этих стран. В Индии ситуация смешанная: низкая доля экспорта (8%) и высокая доля импорта (24%). Если брать БРИКС в целом, то 34% экспорта идет в США и ЕС, оттуда приходит 18% импорта. Эти цифры можно интерпретировать как нижние границы для потоков без замены доллара.

Еще один фактор — это ключевая роль «остального мира». Доли импорта и экспорта почти всегда превышают 40%, а что касается импорта из Китая, то он неотвратимо приближается к 75%. Чтобы придать импульс движению к дедолларизации, нужно обязательно выходить за рамки оси БРИКС — ЕС — США.

Однако есть и достаточно диверсифицированная группа стран, которым нужна тщательно продуманная политика. К ней относятся новые члены БРИКС, Азия (даже без Китая и Индии), Африка и вся Латинская Америка (без Бразилии), а также такая сложная зона, как Ближний Восток, и более изолированная Евразия со странами старого Шелкового пути. К ней же относятся Австралия и Канада, которые являются сторонниками доллара.

Определение кандидатов для замены доллара требует различных стратегий, при этом возникнет вопрос о многообразии альтернативных валют: многим странам будет комфортно использовать юань, другие предпочтут рубль или иные варианты.

Таблица 1. Торговые потоки — страны БРИКС и четыре региона мира, 2022 год
1а. Экспорт и импорт внутри и за пределами БРИКС (в млрд долл. США)

	Бразилия	Индия	Россия	Китай	ЮАР	БРИКС	США	ЕС	Остальной мир
Бразилия		9,7	8,6	62,0	0,7	81,0	46,4	44,3	120,3
Индия	6,3		40,6	118,5	8,2	173,7	45,1	49,7	464,1
Россия	2,0	2,9		76,1	0,3	81,3	1,5	57,7	53,1
Китай	89,7	15,1	114,2		22,1	241,1	156,4	239,7	1956,0
ЮАР	1,7	8,3	0,6	24,2		34,7	6,9	27,6	42,1
БРИКС	99,8	36,0	164,0	280,8	31,3	611,8	256,3	419,0	2582,5
США	38,2	80,2	15,1	582,8	12,6	728,8		527,5	2116,6
ЕС	52,4	71,1	195,6	657,7	27,6	1004,4	372,4		1780,6
Остальной мир	144,2	265,4	197,4	2072,4	49,6	2728,9	1115,2	1761,8	
Всего	334,5	452,7	572,0	3593,1	121,1	5073,9	1743,8	2708,2	6532,7

Объем экспорта представлен в столбцах, импорта — по строкам¹

¹ См. приложение о данных по торговле.

16. Доля* экспорта и импорта** между странами БРИКС и четырьмя регионами мира

	Бразилия	Индия	Россия	Китай	ЮАР	БРИКС	США	ЕС	Остальной мир
Бразилия						<i>0,28</i>	<i>0,16</i>	<i>0,15</i>	<i>0,41</i>
Индия						<i>0,24</i>	<i>0,06</i>	<i>0,07</i>	<i>0,63</i>
Россия						<i>0,42</i>	<i>0,01</i>	<i>0,30</i>	<i>0,27</i>
Китай						<i>0,09</i>	<i>0,06</i>	<i>0,09</i>	<i>0,75</i>
ЮАР						<i>0,31</i>	<i>0,06</i>	<i>0,25</i>	<i>0,38</i>
БРИКС	0,30	0,08	0,29	0,08	0,26	<i>0,12</i> <i>0,16</i>	<i>0,07</i>	<i>0,11</i>	<i>0,67</i>
США	0,11	0,18	0,03	0,16	0,10	0,14			
ЕС	0,16	0,16	0,34	0,18	0,23	0,20			
Остальной мир	0,43	0,59	0,35	0,58	0,41	0,54			

* Из-за округления доля может составлять от 0,99 до 1,01; ** курсивом

Объем экспорта представлен в столбцах, импорта – по строкам.

Источник: UN Comtrade.

Чтобы оценить зависимость от доллара стран – членов БРИКС, в таблице 2 на с. 33 показаны доли их импорта и экспорта в США и ЕС суммарно. В плане экспорта все очевидно зависимы от стандартов западного рынка, самый низкий показатель у Бразилии – 27%. В целом Индия и Китай, учитывая их масштаб как участников мировой торговли, менее зависимы, чем остальные. При этом у зависимости есть нюансы: если у Китая показатели на обоих рынках достаточно сбалансированные, то у России объемы торговли с США значительно меньше, как показано в таблице 16.

Таблица 2. Доля импорта и экспорта членов БРИКС в США и ЕС суммарно, 2022 год

	Бразилия	Индия	Россия	Китай	ЮАР	БРИКС
Импорт	0,31	0,13	0,31	0,15	0,31	0,18
Экспорт	0,27	0,34	0,37	0,34	0,33	0,34

Источник: таблица 16.

Таблица 3 на с. 34, которую следует читать так же, как таблицу 16, предлагает взглянуть на многообразие остального мира. Выбраны отдельные неафриканские страны. Чтобы увидеть цифры в более широкой перспективе, приведены также данные по их экспорту и импорту в США и ЕС и торговые потоки с Китаем (из представителей БРИКС).

Складывается смешанная картина: рядом с такими важными игроками, как Саудовская Аравия, Вьетнам и Япония, стоят более скромные. Ведущую роль играет

геополитика: согласятся ли, скажем, Япония и Саудовская Аравия на замену доллара и как далеко зайдут, вопрос остается открытым.

Все страны в таблице, за исключением Китая, импортируют больше из БРИКС, чем из США и ЕС, вместе взятых. Для азиатских стран, за исключением Индонезии, западный рынок является ключевым направлением экспорта.

Что касается африканских стран, то объемы ниже, а неоднозначная ситуация требует тщательного анализа. Так, Ангола, Гана, Мозамбик, Нигерия и Сенегал импортируют больше из БРИКС, чем из США и ЕС, вместе взятых, но только Ангола, Мозамбик и Сенегал экспортируют больше в страны БРИКС, чем в США и ЕС.

Анголу и Нигерию можно считать показательным примером. Первая экспортирует товары на 28,0 млрд долл. в БРИКС в сравнении с 15,4 млрд долл. на западные рынки, у второй все наоборот — 12,1 млрд долл. и 33,0 млрд долл. соответственно. Что касается импорта, БРИКС опять же (незначительно) доминирует в Анголе — 5,9 млрд долл. против 5,1 млрд долл. у США и ЕС. Нигерия здесь выглядит чемпионом Африки — 29,6 млрд долл. импорта из БРИКС и 22,6 млрд долл. из западного блока.

Приведенные выше примеры иллюстрируют сложную ситуацию в Африке, где дедолларизация будет реализовываться сбалансированно, под влиянием геополитических решений. За цифрами в предыдущем абзаце скрываются три аспекта: 1) значимость одного товара, нефти, для многих африканских стран; 2) масштабные торговые потоки в Китай и из Китая; 3) ЕС остается ключевым партнером многих государств континента².

Таблица 3. Потоки торговли товарами — члены БРИКС и некоторые страны, 2022 год. Экспорт и импорт, неафриканские страны (в млрд долл. США)

	Китай	БРИКС	Аргентина	Иран*	Сауд. Аравия	Индонезия	Вьетнам	Япония	США	ЕС
Китай		241,1	7,9	6355,1	78,0	65,9	72,8	144,5	133,8	239,7
БРИКС	280,8		26,1	7162,4	134,2	93,6	86,1	169,7	256,3	419,0
Аргентина	12,8	29,7		1,4	1,1	0,4	1,0	0,9	11,0	10,5
Иран	9,4	15,6	0,7		Н.д.	0,2	Н.д.	0,0	0,0	4,3
Саудовская Аравия	38,0	51,5	1,2	Н.д.		2,0	0,7	5,1	10,8	32,8
Индонезия	71,3	87,0	2,1	14,6	5,5		4,5	15,1	9,6	9,4
Вьетнам	147,0	158,6	3,2	Н.д.	1,9	8,3		19,0	9,5	13,2
Япония	172,9	208,6	0,8	35,2	42,4	24,8	24,2		72,3	73,0
США	582,8	728,8	6,7	11,2	24,1	32,8	135,9	139,8		527,5
ЕС	658,6	1004,4	11,2	1112,0	46,4	24,8	53,8	73,3	372,4	

* в млн долл. США

Источник: UN Comtrade.

² Для примера: у Нигерии из экспорта на 33,0 млн долл. на Запад 28,6 млн долл. пошло в ЕС, а из 22,6 млн долл. импорта из того же блока 19,4 млн долл. приходится на ЕС.

Продолжим анализ: цифры, приведенные в таблице 2, позволяют нам выстроить обоснованное предположение о вероятности замены доллара в обслуживании глобальных торговых потоков.

Чтобы получить эти цифры, учитывались все страны, присутствующие в базе Comtrade, и информация по их торговому обороту за 2022 год (последние доступные данные). Евросоюз, США и Великобритания были взяты как блок. Не учитывались курсы шести валют и потоки импорта и экспорта внутри ЕС. В расчет были взяты только общий объем импорта извне и соответствующий общий объем экспорта.

Возникают две ключевые цифры: соотношение общего объема экспорта блока и суммарного объема мирового экспорта (в который, разумеется, включен блок) и соотношение общего объема импорта блока и суммарного объема мирового импорта (блок включен). Это, соответственно, 0,16 по экспорту и 0,25 по импорту.

Таким образом, можно сделать два утверждения: нижняя граница доли мировой торговли, не подлежащей дедолларизации, — 0,16 для мирового экспорта и 0,25 для импорта. Зоны в 0,84 для экспорта и 0,75 для импорта сохраняют возможности для дедолларизации. В этих зонах находятся потоки БРИКС+ и их ближайших партнеров, а также возможности, которые обсуждались касательно таблиц 1 и 3 и стран Африки.

Из вышесказанного следует, что половина этих потоков может перейти на альтернативные валюты. Отсюда вытекает обоснованное предположение, что в среднесрочной перспективе около 40% мирового экспорта и 35% импорта будут отходить от платежей в долларах США.

3. Другие направления и агенты

Этот раздел посвящен другим видам международных платежей и призван дать полную картину того, что нам предстоит. Процесс, начавшийся с торговых потоков, неизбежно распространится на другие направления международной валютной системы, а это вызовет множество вопросов, которые нужно решать как можно скорее. Здесь мы применяем предварительный подход — поднимаем вопросы и оцениваем достигнутый прогресс. Мы не пытаемся моделировать различные конкурентные процессы, хотя на более поздней стадии для анализа можно дополнительно использовать такие простые, но тщательно проработанные модели, как предлагают Fahri и Maggiori (2018).

3.1. Международные резервы

Универсальная международная валюта помимо доминирования в торговых потоках также является основной в накопленных активах. Она лидирует в корзинах финансовых активов, которые составляют международные резервы большинства государств.

В таблице 4 на с. 36 показана общая структура резервов по объему и долям для всех членов МВФ по трем временным точкам — 2002, 2012 и 2022 годы.

Таблица 4. Валютные резервы всех членов МВФ, по трем временным точкам

	2002	2012	2022
По основным используемым валютам, в млрд долл. США			
Общие валютные резервы	2408,9	10 948,4	11 917,8
Распределенные резервы	1795,8	6084,7	11 040,0
в долларах США	1194,2	3741,9	6460,2
в евро	424,7	1464,7	2252,1
в китайских юанях			287,8
в японских иенах	88,7	248,8	608,2
в фунтах стерлингов	52,5	246,0	543,1
в других валютах	35,7	383,3	383,6
Нераспределенные резервы	613,1	4863,7	877,8
По основным используемым валютам, в %			
Распределенные резервы	100	100	100
в долларах США	67	61	59
в евро	24	24	20
в китайских юанях	0	0	3
в японских иенах	5	4	6
в фунтах стерлингов	3	4	5
в других валютах	2	6	7

Источник: МВФ.

Если учитывать евро, еще одну основную валюту, хотя это вопрос спорный, то их суммарная доля с долларом США в корзинах упала с 91 до 79% за 20 лет, причем наибольшее падение наблюдается у американской валюты. У иены и британского фунта наблюдается небольшое увеличение, а доля других (неопределенных) валют остается стабильной в последних двух временных точках. Новинка — это китайский юань, который набрал 3% в 2022 году. Если исключить четыре основные валюты, то за указанный временной период доля новых опций выросла с 2 до 10% от всех резервов с учетом появления юаня. Можно говорить о значительном старте процесса грядущих больших изменений.

Если дедолларизация в торговле товарами станет реальностью на горизонте пяти лет, эта динамика ускорится.

К сожалению, МВФ не публикует структуру резервов по каждому из своих членов. Бразилия стала исключением среди стран БРИКС в 2022 году. В таблице 5 на с. 37 мы видим доступную информацию по ним, исключая Индию, по двум временным точкам. Следует отметить, что в 2022 году Китай держал более 10% своих резервов в валютах, не входящих в корзину SDR, а Бразилия уже почти 5% резервов держит в юанях, хотя 74,4% — по-прежнему в долларах США.

Таблица 5. Структура валютных резервов (доступная дезагрегированная информация) стран — членов БРИКС, в млрд долл. США, две временные точки

	2022	2012	2022	2012	2022	2012	2022
	Китай	Бразилия		ЮАР		Россия	
Валютная структура резервов (по группам валют)	3306,5	373,1	324,7	50,7	60,6	537,6	582,0
валюты корзины SDR*	2974,1	333,3	318,9	50,7	57,5	520,9	
Валютная структура резервов. Деноминированы в юанях			16,1				
Валютная структура резервов. Деноминированы в евро			14,5				
Валютная структура резервов. Деноминированы в японских иенах	Н.д.	Н.д.	5,6	Н.д.		Н.д.	
Валютная структура резервов. Деноминированы в британских фунтах стерлингов			9,7				
Валютная структура резервов. Деноминированы в долларах США			241,6				
валюты, не входящие в корзину SDR	332,5	39,8	5,8	0,1	3,1	16,7	

* Корзина специальных прав заимствования состоит из пяти валют, указанных в таблице
 Источник: МВФ.

3.2. Международные платежные системы

Чтобы платежи осуществлялись по всему миру, деньги должны переходить из рук в руки на расстоянии с помощью мировой сети банков и ассоциированных (электронных) платформ. Оба элемента играют важнейшую роль в облегчении и фактическом выполнении любых транзакций. Если исключить зарождающийся рынок криптовалют, то стандартных³ систем банковских трансферов всего несколько, они неизбежно связаны с коридорами власти и напрямую или опосредованно контролируются гегемоном. Наиболее известная и широко используемая — SWIFT (общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи), работает в соответствии с бельгийским законодательством и объединяет свыше 11 000 финансовых учреждений более чем в 200 странах⁴. Взаимодействие банка с системой очень тесное и сложное, исключение из SWIFT одной страны или банка может нанести серьезный ущерб финансовой жизни [Caytas 2017].

Побочные системы, использующие финансовые возможности офшоров или двусторонние валютные свопы, обеспечивают прямые кастомизированные межбанковские платежи и могут стать альтернативой SWIFT. Их значение и эффективность будут зависеть от объема проводимых транзакций. Более подробно о двух ключевых акторах — ниже. Вопрос адекватной оценки изменений в этой сфере остается открытым.

³ Т.е. принятых и широко используемых.

⁴ Детальную историю SWIFT см. Scott and Zachariadis (2014).

3.3. Китайские и российские банки

Две страны БРИКС, на самом деле даже три, так как Индия тоже достаточно закрыта, имеют хорошо развитые внутренние банковские системы, менее связанные с IFS. Это Россия и Китай. Первая пострадала от многочисленных санкций США и ЕС, что спровоцировало ряд шагов по насколько возможно безболезненному переключению с механизмов, контролируемых гегемоном, на альтернативные, но без ущерба для международных связей страны. Был создан российский аналог SWIFT – работающая также внутри страны и национальная платежная система для поддержки карт «МИР».

В свою очередь, Китай запустил в 2015 году CIPS – трансграничную межбанковскую платежную систему, которая в принципе позволяет любому банку в мире проводить транзакции в юанях с китайскими банками. CIPS, которая также связана со SWIFT, перевела 45 трлн юаней в 2020 году и почти 80 в 2021-м. Хотя эти цифры по-прежнему значительно ниже объема транзакций в юанях через зарубежную сеть, у системы, безусловно, есть перспективы для повышения показателей.

3.4. Международные платежи физических лиц

Еще один важный аспект – это международные средства для платежей граждан. Банковские карты (международные) продолжают доминировать, хотя это не единственная опция. Поскольку IFS – это единая система, неудивительно, что сектор банковских карт тесно связан с другими направлениями и агентами и находится под контролем государства-гегемона.

В таблице 6 на с. 38 показана доля транзакций по четырем основным платежным системам банковских карт. Китайская система Union Pay заняла заметные позиции, вытеснив MasterCard.

Позиции Union Pay подтверждает таблица 7 на с. 39, в которой по тем же платежным системам показано годовое количество сделок покупки (по кредитным и дебетовым картам), количество карт на руках и общий объем транзакций. Эта монетарная масса подсчитывается и переводится в основной валюте, т.е. в американских долларах, но операции могут выполняться и в юанях благодаря китайской системе Union Pay. К цифрам ниже нужно относиться с осторожностью, поскольку они также включают операции внутри стран.

Таблица 6. Годовая доля (более 100,0) сделок покупки, совершенных посредством четырех основных платежных систем банковских карт

Год	Visa	MasterCard	Union Pay	American Express
2020	40,2	24,1	32,3	Н.д.
2021	38,9	24,1	34,1	Н.д.
2022	38,7	24,0	34,1	1,6

Источник: Statista.

Таблица 7. Четыре основные платежные системы банковских карт, отдельные годовые показатели

Год	Visa	MasterCard	Union Pay	American Express
5а. Общее количество транзакций (кредитных и дебетовых), в млрд				
2020	188	113	151	Н.д.
2021	226	140	198	Н.д.
2022	242	150	213	10
5б. Общее количество карт в обращении, в млрд				
2020	4,6	3,8	Н.д.	Н.д.
2021	4,7	4,0	Н.д.	Н.д.
2022	4,9	4,2	Н.д.	Н.д.
5в. Общий объем платежей, в трлн долл. США				
2020	4,4	2,7	Н.д.	Н.д.
2021	5,2	3,3	Н.д.	Н.д.
2022	5,9	3,7	Н.д.	Н.д.

Источник: Statista

С 2022 года карты Visa, MasterCard и American Express, выпущенные за границей, не работают в России. Это очередной шаг к снижению финансовой интеграции и дополнительный стимул к созданию альтернатив системе, в которой доминирует американский доллар.

3.5. О криптовалютах

Намеченные траектории и цели могут изменить происходящие параллельно события. Речь идет об операциях на основе блокчейна, которые сегодня имеют собственный рынок. Обеспокоенные занятой криптовалютами нишей, центральные банки стали продвигать идею цифровых валют центральных банков (CBDC). Они не будут конкурировать, а скорее позволят ЦБ занять (регулируемое) пространство на этом новом рынке. Центральные банки по-разному смотрят на новый продукт. Так, Китай возглавил процесс имплементации: эксперимент по запуску цифрового юаня (e-CNY), который считается первой CBDC, стартовал в 2014 году. Не стоит игнорировать взгляды Рубини [Roubini 2022]⁵. Цифровые валюты представляют серьезные проблемы с точки зрения энергетики и скорости транзакций, здесь требуется комплексное решение. Поэтому мы не включили эту тему в дискуссию о дедолларизации.

Заключение

Обсуждение замены доллара в международных платежах часто путают — намеренно или случайно — с дискуссией, подходит ли гегемония США к концу или нет.

⁵ Особенно в главе 6.

Две темы можно и нужно рассматривать независимо друг от друга, несмотря на их взаимосвязанность.

Эта статья — попытка предварительного анализа возможностей частичной замены доллара в международных транзакциях, прежде всего в торговле. Для других сфер международных транзакций подход должен быть шире, хотя процесс неизбежно затронет и их — и даже быстрее, чем ожидалось.

Собранные данные позволяют предположить, что замена доллара в торговых платежах не просто возможна, она может стать достаточно существенной. Более того, процесс уже набирает силу.

Естественный результат — это создание зоны, вернее, группы стран, где использование доллара США существенно сократится. Сильным кандидатом нам видится БРИКС или БРИКС+ и ряд стран, тесно связанных с объединением. Это не означает, что члены блока, скажем, Бразилия, Китай или Индия, полностью откажутся от доллара — хотя бы потому, что рынок США и ЕС по-прежнему важен для них.

Тем не менее первые шаги, предпринятые в сфере торговли товарами, затем могут распространиться на другие области, охватив различные виды международных платежей и закрепив вспомогательные меры, как, например, использование новых платежных систем банковских карт. В конечном итоге динамика дедолларизации выйдет за рамки торговли, и придется решать вопросы платежных платформ и международных платежных систем банковских карт.

Замена доллара вызывает два главных вопроса: на какую валюту переходить и как регулировать переходный период, когда, по всей вероятности, будут использоваться разные валюты?

Транзакции могут проходить в российских рублях или в бразильских реалах, но текущая динамика указывает на то, что китайский юань берет на себя значительную долю функций доллара. Появляется все больше исследований о способности юаня стать резервной валютой. Убедительным примером можно считать работу Эйхенгринга [Eichengreen et al. 2022]. С другой стороны, сторонники SDR по-прежнему активны, поэтому можно ожидать период существования нескольких альтернативных основных валют. Эта тема не входит в рамки данной работы, но, безусловно, заслуживает детального изучения.

Регулирование в период использования нескольких валют не обязательно станет новым опытом для IFS. Существуют факторы за и против подобной ситуации, и они также требуют отдельной работы.

Динамика, которую мы исследовали в данной статье, находится под воздействием геополитических решений и воли ключевых стран в стремлении к дедолларизации. Никаких признаков ослабления тренда мы не наблюдаем, но в современном волатильном мире возможны сюрпризы, способные ускорить или замедлить тот или иной процесс. Этот фактор следует включать как в планирование будущих шагов, так и в оценку достигнутого прогресса.

Нужно обязательно определить наиболее эффективную политику и способы анализа результатов. Оценка прогресса на систематической основе и разработка показателей для анализа достижений и отслеживания альтернативных решений потребуют привлечения специально подготовленных кадров.

Список необходимых шагов длинный. Более жесткий, сфокусированный и детальный анализ системы торговых потоков — первоочередной следующий шаг. Наша оценка — 35-40% экспорта и импорта — нуждается в обновлении на регулярной основе. Необходимо также получить расширенную статистику по другим возможным транзакциям, чтобы поддержать новые, креативные альтернативные продукты и системы.

Количество стоящих перед нами задач огромно, но при этом не стоит упускать из виду геополитическое измерение этих мирных усилий и — в широком смысле — их нацеленность на изменение ситуации к лучшему в мире, который находится в опасности.

Библиография

Caytas J. D. Weaponizing finance: US and European options, tools and policies // *Columbia Journal of European Law*. 2017. Vol. 23. Spring. P. 441–475.

Eichengreen B., Macaire C., Mehl A., Monnet E., Naef A. Is capital account convertibility required for the renminbi to acquire reserve currency status? Working Paper No 892. November. Paris: Banque de France, 2022.

Fahri E., Maggiori M. A model of the International Monetary System // *Quarterly Journal of Economics*. 2018. No 133. P. 295–355.

Flor E. SDR: From Bretton Woods to a World Currency. Brussels: P. I. E. Peter Lang S. A., International Academic Publishers, 2019.

Gesell S. *The Natural Economic Order*. London: Peter Owen, 1958.

Klein B. The competitive supply of money // *Journal of Money, Credit and Banking*. 1975. Vol. 6. Issue 4. P. 423–453.

Mann F. A. *The Legal Aspects of Money*. Third edition. Oxford: Oxford University Press, 1971.

Scott S.V., Zachariadis M. *The Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication (SWIFT): Cooperative Governance for Network Innovation, Standards and Community*. London: Routledge, 2014.

Roubini N. *Megathreats*. London: John Murray Press, 2022.

Tosolini V. Analysing commodity prices: trend for crude oil and in US dollars, Euro and SDR. RTI-CSF Discussion Paper, December. Louvain la Neuve-Torino: Robert Triffin Institute-Centro Studi sul Federalismo, 2016.

Tullock G. Competing monies // *Journal of Money, Credit and Banking*. 1975. Vol. 7. Issue 4. 491–497.

Приложение: О торговой статистике

Данные по торговле

Как только мы выходим за пределы «стандартных» западных стран, данные по торговле становятся менее надежными. Даже используемый здесь источник UN Comtrade, возможно, лучший из доступных, требует пристального внимания.

Например, ЮАР демонстрирует расхождения в торговых потоках с Бразилией, Китаем, Индией и США, у США есть несоответствия в торговом обороте (опять же) с ЮАР, Китаем и Индией. Обычно это значительные различия между FOB-экспортом, зафиксированным страной А в страну В, и соответствующим CIF-импортом, зафиксированным страной В. Расхождения могут составлять до 90% от меньшего значения.

Приведенная таблица дает представление о расхождениях в 2022 году.

Расхождения экспорта и импорта (стоимость в млн долл. США)

	FOB-экспорт	CIF-импорт	(CIF-FOB)/FOB %
ЮАР → Бразилия	499	952	91
ЮАР → Индия	5217	11 166	114
ЮАР → Китай	11 685	32 543	179
ЮАР → США	10 590	14 657	38
США → Индия	38 351	51 772	35
США → Китай	133 825	178 957	34
США → ЮАР	5521	8204	49

Источник: UN Comtrade.

В таблицах в тексте расхождения учитывались, если относительное различие (третий столбец в таблице выше) превышало 25%. В этом случае использовалось среднее значение.

Проблемы также могут быть связаны с отсутствием данных. Это касается России и остального мира, Ирана, Саудовской Аравии, Индонезии, Вьетнама и опять же России (а также африканских стран, имеющих значительный торговый оборот, как Ангола, Гана или Нигерия). Во многом это связано с задержкой передачи данных за 2022 год, информация по 2021 году доступна.

Иными словами, по некоторым странам соответствующие цифры отражают не декларируемый ими экспорт, а CIF-импорт, зафиксированный страной-импортером. Такое правило действует для статистики по ЕС.

Другие источники

Данные МВФ могут быть улучшены и дополнены индивидуальными, национальными источниками, это трудоемкая работа.

По другим продуктам, например кредитным картам, объем шума в данных неизвестен. Требуется работа по альтернативным источникам.

Международная инвестиционная позиция США в XXI в.

Меджидова Д.Д.

Меджидова Джаннета Джамаловна — к.э.н., старший советник исполнительного директора, Группа Всемирного банка.

ORCID: 0000-0003-1063-3162

Для цитирования: Меджидова Д.Д. Международная инвестиционная позиция США в XXI в. // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. №3(7). EDN: MNODBL

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-3-43-65>

Ключевые слова: международная инвестиционная позиция, США, прямые инвестиции, портфельные инвестиции, перетоки капитала.

Мнение, выраженное в данной публикации, является исключительно мнением автора. Оно не претендует на отражение мнений или взглядов Группы Всемирного банка или ее членов.

Аннотация

Процесс накопления США опирается на огромные возможности национальных компаний (амортизация и нераспределенные прибыли), внутренние источники кредитования и внешние источники финансирования. Работа посвящена анализу эволюции международной инвестиционной позиции США с начала XXI века. Целью исследования является выявление изменений в структуре пассивов и активов США в три ключевых периода: 2000–2007, 2007–2019, 2019–2023 гг. в контексте глобальных процессов и монетарной политики страны. В 2000–2023 гг. чистый приток инвестиций составил почти 20 трлн долл. по «умеренным рыночным ценам» со скидкой за обеспечение стабильности и безопасности. При этом финансовые вложения в американскую экономику сконцентрированы в форме капитала, в инвестиционных фондах и долгосрочном долге. Анализ географии портфельных инвестиций США позволил выявить устойчивость ключевых партнеров страны, среди которых доминируют развитые страны и офшорные финансовые центры. Однако в обозначенный период наблюдались изменения в финансовых потоках между США и развивающимися странами, прежде всего странами БРИКС.

Международная инвестиционная позиция США

Развитие финансовой системы США, ее громадные размеры и широкое международное присутствие американских компаний и финансовых учреждений, специфика положения доллара делают ее огромной платформой финансовой медиации. Банки, фонды и различные финансовые учреждения США обслуживают мириады сделок и контрактов различной срочности и размера. Они обеспечивают проводку сбережений национальных экономических агентов (семей, фирм, государственных органов власти всех уровней) и трансграничное движение капиталов — взаимосвязь с мировым хозяйством. Движение капиталов является важнейшей составляющей процессов глобализации. Характер международной интермедиации связан со спецификой развития страны и состоянием финансового рынка.

Международная инвестиционная позиция (МИП) — это интегральный показатель, своего рода системный измеритель, показывающий результат многолетнего движения капиталов через границы США. Величина этого показателя — результат глобализации в финансовой сфере. Одновременно она указывает на связь накопленного дефицита торгового баланса США с уравнивающими факторами в финансовом балансе. Применительно к крупнейшей развитой стране мы можем считать данный показатель чем-то вроде накопленного индекса, раскрывающего, кто кого финансирует и через какие финансовые инструменты. Нет необходимости создавать теорию МИП, поскольку экспорт и импорт капитала в различных формах, инструментах и в географическом разрезе описывается традиционными теориями. Иное дело — сочетание факторов во времени, тут возможно множество

Под [чистой] международной инвестиционной позицией (МИП) мы понимаем стоимость накопленных финансовых активов США в отношении иностранных резидентов за вычетом обязательств США в отношении иностранных резидентов. Таким образом, активы представляют собой инвестиции резидентов США в другие страны, пассивы (или обязательства) — инвестиции резидентов других стран в американскую экономику.

Отрицательная МИП демонстрирует чистый приток финансов через прямые и портфельные инвестиции в американскую экономику.

Каждая категория включает в себя прямые и портфельные инвестиции. Прямые инвестиции предполагают значительное участие (или контроль) резидентов одной страны в предприятии или компании на территории другой страны. Портфельные инвестиции не предполагают значительного участия или контроля.

Портфельные инвестиции включают в себя инвестиции в долговые инструменты (например, ценные бумаги Казначейства США, что будет отражаться в пассивах), а также в акционерный капитал и инвестиционные фонды. Прямые инвестиции включают в себя инвестиции в акционерный капитал и в долговые инструменты.

вариантов. Отметим, что применительно к любой стране (тем более к США) сочетание факторов носит специфический характер как для экспорта, так и для импорта. Обратим внимание, что анализ развития и анализ монетарной политики США без учета потоков капитала и международной инвестиционной позиции страны был бы неполным.

Общий тренд МИП США является очевидным – разрыв между активами и пассивами увеличивается в пользу последних. Как следствие, к концу 2023 г. международная инвестиционная позиция страны составляла 19,8 трлн долл. США, то есть увеличилась почти на 17,5 трлн долл. с 2002 г. (см. рисунок 1 на с. 45). Тренд не был линейным: так, после резкого увеличения дефицита в 2008 г. он несколько сократился в 2009–2010 гг., однако не вернулся на докризисный уровень. Более значимое сокращение разницы между активами и пассивами наблюдалось в 2022 г. США, таким образом, остаются «тихой гаванью», гарантирующей инвесторам безопасность и надежность вложений.

Рисунок 1. Международная инвестиционная позиция США, активы и пассивы на конец года, трлн долл. США

Источник: составлено автором по данным Бюро экономического анализа США.

Международная инвестиционная позиция США исторически отражает в том числе накопление внешних активов в развивающихся странах (прежде всего в Китае и в странах-нефтеэкспортерах) и параллельное инвестирование этих сбережений в американскую экономику [Summers 2006]. Анализ данных подтверждает этот тезис: увеличение притока капиталов (пассивов, на языке МИП) на протяжении всего периода (2000–2023) было обеспечено прямыми и портфельными инвестициями в активы частного бизнеса, а также портфельными инвестициями в долговые ценные бумаги, прежде всего долгосрочные (долговые облигации Министерства финансов США и другие ценные бумаги).

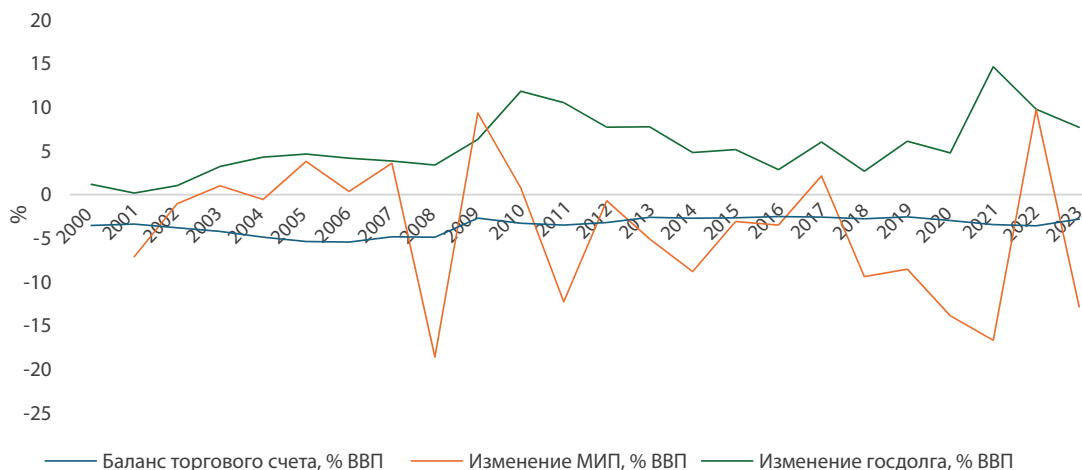
В своей работе J. Perelstein указывает на то, что дефицит платежного и внешнеторгового балансов стал одной из причин глобального финансового кризиса, создав предпосылки для роста доходов в развивающихся странах, что и привело к поиску инвесторами «безрисковых» активов для вложений в американскую экономику [Perelstein 2009]. Б. Бернанке формулирует гипотезу о «мировом избытке сбережений», наличие которого стало главной причиной оттока капитала из развивающихся стран в развитые в период до финансового кризиса и способствовало снижению долгосрочных процентных ставок в США [Bernanke et al. 2011]. О. Бланшар пишет о «глобальных дисбалансах» финансовой системы, накопившихся к мировому финансовому кризису: дефицит текущего счета США при высоком спросе на американские активы и больших накоплениях в Китае и в странах-нефтеэкспортерах. Факторы, определяющие дисбалансы мировой финансовой системы, постоянно меняются, меняется и география потоков капитала [Blanchard, Milesi-Ferretti 2009]. Накопленные чистые сбережения США (net savings) за 2000–2023 гг. составили порядка 8 трлн долл.¹, при этом приток капитала за тот же период – свыше 18 трлн долл. по сравнению с суммой накопленных расходов на оборону – 17 трлн долл.

Отметим, что разница между активами и пассивами увеличивалась в пользу последних не только в абсолютных значениях, но и в соотношении к реальному ВВП. Рисунок 2 (с. 47) показывает ежегодные изменения (в % ВВП) нескольких ключевых показателей. Государственный долг ежегодно увеличивался, при этом в 2021 г. его уровень достиг пика 14,6% ВВП. Баланс торгового счета был устойчиво отрицательным в 2000–2023 гг. в пределах от -2,5 до -5,5% ВВП. Наиболее волатильной на графике является МИП, отрицательные пики которой приходятся на кризисные периоды – 2008 и 2021 гг. (несмотря на то что уже в 2021 г. наблюдался прирост ВВП), а положительные пики – на 2009 и 2022 гг. (за которыми следовали падения).

История формирования МИП США по годам в XXI веке наглядно отражена на рисунке 2. Более высокий прирост иностранных вложений в США по сравнению с иностранными активами американских экономических агентов шел практически непрерывно, за исключением двух кризисов (2009 и 2022), резко тормозивших «иммиграцию капитала» в страну. Отрицательный торговый баланс, естественно, покрывался притоком капитала тем более, что устойчивость доллара сохранялась. Рост государственного долга также играл огромную роль в привлечении «свободных» сбережений, особенно из развитых стран, Китая и нефтеэкспортеров, хотя доступная статистика скрывает источники средств (например, на Каймановы острова приходится порядка одной пятой портфельных вложений).

¹ По данным BEA: https://apps.bea.gov/iTable/?reqid=19&step=2&isuri=1&categories=survey&gl=1*1wtuv3e*_ga*MTM4NDI4NzkyNy4xNzI0MTk5NzA1*_ga_J4698JNNFT*MTcyNDIwMjYwMy4yLjE uMTcyNDIwMjYxOS40NC4wLjA.#eyJhcHBpZCI6MTksInN0ZXBzIjpbMSwYLDMsM10sImRhdGEiOlt bImNhdGVnb3JpZXMiLCJTdXJ2ZXkiXSxbIk5JUEFfVGFibGVFTGlzdCIsljEzNyJdLFsiRmlyc3RfWWV hciIsIjIwMDAiXSxbIkxhc3RfWWVhcilsljIwMjMiXSxbIIInjYWxlIiwilTkiXSxbIINclmllcyIsIkEiXV19

Рисунок 2. Годовое изменение баланса внешней торговли, государственного долга и МИП² США, 2000–2023 гг., в % к номинальному ВВП

Источник: составлено автором по данным BEA и FRED.

Традиция американского предпринимательства, заключающаяся в максимизации прибыли и расширении оборотов, естественно выражалась в выходе бизнеса в Европу, Латинскую Америку, а в период после Второй мировой войны — по всему миру. Соответственно, подтверждаемая фактами гипотеза предполагает вывоз финансовых средств в форме капитала, что дает прямой контроль операций, поднимающий уровень курсов акций материнских компаний и приносящих дивиденды. Активы США за рубежом увеличивались в большой мере благодаря росту прямых инвестиций в капитал (см. таблицу 1 на с. 48). В 2023 г. вложения в капитал составляли примерно две трети американских активов. В исследовании использованы текущие цены, так как они более точно отражают рыночную стоимость активов и обязательств, включая колебания цен на финансовых рынках и изменения валютных курсов. Однако отметим, что за обозначенный период активы увеличились с 0,07% ВВП (в текущих ценах) в 2000 г. до 0,13% ВВП в 2023 г., пассивы — с 0,09% ВВП до 0,2% ВВП, а МИП — с 0,01% ВВП до 0,07% ВВП.

Объем вложений в капитал увеличился и в пассивах МИП, однако общая доля прямых и портфельных инвестиций меньше — на уровне 51%. Несмотря на изменение объема инвестиций в долговые инструменты США, структура пассивов не сильно изменилась: в 2000 г. доля долговых инструментов составляла 33% (3 трлн долл.), в 2023 г. — 29% (15,7 трлн долл.). Вложения в американские государственные, муниципальные и корпоративные облигации могут быть в большой степени связаны с надежностью хранения капитала, и в этом смысле низкие риски могут в долгосрочном плане втягивать относительно дешевое долговое финансирование в страну. Приток инвестиций в долговые инструменты США связан с высокой до-

² МИП здесь = отношение прироста активов за вычетом прироста пассивов МИП к текущему ВВП (минус означает больший рост ввоза капитала).

ходностью вложений относительно риска (с чем связан приток инвестиций в американские долгосрочные долговые инструменты), избытком накоплений в других частях мира (быстрорастущие развивающиеся страны, страны Персидского залива), хорошо развитой финансовой системой и стабильностью американской экономики [Jackson 2013].

Таблица 1. Важнейшие статьи международной инвестиционной позиции США, активы и пассивы на конец года, трлн долл., 2000–2023 гг.

	2000	2007	2010	2019	2023	Разница, 2000–2023
Активы (агентов США за рубежом)	7,6	20,7	21,8	28,8	34,4	+26,8
Прямые инвестиции в капитал (equity)	2,5	5,1	4,6	7,5	9,3	6,7
Портфельные инвестиции в капитал и в инвест. фонды	1,9	5,2	4,9	9,5	11,5	9,6
Прямые инвестиции в долговые инструменты	0,4	0,8	0,9	1,2	1,3	0,9
Портфельные инвестиции в долговые ценные бумаги, в т.ч.:	0,7	2,0	2,3	3,6	3,9	3,1
Краткосрочные	0,1	0,4	0,5	0,5	0,4	0,3
Долгосрочные	0,6	1,6	1,8	3,1	3,4	2,8
Пассивы (иностранцы активы в США)	9,2	22,0	24,3	40,5	54,3	+45,1
Прямые инвестиции в капитал (equity)	2,4	3,1	2,9	8,8	13,0	10,5
Портфельные инвестиции в капитал и в инвест. фонды	1,6	3,2	3,5	9,3	14,7	13,1
Прямые инвестиции в долговые инструменты	0,6	1,0	1,2	1,7	1,8	1,3
Портфельные инвестиции в долговые ценные бумаги, в т.ч.:	2,4	7,1	8,3	12,5	13,9	11,5
Краткосрочные	0,3	0,8	0,9	0,9	1,3	1,0
Долгосрочные	2,0	6,3	7,4	11,5	12,6	10,5
Активы-пассивы, разница	-1,5	-1,3	-2,5	-11,7	-19,9	-18,3³
Прямые инвестиции в капитал	0,1	2,0	1,7	-1,3	-3,7	-3,8
Портфельные инвестиции в капитал и в инвест. фонды	0,2	2,0	1,4	0,2	-3,3	-3,5
Прямые инвестиции в долговые инструменты	-0,2	-0,3	-0,3	-0,5	-0,5	-0,3
Портфельные инвестиции в долговые ценные бумаги, в т.ч.:	-1,7	-5,1	-6,1	-8,8	-10,0	-8,4
Краткосрочные	-0,2	-0,4	-0,4	-0,4	-0,9	-0,7
Долгосрочные	-1,5	-4,7	-5,6	-8,4	-9,2	-7,7

Источник: Бюро экономического анализа США.

³ Расчетная величина, может не совпадать с инвестиционной позицией США.

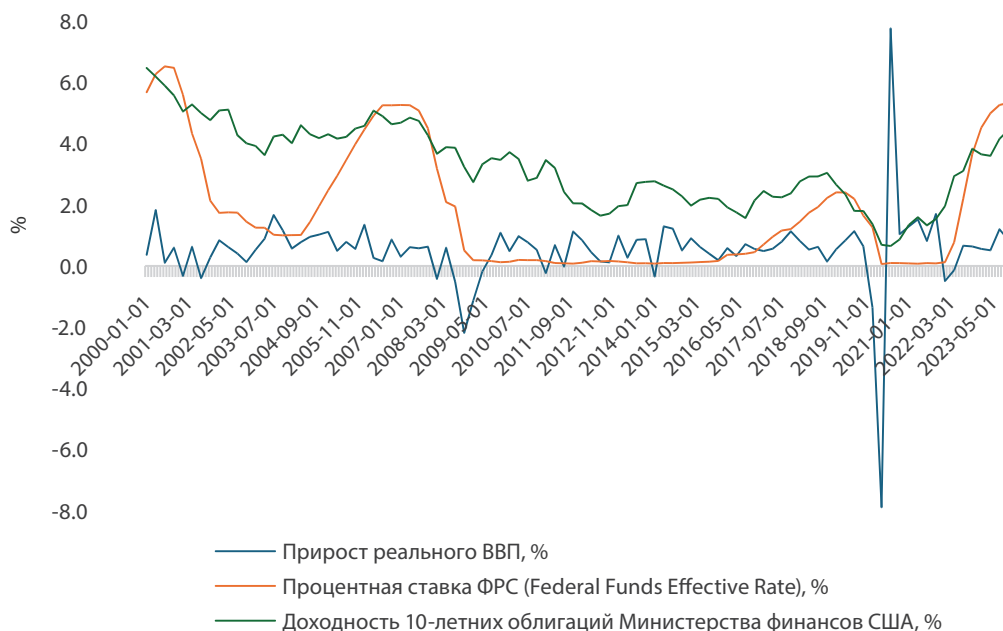

США создавали свою транспортную инфраструктуру на европейские средства еще в XIX веке [Григорьев, Морозкина 2021], однако затем в XX веке (во время и после Первой и Второй мировых войн) играли роль кредитора по отношению к остальному миру [Lipsey 1977]. Из «мирового кредитора» в «мирового заемщика» американская экономика превратилась еще в 90-е годы XX века. Ключевым фактором стал спрос со стороны международных инвесторов на долговые облигации и активы США, обеспеченный, как мы отмечали выше, их надежностью, безопасностью, а также высокими доходами, в том числе благодаря развитому финансовому рынку [Aliber 2020]. При этом ключевой особенностью международной инвестиционной позиции США по сравнению с другими развитыми странами являлась высокая доля долговых облигаций в пассивах [Swiston 2005].

В данной работе мы сконцентрируемся на трех ключевых периодах для анализа изменения инвестиционной позиции США: 2000–2007, 2007–2019, 2019–2023 гг. Мы будем рассматривать несколько категорий финансовых инструментов: прямые инвестиции в капитал, портфельные инвестиции в капитал и в инвестиционные фонды, прямые и портфельные инвестиции в долговые инструменты (краткосрочные и долгосрочные).

Рисунок 3 (с. 49) иллюстрирует ситуацию в американской экономике в 2000–2023 гг. с учетом трех произошедших рецессий: (1) небольшой рецессии в 2001 г., связанной с кризисом доткомов, (2) рецессии 2007–2009 гг., связанной с ипотечным и впоследствии глобальным финансовым кризисом, и (3) рецессии, связанной с вызванным пандемией COVID-19 кризисом 2020 г.

Рисунок 3. Прирост реального ВВП, %, процентная ставка ФРС США, %, доходность 10-летних облигаций Министерства финансов США, %, кварталы, 2000–2023 гг.

Источник: составлено автором по данным FRED.

В **первом** анализируемом **периоде** международная инвестиционная позиция США улучшилась: разница между активами и пассивами сократилась на 0,3 трлн долл.

Активы. Доля прямых инвестиций в капитал в структуре активов сократилась, а доля портфельных инвестиций в капитал и в инвестиционные фонды возросла. Аналогично сократились американские прямые инвестиции в долговые инструменты, в то время как портфельные инвестиции в долгосрочные финансовые инструменты выросли. Изменения в структуре активов связаны с рядом факторов, наиболее значимым из которых является укрепление доллара и последующая переоценка активов американских инвесторов за рубежом [Higgins, Klitgaard, Tille 2006].

Пассивы. Прямые инвестиции в капитал значительно сократились и в структуре пассивов, в то время как доля долговых ценных бумаг увеличилась на сопоставимую величину, став крупнейшим финансовым инструментом в обязательствах США. Ключевым драйвером выступала благоприятная макроэкономическая ситуация: несмотря на кризис доткомов, экономика устойчиво росла, инфляция находилась под контролем, ключевая ставка ФРС находилась на довольно высоком уровне, что обеспечивало высокую доходность по долгосрочным облигациям США (по сравнению с другими периодами) и стимулировало приток капитала в долговые обязательства.

Несмотря на кризис 2001 г., среднегодовой прирост ВВП составил 2,5%. В ходе этого периода американская экономика получала преимущества от глобализации и развития финансовых рынков, что отразилось в резком росте деривативов, объем инвестиций в которые вернулся к уровню 2000 г. уже после финансового кризиса. В 2000–2007 гг. наблюдался большой дисбаланс торговых балансов США и Китая, образовались огромные потоки средств нефтеэкспортеров, но большое «бегство в американские активы» сопровождалось вывозом капитала, особенно прямого и портфельного (equity). Отметим, что прирост активов США в 2000–2007 гг. сопоставим с приростом за весь остальной период (2007–2023) – 13,1 трлн долл. и 13,7 трлн долл. соответственно. При этом прирост инвестиций в американскую экономику (пассивов) находился на сопоставимом уровне.

Во **втором периоде** 2007–2019 гг. структурные сдвиги в активах продолжились: постепенное сокращение доли прямых инвестиций в капитал на фоне роста доли портфельных инвестиций в долгосрочные долговые ценные бумаги. Кроме того, возросла доля портфельных инвестиций в краткосрочные долговые финансовые инструменты.

Структура же *пассивов* приблизилась к картине, наблюдаемой в 2000 г.: увеличилась доля портфельных инвестиций в капитал и в инвестиционные фонды (хотя динамика и не была стабильной – доля сокращалась и после 2010 г.), несколько сократилась доля долгосрочных долговых ценных бумаг. Кроме того, возросли прямые инвестиции в капитал в США. Однако увеличился разрыв между пассивами и активами – в 2019 г. он составил 11,7 трлн долл., несмотря на то что трижды сокращался на протяжении периода – в 2007, 2010 и 2017 гг.

Изменения в структурах активов и пассивов США во многом связаны с макроэкономической ситуацией в стране и в мире. Так, после мирового финансового

кризиса потребовалось несколько лет, чтобы восстановить доверие инвесторов к акциям, что способствовало росту инвестиций в долговые инструменты и инвестиционные фонды. Вместе с тем, несмотря на то что мировой финансовый кризис начался с США, его глобальный характер вынудил инвесторов искать наиболее безопасную гавань, что увеличило инвестиции в американскую экономику. Кроме того, на протяжении всего периода ставка ФРС сохранялась на низком уровне, к ее увеличению приступили только в конце 2014 – начале 2015 г., достигнув уровня 2,4% в 2019 г. Последнее также влияет на выбор инвесторов в пользу более высокодоходных инвестиций по сравнению с ценными бумагами Казначейства США.

С учетом кризиса прирост ВВП составил 1,7%, однако в 2010–2019 гг. он приблизился к докризисному темпу – 2,4%. Устойчивый рост американской экономики, а также взвешенная монетарная политика на фоне долгового кризиса и замедление темпов роста в Европе привели к притоку капитала в США: если в 2007 г. пассивы превышали активы МИП «всего» на 1,3 трлн долл., то уже в 2019 г. – на 11,7 трлн долл.

Третий рассматриваемый **период** был, разумеется, весьма необычным: доминировал коронакризис, огромные бюджетные вливания и сложное экономическое восстановление после него. В 2019–2023 гг. разрыв между вложениями США за рубежом и притоком иностранного капитала в американскую экономику (активы – пассивы) продолжил расширяться, достигнув отметки 19,9 трлн долл. в 2023 г.

Как и в предыдущий период, структура *активов* не сильно изменилась: возросли доли прямых и портфельных инвестиций в капитал и в инвестиционные фонды. Изменения в структуре *пассивов* связаны со значительным расширением портфельных инвестиций в капитал и в инвестиционные фонды, а также с сокращением доли долгосрочных долговых ценных бумаг под влиянием изменений, связанных с коронакризисом и политикой ФРС. Предпочтение прямым инвестициям портфельных (как в пассивах, так и в активах) может говорить об избегании рисков инвесторами в период глобальной нестабильности, а также о диверсификации инвестиционного портфеля.

В кризис американская экономика вступила на фоне снижения ставки ФРС с 2,4% во втором квартале до 1,6% в четвертом квартале 2019 г., а уже в 2020 г. ставка была снижена практически до нуля, сохранившись на этом уровне до 2022 г., когда ФРС приступила к резкому подъему ставок для сдерживания инфляции, в результате которого ставка достигла уровня 5,3% в 2023 г. [Григорьев и др. 2024]. В 2019–2021 гг. наблюдался рост и пассивов и активов, при этом пассивы растут быстрее благодаря инвестициям в капитал, а инвестиции в американские долговые инструменты растут медленнее остальных инструментов. Иными словами, до повышения ключевой ставки ФРС инвесторы отдавали предпочтение капиталу, причем иностранные инвесторы были больше заинтересованы в инвестициях в США, чем американские – за рубежом. В 2022 г. складывается обратная ситуация: сокращаются и активы и пассивы, в результате МИП улучшается на 2,6 трлн долл. В 2023 г. разница между активами и пассивами (МИП) снова превышает уровень 2021 г. на 1,1 трлн долл. благодаря увеличению оттока из США в капитал и более интенсивному росту инвестиций в американские долговые инструменты.

Как мы уже отмечали, помимо монетарной политики, на изменения МИП влияли ослабление и укрепление доллара (и, как следствие, переоценка активов), рост и падение цен на финансовых рынках (и, как следствие, увеличение пассивов США). Так, в 2022 г. наблюдалось существенное сокращение активов и пассивов под влиянием именно этих факторов — падение цен на финансовых рынках после повышения процентной ставки ФРС, а также укрепление доллара и переоценка (в сторону снижения) активов агентов США.

Борьба с инфляцией и восстановление после коронакризиса осложняются разнонаправленной политикой ФРС и Министерства финансов США: резкое повышение ключевой ставки соседствует с ростом выпуска краткосрочных долговых обязательств, доля которых в 2023 г. составила 70% (нормальный уровень — 15–20%). Последствия проактивной политики Министерства финансов для экономики похожи на последствия количественных смягчений: снижение доходности облигаций и увеличение цен на активы стимулируют экономический рост [Miran, Roubini 2024].

Подводя итоги, можно отметить несколько важных аспектов. Структура *пассивов* (инвестиции в американскую экономику) значительно изменилась в 2007 г. (наметившиеся тенденции сохранились и после финансового кризиса): в предкризисный период наблюдалось доминирование долгосрочных долговых ценных бумаг из-за высоких ставок и сокращение прямых инвестиций в капитал⁴. Однако уже к 2023 г. структура пассивов приблизилась к структуре 2000 г. с доминированием прямых и портфельных инвестиций в капитал и в инвестиционные фонды, чему способствовало восстановление доверия к финансовым рынкам, рост доходности, бурное развитие новых отраслей (прежде всего сектора информационных технологий) и более благоприятная макроэкономическая ситуация в США по сравнению с европейскими странами. Структура *активов* менялась в меньшей степени: наблюдалось постепенное медленное сокращение доли прямых инвестиций в капитал за счет роста доли портфельных инвестиций и долгосрочных долговых ценных бумаг.

Следует обратить внимание, что в отдельные периоды резкое изменение курса доллара оказывало влияние на американские инвестиции за рубеж, однако оно имеет менее выраженный характер, чем в развивающихся странах, поскольку доллар является более стабильной валютой, чем валюты развивающихся стран. Долгий период укрепления доллара во второй декаде XXI века способствовал переоценке МИП США и увеличению разрыва между активами и пассивами в пользу последних. Исследование Avdjiev и др. выявило ограниченное влияние курса на инвестиционные потоки [Avdjiev et al. 2019]. Однако существуют и специфические особенности взаимовлияния курса и потоков инвестиций: Grossman и Simpson приходят к интересному выводу о сосуществовании двух разнонаправленных тенденций: ослабление доллара приводит к сокращению инвестиционных потоков в развитые страны и к увеличению инвестиций в развивающиеся страны [Grossman, Simpson, Brown 2009]. Ключевое отличие поведения инвесторов в период коронакризиса проявилось в изменении структуры инвестиций: инвесторы были склонны

⁴ В 2008 г. пика достигла доля инвестиций в деривативы, доминировавшая в структуре активов, но не учтенная в нашем анализе. Более подробная структура доступна в Приложении А.

выбирать капитал, а не государственный долг, что может быть связано с увеличением фискальных рисков (рост государственных расходов без соответствующего финансирования приводит к большим бюджетным дефицитам и повышает риск для держателей облигаций) и высокого уровня задолженности [Gómez-Cram, Kung, Lustig 2024].

В 2018–2023 гг. изменилась традиционная позиция США в МИП – «short debt, long equity», которая предполагает, что инвестиции в капитал в активах превышают аналогичный показатель в пассивах (см. таблицу 2 на с. 53). Иными словами, в терминологии Lane и Milesi-Ferretti, США после 2018 г. не вели себя подобно «хедж-фонду», т.к. для иностранных инвесторов надежные долговые инструменты стали не менее привлекательны, чем прибыль от инвестиций в капитал [Lane, Milesi-Ferretti 2006].

Таблица 2. Чистые инвестиции в долг и в капитал, 2000–2023 гг., трлн долл.⁵

	2000	2007	2010	2019	2023
Чистые инвестиции в долг (Net debt)	-1,7	-5,1	-5,9	-8,8	-9,8
Чистые инвестиции в капитал (Net equity)	0,3	4,0	3,0	-1,1	-6,9

Источник: расчеты автора по данным ВЕА.

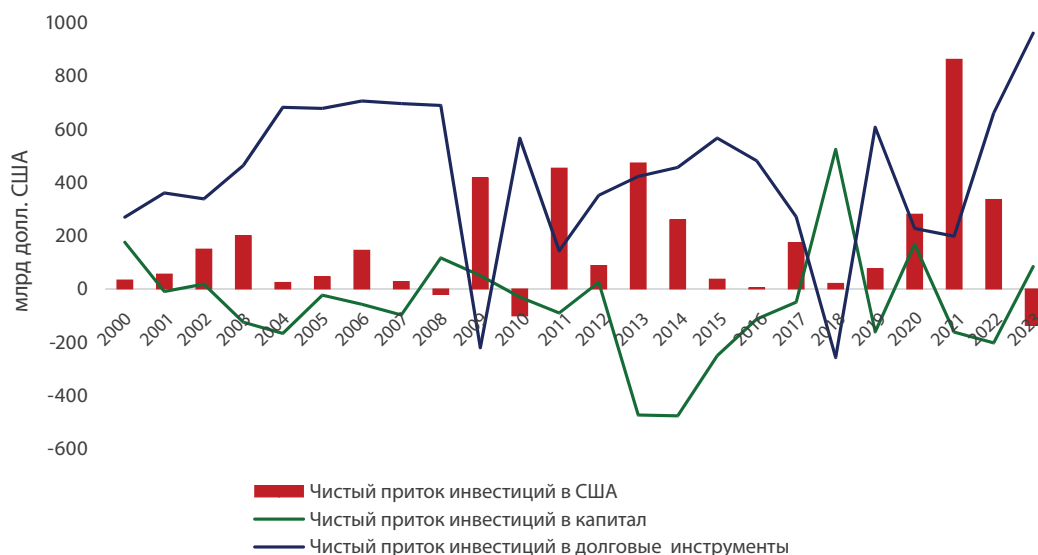
Анализ международной инвестиционной позиции США подтверждает теорию Gourinchas и Rey, согласно которой страна является «мировым венчурным капиталистом», выпускающим краткосрочные облигации и облигации с фиксированным доходом и инвестирующим прежде всего в капитал за рубежом [Gourinchas, Rey 2007]. Из этого вытекают очевидные привилегии и обязанности США. Первые состоят в том, что в период стабильного развития мировой экономики США получают более высокие доходы от своих иностранных вложений по сравнению с собственными выплатами по обязательствам. Обязанности же заключаются в том, что в период кризисов ситуация меняется, и США фактически «снабжают» мир финансовыми ресурсами, поскольку выплаты по обязательствам превышают получаемую доходность от активов.

Динамика чистого притока инвестиций в США демонстрирует отток в кризисные периоды – 2008 г., а также 2010 г. (что связано с реакцией инвесторов и иностранных правительств на кризис, а также открытыми ФРС своп-линиями). Однако пандемия 2020 г. привела к росту притока инвестиций в страну, а отток (рекордный по размеру с 2000 г.) произошел только в 2023 г. При этом на протяжении всего периода (см. рисунок 4 на с. 54) приток инвестиций в долговые инструменты превышает отток средств в капитал. После коронакризиса в качестве меры для борьбы с инфляцией ФРС стремительно подняла ключевую ставку, что повысило доход-

⁵ Чистые инвестиции в долг представляют собой сумму долговых инструментов в активах и официальные резервы за вычетом долговых инструментов в пассивах, чистые инвестиции в капитал представляют собой сумму портфельных и прямых инвестиций в капитал в активах за вычетом портфельных и прямых инвестиций в капитал в пассивах.

ность долгосрочных долговых бумаг США. В то же время наблюдалось сокращение инвестиций в долговые инструменты других стран. В результате чистый приток инвестиций в долговые инструменты (разница между инвестициями извне в экономику США и инвестициями американских агентов за рубеж) увеличился до 960 млрд долл. в 2023 г. Как мы уже отмечали, это соответствует значительному увеличению объема инвестиций в долгосрочные долговые инструменты в пассивах МИП. Во многом это связано как со стабильностью американских долговых инструментов, так и с монетарной политикой ФРС и ростом доходности ценных бумаг Казначейства США в отдельные периоды.

Рисунок 4. Чистый приток инвестиций извне в США (инвестиции в капитал и в долговые инструменты), млрд долл., 2000–2023 гг.

Источник: составлено автором по данным Бюро экономического анализа США.

Инвестиционные стратегии США, Великобритании и Германии

Исторически вложения в фондовые рынки являются более прибыльными (см. таблицу 3 на с. 55), однако в период кризисов долгосрочные государственные облигации являются более надежным выбором для инвесторов. Вместе с тем, сравнивая среднегодовые приросты индексов до мирового финансового кризиса и после него, отметим, что индексы фондовых рынков всех выбранных стран росли значительно более высокими темпами, чем долгосрочные государственные облигации, при этом наиболее значительный рост был характерен для US500. Кроме того, несмотря на небольшой спад в 2020 г. (по сравнению со среднегодовым приростом в 2010–2019 гг.), связанный с пандемией, в 2021–2023 гг. рост US500 вновь ускорился. Несмотря на то что в Германии и в Великобритании после финансового кризиса наблюдалась та же тенденция, разница между приростом индексов фондового рынка

и долгосрочных государственных облигаций меньше, чем в США. А в Великобритании в кризисном 2020 г. сокращение фондового индекса (GB100) было настолько значимым, что разница между показателями была отрицательной.

Таблица 3. Доходность долгосрочных облигаций и динамика биржевых индексов, 2000–2023 гг., %

	Фондовые рынки			Долгосрочные государственные облигации		
	US500	DE40	GB100	США	Германия	Великобритания
2000–2007	1,3	3,5	0,9	4,7	4,3	4,8
2008	-17,3	-19,8	-18,8	3,7	4,0	4,6
2009	-22,5	-15,9	-10,3	3,3	3,2	3,6
2010–2019	12,1	9,5	4,7	2,4	1,1	2,0
2020	10,5	2,9	-11,7	0,9	-0,5	0,4
2021–2023	11,0	9,2	6,2	2,8	1,1	2,4
<i>Разница, %%</i>						
2000–2007	-3,4	-0,8	-3,9			
2008	-21	-23,8	-23,4			
2009	-25,8	-19,1	-13,9			
2010–2019	9,7	8,4	2,7			
2020	9,6	3,4	-12,1			
2021–2023	8,2	8,1	3,8			

Источник: составлено автором по данным Trading Economics.

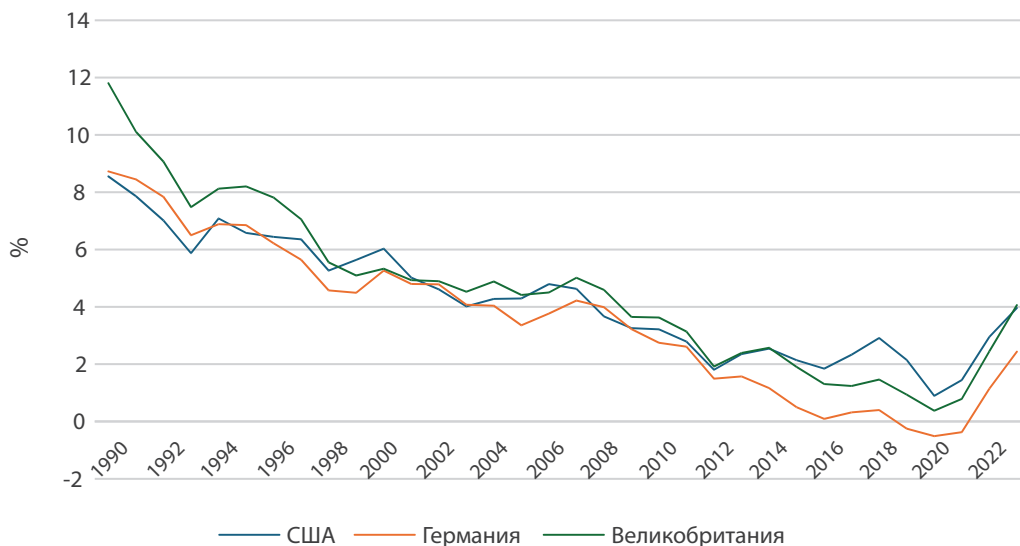
Инвестиционная стратегия США не отличается существенно от практики и стратегий развитых стран в целом. Развитые страны традиционно «притягивают» большие объемы прямых иностранных инвестиций (ПИИ), выступая тихими бухтами в период кризисов. Отметим, что инвестиции в Германию в наименьшей степени подвержены волатильности, а в США – наибольшей. Крупнейшее сокращение ПИИ в США в 2018 г. объясняется репатриацией доходов американских компаний, что привело к отрицательной прибыли, которая была реинвестирована⁶. Однако в кризисный 2020 г. приток инвестиций в США составил 148 млрд долл., или 12,4% общемирового объема, в то время как в Германии и в Великобритании наблюдался отток. Несмотря на волатильность, на протяжении длительного периода (2007–2014 гг. за вычетом мирового финансового кризиса) приток ПИИ в США был выше, чем в Германии и Великобритании.

Изменения в доходности долгосрочных государственных облигаций наблюдались во всех трех странах (см. рисунок 5 на с. 56). Закономерно, что в 1990-е годы в целом фиксировались более высокие значения, чем в последующее десятилетие. При этом доходность по государственным облигациям Германии наиболее устойчиво снижалась после мирового финансового кризиса и даже достигла отрицательных значений в период

⁶ OECD. FDI. 2018 // <https://www.oecd.org/investment/investment-policy/FDI-in-Figures-July-2018.pdf>

пандемии. Общее посткризисное восстановление положительно отразилось на облигациях всех трех стран, однако наиболее резкий рост наблюдался в Великобритании.

Рисунок 5. Доходность долгосрочных (10 лет) государственных облигаций США, Германии, Великобритании, 1990–2023 гг. (среднегодовые значения)

Источник: составлено автором по данным FRED.

Практически рынок долгосрочных гособлигаций США обеспечивал объем предложения бумаг, доходность и надежность. Корпоративный сектор получал свой поток вливаний, но также обеспечивал, особенно в 2020–2023 гг., высокий уровень биржи (в отличие от прошлых кризисов) и значительные дивиденды – рекордные 602,1 млрд долл. в 2023 г. [Janus Henderson 2024].

Выплаты дивидендов по странам, представленные в исследовании Janus Henderson, отражают неравномерную картину по миру. Так, выплаты в США составили 36,4% от общемирового объема, что в два раза выше, чем объем дивидендов, выплаченный европейцам (300 млрд долл.) – за вычетом Великобритании. При этом объем выплат дивидендов в США увеличился в три раза за 13 лет, а темп роста вдвое превысил прирост в остальных странах мира [Janus Henderson 2022].

До мирового финансового кризиса доходность долгосрочных облигаций трех стран значительно превышала прирост биржевых индексов. Однако после наступления длительного периода низких процентных ставок в 2010–2019 гг. ситуация изменилась, ставя инвесторов перед выбором между более высокой доходностью на финансовых рынках и надежностью долгосрочных долговых инструментов. В последнем разделе нашей работы мы рассмотрим изменения в географической структуре портфельных инвестиций в США и в другие страны, осуществляемые американскими агентами. Доля портфельных инвестиций в активах и пассивах в 2023 г. составляла 56% и 78%, соответственно, при этом с 2000 г. она постоянно увеличивалась.

Географическая структура портфельных инвестиций МИП США

Структура держателей портфельных инвестиций США довольно стабильна на протяжении всего рассматриваемого периода с доминированием развитых стран. Вместе с тем отметим, что она сократилась после кризиса 2007 г., однако уже в 2023 г. доля развитых стран возросла до 81,8% (см. таблицу 4 на с. 60). При этом если в период между двумя кризисами портфельные инвестиции развитых стран были направлены преимущественно в долговые инструменты, после пандемии объем вложений в капитал превысил финансирование долга. Для развивающихся же стран, несмотря на тенденцию к медленному изменению структуры, характерно предпочтение долговых финансовых инструментов. В докладах ФРС также отмечается, что инвесторы из развитых стран в больших объемах инвестируют в частный долг, в то время как инвесторы из развивающихся — в государственный [Federal Reserve Bank of New York 2024].

За весь рассматриваемый период (2000–2023) крупнейшими странами-держателями американских ценных бумаг являются Великобритания (даже без учета Каймановых островов⁷) и Япония, при этом Великобритания инвестирует главным образом в капитал, а Япония — в долговые бумаги. Главное изменение в структуре портфельных инвестиций заключается в сокращении доли Китая. Более того, инвестиции сокращаются и в абсолютных значениях с 2010 г. В результате значительно сократилась доля стран БРИКС⁸ с 19,8% в 2010 г. (почти на уровне ЕС — 21,5%) до 8,2% в 2023 г. Кроме того, в 2019–2023 гг. резко сократилась доля России (инвестиции шли по большей части в долговые инструменты) — с 11 до 1 млрд долл. После пандемии в абсолютных значениях сократились и бразильские инвестиции, в то время как индийские и южноазиатские выросли.

В **первый период** (2000–2007) прирост инвестиций был обеспечен как «традиционными донорами» — Япония, Великобритания, европейские страны, так и развивающимися странами, — основной прирост в целом пришелся на Китай. Во **втором периоде** (2007–2019) на первый план вновь вышли развитые страны (Каймановы о-ва, Япония, Люксембург), при этом крупнейшей страной, сократившей свои инвестиции в американскую экономику, стала Россия. В **третьем периоде** (2019–2023) развивающиеся страны (прежде всего страны БРИКС — Китай, Бразилия, Египет, Россия) также значительно уменьшили объемы инвестиций, приток же был вновь обеспечен развитыми экономиками, главным образом Великобританией. Приток инвестиций только из Великобритании почти в четыре раза превысил сокращение инвестиций четырех развивающихся стран, упомянутых выше. Сокращение инвестиций в американскую экономику со стороны стран БРИКС связано с усилением тенденции к фрагментации, которая наблюдается в мировой экономике, а также с существующими юридическими ограничениями на свободное перемещение капитала.

Несмотря на значительный приток капитала из Великобритании после коронакризиса, доля страны в структуре портфельных инвестиций в США сократилась — с 15% в 2000 г. до 9,8% в 2023 г., причем на протяжении всего периода

⁷ Необходимо учитывать, что Каймановы о-ва являются офшорным финансовым центром и используются инвесторами из других стран.

⁸ Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия, Эфиопия, Египет.

инвестиции в долг и в капитал распределялись сбалансированно — примерно поровну. За тот же период несколько выросла доля стран Персидского залива (КСА, ОАЭ, Ирак, Кувейт, Катар) — до 3,7% в 2023 г. (отметим, что в 2019–2023 гг. она сократилась на 0,2 п.п.). Структура инвестиций по финансовым инструментам этой группы стран также менялась: в 2000 г. соотношение было в пользу капитала (61% против 39% в долговые инструменты), однако после мирового финансового кризиса долг и капитал поменялись местами. После пандемии же структура инвестиций вновь стала похожей на соотношение 2000 г. с предпочтением капитала перед долгом. Структура инвестиций европейских стран, напротив, не сильно менялась на протяжении 23 лет: страны ЕС инвестируют в долговые инструменты, предпочитая надежность высоким доходам. Подобной логикой руководствуются, вероятно, и китайские инвесторы, устойчиво вкладывая финансирование в долговые инструменты.

Общий объем иностранных портфельных инвестиций в США в 2023 г. составил порядка 27 трлн долл., т.е. находится на уровне активов нефинансового бизнеса США — 29,5 трлн долл. и почти в 4,5 раза меньше активов домохозяйств США, но больше пассивов домохозяйств, которые в 2023 г. составили 20 трлн долл. Общая же сумма активов финансового счета (flow of funds) составляет 327 трлн долл., пассивов — 249 трлн долл.⁹

Что касается активов, структура владения ценными бумагами других стран агентами США также была довольно устойчивой в 2001–2022 гг. (см. таблицу 5 на с. 61) с доминированием ценных бумаг развитых стран (87% в 2022 г.), при этом свыше 74% инвестируется в капитал. После 2010 г. наблюдается снижение инвестиций в страны БРИКС, в абсолютных значениях рост фиксировался до начала пандемии, но к 2022 г. наблюдается сокращение и объемов.

Объем инвестиций в портфельные активы США как развитыми, так и развивающимися странами существенно превышает американские инвестиции в обе группы по всем финансовым инструментам в 2022 г.¹⁰ Однако между двумя кризисами инвестиции США в капитал превышали инвестиции в капитал и развитых, и развивающихся стран, но в части долговых инструментов инвестиции в американскую экономику на протяжении всего периода были намного выше американских инвестиций в другие страны.

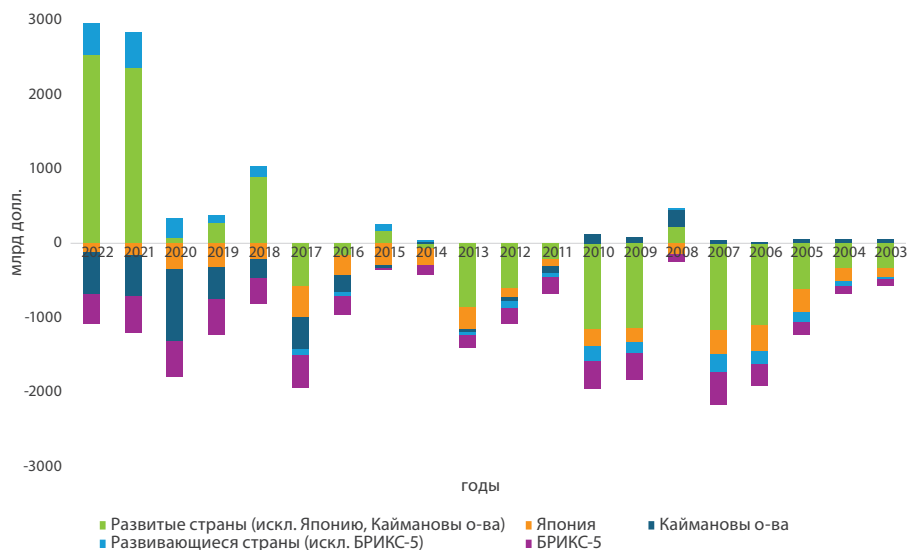
Более подробная разбивка структуры (2022, 2019, 2007 и 2000/2001) представляет собой следующую картину. Во-первых, несмотря на то что по группам (развитые и развивающиеся страны) в 2022 г. американские инвестиции в капитал других стран меньше инвестиций других стран в капитал США, для Японии, Каймановых о-вов и стран БРИКС наблюдается обратная ситуация. Рисунок 6 (с. 59) отражает разницу между иностранными инвестициями в капитал в США и американскими инвестициями в капитал за рубежом. После начала коронакризиса разница между объемами иностранных и американских инвестиций в капитал значительно увеличилась для развитых и развивающихся стран, однако указанные выше страны

⁹ Расчеты автора по данным ФРС США.

¹⁰ Поскольку информация за 2023 г. по инвестициям США в другие страны не предоставлена, мы используем последний доступный год — 2022-й.

и группы стран (БРИКС-5) являются исключением: объемы американских инвестиций в эти страны превышают их инвестиции в капитал в США.

Рисунок 6. Чистый приток инвестиций в капитал в США (разница между объемом иностранных инвестиций в капитал в США и объемом американских инвестиций за рубеж), млрд долл., 2003–2022 гг.

Источник: составлено автором по данным Министерства финансов США.

Во-вторых, среди крупнейших партнеров только для Канады было характерно превышение американских инвестиций над потоком капитала в Америку (уже в 2019 г. положительная разница наблюдалась только для инвестиций в долговые ценные бумаги, она сохранилась и в 2022 г.). В-третьих, даже если американские инвестиции в капитал превышают обратные инвестиции, разница в финансировании долговых инструментов (в пользу инвестиций в США) настолько большая, что приток капитала из других стран все равно превышает отток капитала из США. В-четвертых, любопытным представляется существенный рост перетоков капитала между США и Каймановыми о-вами после 2002 г., офшорным финансовым центром, выстроившим свое уникальное положение в мировой финансовой архитектуре благодаря развитию банковского сектора [Roberts 1995]. Каймановы о-ва являются привлекательными не только для американских хедж-фондов, но и для иностранных инвесторов, использующих финансовый центр для инвестиций в капитал и в долговые инструменты США (прежде всего для Японии и Гонконга) [Fichtner 2011]. Таким образом, финансовый центр выступает глобальным узлом для портфельных инвесторов. Наконец, несмотря на то что доля ЕС является сопоставимой и во владении активами США, и во владении активами других стран агентами США, важно обратить внимание на разницу в объемах. Так, в 2019–2022 гг. приток капитала в виде портфельных инвестиций в США составил 1,34 трлн долл. (с Великобританией – 3,1 трлн долл.), а отток капитала из США в европейские портфельные инвестиции – 0,28 трлн долл. (с Великобританией – 1,8 трлн долл.), т.е. перетоки капитала не сбалансированы.

Таблица 4. Структура иностранных держателей американских ценных бумаг, 2000–2023 гг., %¹¹

	2023			2019			2010			2007			2000		
	Ценные бумаги, всего	Капитал	Долг	Ценные бумаги, всего	Капитал	Долг	Ценные бумаги, всего	Капитал	Долг	Ценные бумаги, всего	Капитал	Долг	Ценные бумаги, всего	Капитал	Долг
ЕС	27,5	27,9	27,1	26,3	26,0	26,5	21,5	25,1	20,2	26,1	29,1	24,7	23,4	29,0	18,2
БРИКС ²	8,2	3,7	12,8	11,0	3,6	16,3	19,8	6,2	24,7	13,3	2,7	18,3	4,2	1,9	6,4
Великобритания	9,8	10,6	8,9	8,6	11,6	6,5	7,5	11,5	6,0	9,4	13,5	7,5	15,0	18,8	11,5
Канада	7,6	10,6	4,5	6,1	11,1	2,6	4,0	10,6	1,6	4,9	11,1	1,9	5,9	10,2	1,9
Япония	9,3	6,1	12,6	11,1	6,9	14,1	13,0	8,0	14,8	12,2	7,0	14,7	12,1	8,5	15,5
Китай	5,3	2,3	8,5	7,5	2,2	11,4	15,1	4,5	18,8	9,4	0,9	13,5	2,6	0,1	4,9
Сумма	67,7	61,2	74,4	70,6	61,4	77,4	80,9	65,9	86,1	75,3	64,3	80,6	63,2	68,5	58,4
Каймановы о-ва	8,8	11,5	6,0	9,1	12,6	6,7	7,0	10,3	5,8	7,6	8,9	6,9	3,6	2,6	4,4
Остальные	28,8	29,6	28,0	27,7	28,3	27,3	27,3	28,3	26,9	26,5	27,8	25,9	35,8	29,0	42,1
Развитые страны ¹³	81,8	88,5	74,9	78,7	87,7	72,2	67,4	83,7	61,5	73,3	86,1	67,4	73,5	83,5	64,3
Развивающиеся страны	17,8	11,5	24,4	21,0	12,3	27,4	31,4	16,2	36,8	24,5	13,9	29,4	17,5	14,3	20,5

- Доли от сумм отложены в % по колонкам
  - Капитал и долг в сумме равны «ценным бумагам»
- Источник: составлено автором по данным Министерства финансов США.

¹¹ Структура представлена без учета инвестиций международных и региональных организаций.

¹² Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия, Эфиопия, Египет.

¹³ В соответствии с классификацией BIS.

Таблица 5. Структура активов США в других странах, %

	2022			2019			2010			2007			2000		
	Ценные бумаги, всего	Капитал	Долг	Ценные бумаги, всего	Капитал	Долг	Ценные бумаги, всего	Капитал	Долг	Ценные бумаги, всего	Капитал	Долг	Ценные бумаги, всего	Капитал	Долг
ЕС	23,4	24,5	20,4	22,9	23,2	22,0	21,4	19,3	26,1	23,7	22,8	26,4	26,3	26,4	26,2
БРИКС ¹⁴	5,9	7,1	2,3	6,3	7,5	3,2	8,7	11,0	3,5	7,3	9,2	2,0	2,7	2,7	2,9
Великобритания	10,1	9,5	11,7	11,7	10,7	14,4	14,9	13,5	18,2	15,9	13,6	22,0	22,3	21,7	23,6
Канада	9,0	7,1	14,2	8,5	6,3	14,4	10,4	8,8	13,9	8,2	7,2	10,7	9,2	5,6	17,6
Япония	7,9	8,2	6,8	8,8	9,8	6,3	7,7	9,7	3,3	8,3	10,1	3,3	9,1	10,6	5,5
Китай	1,8	2,2	0,5	1,7	2,2	0,5	1,5	2,2	0,1	1,4	1,8	0,1	0,1	0,2	0,1
Сумма	56,2	56,5	55,5	58,2	57,4	60,3	63,1	62,3	65,0	63,3	62,9	64,4	69,6	66,9	75,8
Каймановы о-ва	19,2	18,7	20,4	15,4	15,8	14,2	5,5	3,6	9,7	7,6	4,4	16,1	3,1	2,2	4,4
Остальные	24,6	24,8	24,1	26,4	26,8	25,5	31,4	34,1	25,3	29,1	32,7	19,5	27,4	30,9	42,1
Развитые страны ¹⁵	86,6	86,6	86,5	85,1	85,4	84,0	81,1	78,4	87,4	82,6	79,3	91,4	86,2	85,7	87,5
Развивающиеся страны	13,4	13,4	13,5	15,0	14,6	16,0	18,9	21,6	12,6	17,4	20,7	8,6	13,8	14,3	12,5

- Доли от сумм отложены в % по колонкам
  - Капитал и долг в сумме равны «ценным бумагам»
- Источник: составлено автором по данным Министерства финансов США.

¹⁴ Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия, Эфиопия, Египет.

¹⁵ В соответствии с классификацией BIS.

Выводы

Международная инвестиционная позиция США трансформировалась с начала XXI века, отражая глобальные изменения в финансовой системе, а также особенности монетарной политики страны. Однако устойчивым трендом является увеличение разницы между активами и пассивами США, которое к 2023 г. достигло уровня 20 трлн долл.

В данной работе мы проследили изменения потоков капитала, происходившие в 2000–2007, 2007–2019, 2019–2023 гг., что позволило зафиксировать переход от традиционного для развитых стран типа инвестирования — «long equity, short debt» — к новой ситуации, в которой США привлекают как долг, так и инвестиции со всего остального мира. Несмотря на то что в 2000–2023 гг. американская экономика столкнулась с тремя кризисами разной природы, структура пассивов к концу периода приблизилась к структуре 2000 г. с доминированием инвестиций в капитал. В структуре активов важно отметить медленный рост доли портфельных инвестиций. После мирового финансового кризиса структура МИП «оздоровилась» — сократилась доля деривативов, и американская экономика продолжила привлекать инвестиции со всего мира, мотивируемые гарантиями надежности и безопасности. Новый кризис 2020 г. вызвал дополнительный приток капитала в США: разница между активами и пассивами увеличилась более чем на 4,1 трлн долл., как в капитал, так и в долговые инструменты на фоне резкого посткризисного увеличения ключевой ставки ФРС США и роста цен на финансовых рынках. Вместе с тем изменилась структура пассивов: быстрее росли инвестиции в капитал, а не в государственный долг США, что может свидетельствовать о том, что иностранные инвесторы предпочитали более доходные и рискованные активы, ожидая восстановления экономики США после пандемии, и, возможно, снизили доверие к государственному долгу из-за увеличения фискальных рисков и высокого уровня задолженности.

Географическая структура американских портфельных инвестиций и инвестиций других стран в США остается довольно устойчивой. Ключевыми партнерами являются развитые страны (ЕС, Великобритания, Канада и Япония) и офшорные финансовые центры (Каймановы о-ва), выступающие интермедиаторами для инвесторов и хедж-фондов. При этом с начала коронакризиса отмечается сокращение потоков капитала в крупнейшие развивающиеся страны, в том числе страны БРИКС.

Несмотря на небольшой объем МИП относительно активов домохозяйств США, ее доля к ВВП увеличивалась на протяжении последних двух десятилетий. Фактически мы видим громадный рост объемов финансирования экономики США остальным миром, в том числе и прежде всего европейскими странами.

В перспективе ожидается сохранение ряда факторов, влияющих на МИП США. Высокий уровень государственного долга и фискальные риски будут продолжать оказывать влияние на предпочтения иностранных инвесторов. Привлекательность американских рискованных активов сохранится благодаря сильному корпоративному сектору и инновационной экономике. В то же время возможные изменения в денежно-кредитной политике и глобальных экономических тенденциях могут привести к перераспределению капитала и изменению структуры МИП США.

Библиография

Григорьев Л.М., Жаронкина Д.В., Майхрович М.-Я. Я., Хейфец Е.А. Механизм смены режимов мировой инфляции: 2012–2023 гг. // Вестник Московского университета. 2024. Серия 6. Экономика. 59(1). С. 72–95.

Григорьев Л.М., Морозкина А.К. Успешная неустойчивая индустриализация мира. 1880–1913. М.: Нестор-История, 2021.

Aliber R. Why Did the United States Evolve from the Largest International Creditor in 1980 to the Largest International Debtor in 1990? // Atlantic Economic Journal. 2020. Vol. 48. P. 410. DOI: 10.1007/s11293-020-09695-x.

Avdjiev S., Bruno V., Koch C., Shin H. S. The Dollar Exchange Rate as a Global Risk Factor: Evidence from Investment // IMF Economic Review. 2019. Vol. 67. P. 151–173. DOI: 10.1057/s41308-019-00074-4.

BEA. International Investment Position of the United States. Режим доступа: <https://apps.bea.gov/iTable/?reqid=19&step=2&isuri=1&categories=survey>

Bernanke B. S., Bertaut C. C., DeMarco L., Kamin S. B. International Capital Flows and the Return to Safe Assets in the United States, 2003-2007 // FRB International Finance Discussion Paper. 2011. No. 1014. Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1837780

Blanchard O., Milesi-Ferretti G. M. Global Imbalances: In Midstream? IMF Staff Position Note. 2009. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/spn/2009/spn0929.pdf>

Federal Reserve Bank of New York. Foreign Portfolio Holdings of U.S. Securities. 2024. Режим доступа: <https://ticdata.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Documents/shla2023r.pdf>

Fichtner J. The anatomy of the Cayman Islands offshore financial center: Anglo-America, Japan, and the role of hedge funds // Review of International Political Economy. 2016. Vol. 23. DOI: 10.1080/09692290.2016.1243143.

Gómez-Cram R., Kung H., Lustig H. The Dollar, Financial Conditions, and the Return on U.S. Assets. Federal Reserve Bank of Kansas City, 2024. Режим доступа: https://www.kansascityfed.org/Jackson%20Hole/documents/10341/Hanno_Lustig_Paper_JH.pdf

Gourinchas P.-O., Rey H. From World Banker to World Venture Capitalist: U.S. External Adjustment and the Exorbitant Privilege // G7 Current Account Imbalances: Sustainability and Adjustment / Clarida R. H. (ed.). University of Chicago Press, 2007. P. 11. Режим доступа: <https://www.nber.org/system/files/chapters/c0121/c0121.pdf>

Grossman A., Simpson M., Brown C. J. The impact of deviation from relative purchasing power parity equilibrium on U.S. foreign direct investment // The Quarterly Review of Economics and Finance. 2009. Vol. 49. No. 2. P. 521-550. DOI: 10.1016/j.qref.2008.02.001.

Higgins, M., Klitgaard, T., Tille, C. Borrowing without Debt? Understanding the U.S. International Investment Position // Federal Reserve Bank of New York Staff Reports. Staff Report no. 271. 2006. Режим доступа: https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/research/staff_reports/sr271.pdf

Jackson J.K. Foreign Ownership of U.S. Financial Assets: Implications of a Withdrawal // Congressional Research Service. 2009. Режим доступа: <https://ecommons.cornell.edu/server/api/core/bitstreams/9267602b-39ca-4acb-962e-bd5fa43c0cae/content>

Janus Henderson. Global Perspectives on Economic Outlook. 2024. Режим доступа: https://cdn.janushenderson.com/webdocs/H052332_0124_EN.pdf

---

Janus Henderson. Investment Insights. 2022. Режим доступа: https://cdn.janushenderson.com/webdocs/H049590_0222++English+Global.pdf

Lane R. R., Milesi-Ferretti G. M. The External Wealth of Nations Mark II: Revised and Extended Estimates of Foreign Assets and Liabilities, 1970–2004 // IMF Working Paper No. 2006/069. 2006. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/The-External-Wealth-of-Nations-Mark-II-Revised-and-Extended-Estimates-of-Foreign-Assets-and-18942>

Lipsey R. E. Changing patterns of International Investment in and by the United States // NBER Working Paper No. 2240. 1977. Режим доступа: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w2240/w2240.pdf

Miran S., Roubini N. Activist Treasury Issuance and the Tug-of-War Over Monetary Policy. July 2024. Hudson Bay Capital Research, 2024. Режим доступа: https://www.hudsonbaycapital.com/documents/FG/hudsonbay/research/635102_Activist_Treasury_Issuance_-_Hudson_Bay_Capital_Research.pdf

OECD. FDI. 2018. Режим доступа: <https://www.oecd.org/investment/investment-policy/FDI-in-Figures-July-2018.pdf>

Perelstein J. Macroeconomic Imbalances in the United States and Their Impact on the International Financial System // The Levy Economics Institute Working Paper. 2009. Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1335287

Roberts S.M. Small Place, Big Money: The Cayman Islands and the International Financial System // Economic Geography. 1995. Vol. 71. No. 3. DOI: 10.2307/144310.

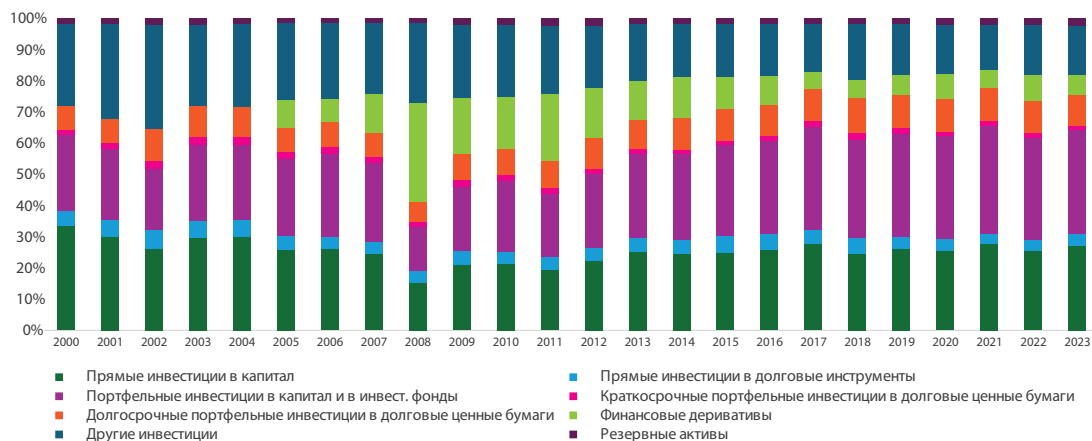
Summers L. Reflections on Global Account Imbalances and Emerging Markets Reserve Accumulation // L.K. Jha Memorial Lecture, Reserve Bank of India, Mumbai, India. 2006. Режим доступа: <https://www.harvard.edu/president/news-speeches-summers/2006/reflections-on-global-account-imbances-and-emerging-markets-reserve-accumulation/#figure1>

Swiston A. J. A Global View of the U.S. Investment Position // IMF Working Paper WP/05/181. 2005. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/A-Global-View-of-the-U-S-18524>

Приложение А

Рисунок А1. Структура активов США, 2000–2023 гг., %

Источник: составлено автором по данным Бюро экономического анализа США.

Рисунок А2. Пассивы США, 2000–2023 гг., %

Источник: составлено автором по данным Бюро экономического анализа США.

Трансформация этнической структуры электората США

Петровская Н.Е.

Петровская Наталья Евгеньевна — к.э.н., старший научный сотрудник отдела экономических исследований Института США и Канады им. Г.А. Арбатова РАН.

SPIN RSCI: 4469-9990

ORCID 0000-0002-5954-0656

ResearcherID: GVR-7125-2022

Scopus AuthorID: 57207889454

Для цитирования: *Петровская Н.Е.* Трансформация этнической структуры электората США // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. №3(7). EDN: NYRZMU

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-3-66-93>

Ключевые слова: электорат, выборы, США, социальное неравенство, этнические группы.

Аннотация

Статья посвящена анализу изменений этнической структуры электората США в XXI веке, которые существенно трансформировали политический ландшафт страны. Исследование выявляет основные демографические тенденции, такие как увеличение доли испаноязычного, афроамериканского и азиатского населения, и их влияние на электоральные предпочтения и результаты выборов. Особое внимание уделено расово-этническому составу в колеблющихся штатах и его корреляции с уровнем доходов.

В работе отмечается, что на президентских выборах 2024 г. уверенную победу одержал Дональд Трамп, который выиграл также во всех колеблющихся штатах. Хотя испаноязычное население в целом чаще голосует за Демократическую партию, в 2024 г. Трамп смог привлечь значительную часть испаноязычных мужчин. Это было обусловлено его акцентом на экономические вопросы, включая снижение стоимости жизни, обеспечение рабочих мест и борьбу с инфляцией. Экономическая программа Трампа, включая обещания укрепить экономическую стабильность и создать новые рабочие места, стала ключевым фактором его победы. Эти темы привлекли избирателей из рабочего класса и тех, кто озабочен высокими расходами на жилье и товары. Трамп смог привлечь часть консервативных избирателей из афроамериканского и испаноязычного населения, которые разделяют его взгляды на традиционные семейные ценности, религиозные

вопросы и иммиграционную политику. Эта широта коалиции, объединяющая как традиционное ядро республиканцев, так и новые группы избирателей, стала решающим фактором его успеха.

Автор использует аналитические, исторические и сравнительные методы для оценки динамики политической активности различных этнических групп. Подчеркивается значимость учета этнического разнообразия в избирательных стратегиях и его роль в формировании будущего политической карты США. Выводы статьи подтверждают необходимость адаптации традиционных политических подходов к новым демографическим реалиям и изменяющимся предпочтениям электората.

Введение

Сегодняшний мир характеризуется ускоренным темпом изменений, которые затрагивают все аспекты жизни общества, включая его демографическую и социальную структуру. Одним из наиболее заметных примеров такого влияния являются изменения в этническом составе населения США, в особенности волна иммиграции из Латинской Америки. В XXI веке процесс трансформации этнической структуры электората США приобретает особую актуальность, поскольку он напрямую связан с политической, экономической и социальной жизнью страны. Тематика этнических изменений в США не нова, но ее актуальность возрастает с каждым годом по мере увеличения иммиграции, рождаемости и смертности среди различных этнических групп.

Целью данной статьи является глубокий анализ и понимание процессов, происходящих с этнической структурой электората США в XXI веке.

Структура населения США

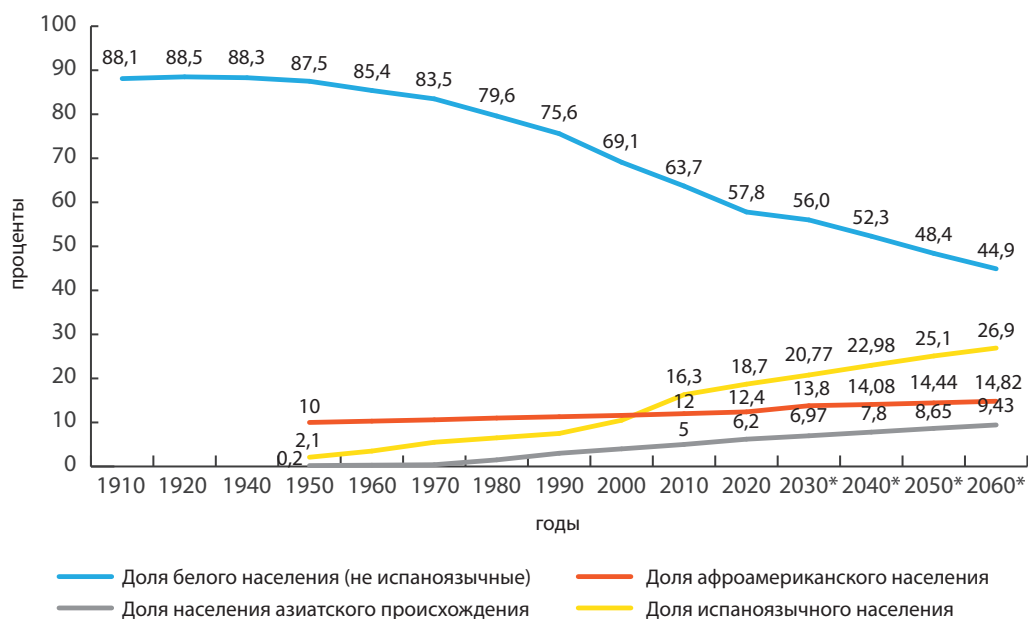
Структура населения США представляет собой сложную картину, которая формируется под влиянием множества факторов, включая естественный прирост, миграцию и смерть. По состоянию на август 2024 г., население США составляет около 337 млн человек. Каждые 8 секунд рождается новый человек, каждые 11 секунд умирает, каждые 28 секунд приезжает новый международный мигрант [U.S. Census Bureau 2024c]. Уровень рождаемости снижается и составляет 1,6 ребенка на одну женщину. Уровень смертности остается стабильным, но старение населения увеличивает долю пожилых людей. Сокращается доля работоспособного населения.

Иммиграция была и остается одним из важнейших факторов, влияющих на структуру населения США. Значительная доля населения состоит из иммигрантов или их потомков. Каждый год в США прибывает большое количество новых мигрантов, что способствует изменению расово-этнического состава страны. Выходцы из Европы — белое население — основало современное американское общество и на протяжении более двухсот лет являлось ядром американской нации и «главной движущей силой его цивилизационного и культурного развития». По официаль-

ным прогнозам, уже в 2050 г. белое население станет самым крупным меньшинством «со всеми вытекающими последствиями для культурного и политического кода Америки, для политической системы и экономического положения белых американцев» [Травкина 2018] (см. рисунок 1 на с. 68).

Демографические изменения несут значительные культурные и политические последствия для Соединенных Штатов. Трансформация общества, в котором белое население больше не будет составлять большинство, предполагает сдвиги в политической системе, изменение социального контекста и экономической динамики. Белые американцы, которые исторически занимали центральные позиции во власти, культуре и экономике, будут вынуждены адаптироваться к новой реальности, где влияние и участие других этнических групп возрастет. Это может привести к изменению политического курса страны, смещению приоритетов в экономике и культурной идентичности. В условиях растущего многообразия голос меньшинств станет более весомым в определении ключевых экономических направлений. Это может потребовать пересмотра политики равенства, перераспределения ресурсов и изменения правил игры на рынках труда и капитала, где будут доминировать новые акторы, представляющие различные этнические и культурные группы.

Рисунок 1. Трансформация расово-этнического состава населения США за 150 лет (с учетом прогноза до 2060 г.) (в процентах)

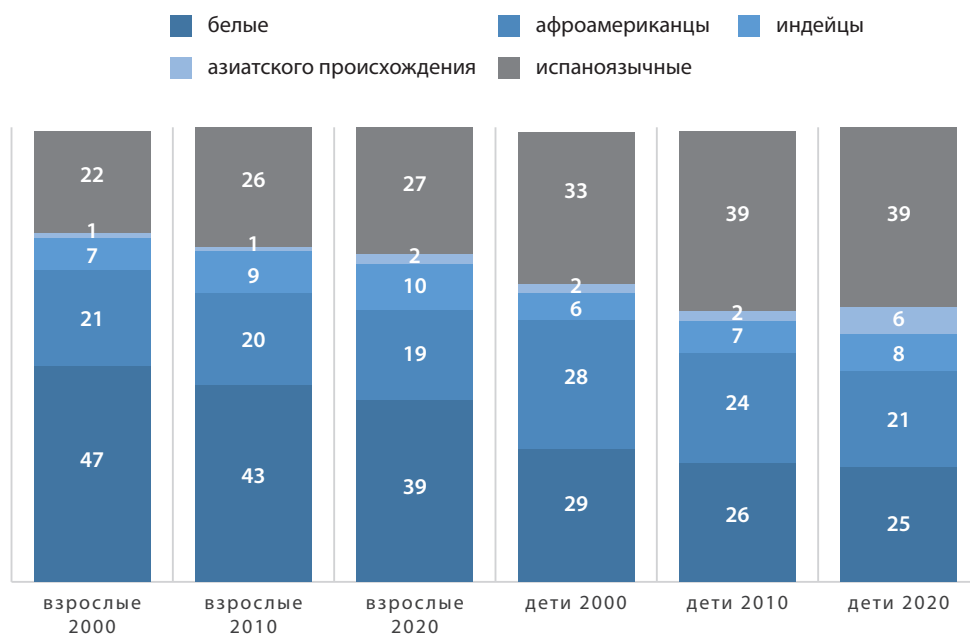
Источник: [U.S. Census Bureau 2023].

Исторически волны иммиграции давали различную композицию европейцев, относительно стабильную долю потомков африканского происхождения при небольшой роли выходцев из Азии. В середине XX века доля белых не испанского и латиноамериканского происхождения составляла 87,5%. Новая волна с Юга впер-

вые меняет состав населения столь радикально с середины XX века. К началу XXI века доля европейских белых сократилась уже до 69,1%, в 2010 г. до 63,7%, а в 2020 г. снизилась до 57,8%. При этом численность испаноязычного населения неуклонно выросла — с 50,5 млн (16,3% населения США) в 2010 г. до 62,1 млн (18,7%) в 2020 г., т.е. прирост составил 23% [U.S. Census Bureau 2021], будущая ситуация видна на рисунке 1.

Результаты переписи населения 2020 г. показали, что более половины детей (младше 18 лет) отнесли себя не к белым. Особенно это заметно в больших городах. Если в 2000 г. 29% детей считали себя белыми, то в 2020 г. их доля снизилась до 25%. То же касается и взрослого населения. В начале XXI века 47% населения 50 крупнейших городов США составляли белые, а через два десятилетия только 39% (см. рисунок 2 на с. 69).

Рисунок 2. Этническое разнообразие 50 крупнейших городов США в 2000, 2010 и 2020 гг.

Источник: [Brookings 2021a].

В течение новейшей истории крупные города США являлись центрами социального и экономического развития, демонстрируя растущее расовое и этническое разнообразие. Долгое время урбанизированные зоны преимущественно населялись белыми и афроамериканскими сообществами, что было во многом обусловлено неравенством доходов (и стоимостью домов), де-факто расовой дискриминацией в сфере жилищного обеспечения, препятствующей миграции афроамериканцев в пригороды. Однако в последние десятилетия наблюдается смена демографических трендов. Рост численности латиноамериканцев, испаноязычных американцев, азиатских американцев, а также лиц, идентифицирующих себя с двумя и более расами, стал доминирующим фактором, определяющим трансформацию

городского населения. Особенно примечательным аспектом этих трансформаций является повышение этнического и расового разнообразия среди молодежи. Это, в свою очередь, формирует новые вызовы для городских школ и учреждений, обслуживающих семьи, которые должны будут адаптироваться к мультикультурным особенностям следующего поколения американцев.

Согласно прогнозам Бюро переписи населения США, в 2060 г. прогнозируется рост доли небелого населения, особенно за счет увеличения числа испаноязычных и азиатских групп. Расово-этнический портрет США будет выглядеть следующим образом: белое население будет составлять менее 45%, испаноязычное – 27%, афроамериканцы – 15%, азиатского происхождения – 9%, а 6% будут относить себя к двум и более расам [U.S. Census Bureau 2023]. Глубинные изменения в расово-этническом составе избирателей США имеют долгосрочные последствия для политической системы страны.

Сокращение доли белого населения связано с более низкими темпами роста рождаемости в этой группе и растущей иммиграцией других этнических групп. Кроме того, потери среди белого населения связаны с продолжающимся старением. Латиноамериканцы – самая быстрорастущая этническая группа в США. Рост этой группы обусловлен как миграцией, так и высоким уровнем рождаемости. На рисунке 3 на с. 70 показано, что наибольший вклад в прирост населения США в последнее десятилетие внесли латиноамериканцы и испаноязычные – 11,6 млн человек. Кроме того, значимый вклад в общий прирост населения внесли те, кто относит себя к двум и более расам, а также американцы азиатского происхождения.

Рисунок 3. Изменение численности населения по расово-этническому признаку в период 2010–2020 гг.

*не латиноамериканские или не испаноязычные члены расовой группы

Источник: [Brookings 2021b].

США привлекают в среднем около 1 млн легальных мигрантов в год, из них более 40% приходится на страны Латинской Америки, примерно 39% на страны Азии, 11% – Африки и менее 10% – Европы. Если в начале XX века ключевыми странами, из которых прибывали мигранты, были Австро-Венгрия, Италия, Россия, Великобритания, то в конце XX века картина изменилась, и ключевыми странами стали Филиппины, Мексика, страны Карибского бассейна, Центральной Америки, Южной Америки. Если в начале XX века более 90% были выходцами из европейских стран, то во втором десятилетии XXI века более 90% – из стран Азии, Латинской Америки и Африки [Петровская 2022].

В XXI веке доля иммигрантов и их роль не только возрастают, но и во многом меняются. Если в 2000 г. доля родившихся за рубежом составляла 11%, то в 2010 г. она выросла до 13%. В дальнейшем тенденция роста доли мигрантов усиливается. По данным специалистов Центра иммиграционных исследований, в 2022 г. насчитывалось около 47 млн мигрантов и более 17 млн несовершеннолетних детей, которые родились в США, что в совокупности составляет 20% населения США [Center for Immigration Studies 2022].

По последним данным Бюро переписи населения США, испаноязычное население дает наибольший прирост населения – более 70% [U.S. Census Bureau 2024b]. Только за 2023 год испанское население США увеличилось на 1,64 млн человек за счет естественного прироста. Международная миграция также внесла вклад – в США прибыло около 440 тыс. мигрантов в 2023 г. Таким образом, испаноязычные стали второй по численности этнической группой страны (см. рисунок 2 на с. 69).

Таблица 1. Численность новорожденных в США в период 2016–2022 гг., тыс. чел.

Годы	Всего родилось	Белые (не испаноязычные)	Испаноязычные	Афроамериканцы	Азиатского происхождения	Индийского происхождения	Уроженцы Тихоокеанских о. и Гавайев
2016	3 945	2 056	918	558	254	31	9
2017	3 855	1 992	898	560	249	29	9
2018	3 791	1 956	886	552	240	29	9
2019	3 747	1 915	886	548	238	28	9
2020	3 613	1 843	866	529	219	26	9
2021	3 664	1 887	885	517	213	26	9
2022	3 667	1 840	937	500	218	25	10

Источник: [NVSS].

К 2022 г. число новорожденных «белых» практически сравнялось с суммой новорожденных у остальных этнических групп (см. таблицу 1 на с. 71). Ежегодно сокращается количество новорожденных детей у всех расовых групп, за исключением испаноязычных, хотя часть последних может в дальнейшем переклассифицировать себя в «белых», в частности через смешанные браки. Вопрос, как такие группы смотрят на американские ценности, социальные и иные проблемы страны,

требует более глубокого анализа, тем более что в прессе уже обсуждается появление «колеблющихся» испаноязычных групп на выборах.

Динамичный рост испаноязычного населения существенно влияет на социально-экономический ландшафт США. С учетом того, что эта группа демонстрирует высокие темпы естественного прироста, в то время как рождаемость среди других расовых групп сокращается, роль испаноязычных в формировании будущего поколения американцев будет усиливаться. Это окажет влияние на такие сферы, как образование, рынок труда и потребительский сектор, где растущая доля молодежи с испаноязычными корнями станет важным экономическим фактором.

В США существует и нелегальная иммиграция. Институт иммиграционной политики (MPI) насчитывает около 11 млн человек. Большинство нелегальных иммигрантов прибывают в США из стран Латинской Америки, в первую очередь из Мексики, но в последние годы значительно возросло их количество из стран Центральной Америки (например, Гватемалы, Гондураса и Сальвадора), а также из Азии [MPI 2020]. Более половины нелегальных иммигрантов прожили в США более 14 лет. Около 15% нелегальных иммигрантов женаты/замужем за гражданином США и еще 6% состоят в официальных отношениях с человеком, имеющим вид на жительство (LPR). В США насчитывалось 5,2 млн детей (в возрасте до 17 лет) по крайней мере с одним родителем – нелегальным иммигрантом, или 7% от общей численности детского населения США в 73,8 млн человек.

Таблица 2. Количество зарегистрированных и проголосовавших на президентских выборах в период 1980–2020 гг., млн чел.

Год президентских выборов	Численность населения США в возрасте 18 лет и старше	Граждане США		
		Всего	Зарегистрировались в качестве избирателей	Проголосовали на выборах
1980	0,157	0,145	0,105	0,093
1984	0,170	0,157	0,116	0,102
1988	0,178	0,165	0,118	0,102
1992	0,186	0,168	0,127	0,114
1996	0,194	0,180	0,128	0,105
2000	0,203	0,186	0,130	0,111
2004	0,216	0,197	0,142	0,126
2008	0,226	0,206	0,146	0,131
2012	0,235	0,215	0,153	0,133
2016	0,246	0,224	0,158	0,138
2020	0,252	0,232	0,168	0,155

Источник: [U.S. Census Bureau 2022].

По состоянию на 2023 г., в США проживает 195 млн белых, 65 млн испаноязычных, 42 млн афроамериканцев, около 21 млн азиатского происхождения, 2,5 млн американских индейцев, более 8 млн американцев, которые относят себя

к представителям двух и более рас [U.S. Census Bureau 2024b]. Соответственно растет общая численность населения страны и численность голосующих на выборах (см. таблицу 2 на с. 72). Основной прирост (3/4) произошел за счет детей мигрантов, достигших 18 лет, а также натурализованных мигрантов. Испаноязычные внесли наибольший вклад в увеличение числа избирателей.

В последние десятилетия наблюдается абсолютный рост благосостояния американских трудящихся, но относительное неравенство продолжает сохраняться, а в некоторых случаях даже углубляться. Экономический рост и повышение уровня жизни не привели к кардинальным изменениям в распределении доходов среди различных этнических и социальных групп. Белое население по-прежнему удерживает преимущество в получении высоких доходов, лучшего образования и качественной медицинской помощи, в то время как афроамериканцы и латиносы, несмотря на общий прирост их численности и улучшение некоторых показателей, остаются в менее привилегированном положении.

В таблице 3 на с. 73 приведены данные медианного еженедельного дохода по расово-этническому признаку. Как видно из представленных данных, меняется соотношение в количестве работников между расами. За последние 20 лет самый большой прирост произошел среди испаноязычных работников. Если в начале века их доля составляла около 13%, то в 2024 г. уже 20%.

Таблица 3. Динамика количества работников и их медианного недельного дохода по расово-этническим группам в годы президентских выборов в XXI веке

Годы	Количество работников, тыс. чел.					Средненедельный заработок, долл. / неделю				
	Всего	Белые	Афроамериканцы	Азиатского происхождения	Испаноязычные	По всем группам	Белые	Афроамериканцы	Азиатского происхождения	Испаноязычные
2000	101 210	83 228	12 410	4 598	12 761	576	590	474	615	399
2004	101 224	82 324	12 032	4 457	14 061	638	657	525	708	456
2008	106 648	86 022	12 821	5 266	15 807	722	742	589	861	529
2012	102 749	81 779	12 230	5 790	16 302	768	792	621	920	568
2016	111 091	86 474	13 963	7 030	18 950	832	862	678	1 021	624
2020	110 387	85 142	14 044	7 353	19 558	984	1003	794	1 310	758
2024	119 937	90 152	16 570	8 581	23 649	1143	1167	941	1 500	903

Источник: [BLS 2024].

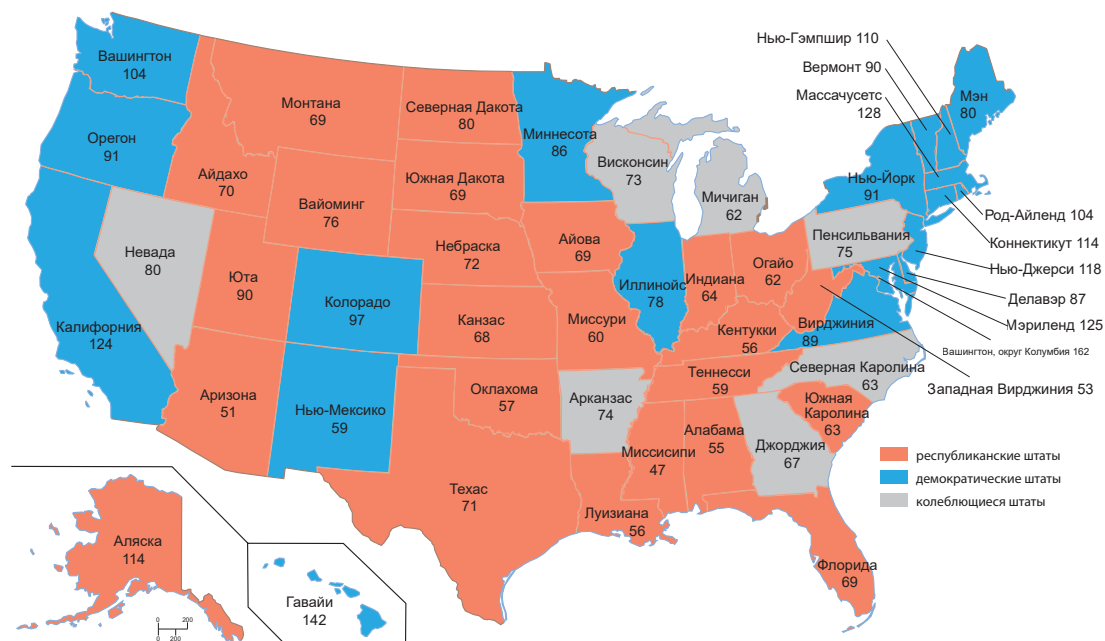
Стоит отметить, что традиционно самые высокие доходы получают американцы азиатского происхождения. Их недельные заработки выросли с начала XXI века с 615 до 1500 долл. У белых недельный заработок вырос с 590 до 1167 долл. Что касается испаноязычных и афроамериканцев, то они зарабатывают меньше всех. Если в 2000 г. афроамериканцы зарабатывали 474 долл., то испаноязычные — 399 долл. в неделю. Спустя почти четверть века уровень оплаты труда у афроамериканцев составляет 941 долл., а у испаноязычных 903 долл. в неделю при полной занятости.

Существуют также отличия в оплате труда между мужчинами и женщинами. Например, испаноязычные мужчины зарабатывают в неделю 963 долл., а женщины — 831 долл. Правда, испаноязычные семьи зарабатывают больше афроамериканских, что связано, по всей видимости, с числом работающих в семьях и/или отработанными фактически часами¹ (см. таблицу 4 на с. 76).

Латиноамериканское население, демонстрирующее самые высокие темпы роста, начинает играть все более значимую роль на рынке труда и в экономике США. Однако, несмотря на это, латиноамериканцы в большинстве своем зарабатывают меньше белых американцев и сталкиваются с препятствиями в доступе к возможностям карьерного роста и профессионального образования.

Эта ситуация начинает оказывать серьезное влияние на политические процессы. С ростом численности латиноамериканцев растет и их политический вес. «Структура неравенства по расам имеет прямое отношение к конфигурации электоральных коалиций, формированию повестки дня и предвыборных лозунгов обеих партий» [Григорьев, Григорьева 2021. С. 107]. Их проблематика — доступ к здравоохранению, образованию, защита трудовых прав и права мигрантов — все чаще оказывается в центре политических дебатов. Вопросы, касающиеся латиноамериканцев, приобретают важное значение для политиков, стремящихся заручиться их поддержкой. От этого будет зависеть не только исход выборов, но и дальнейшая трансформация политики в сторону более инклюзивных решений, нацеленных на уменьшение неравенства.

Рисунок 4. Медианный доход по штатам в 2024 г., тыс. долл. / душу населения

¹ <https://www.census.gov/data/tables/2022/demo/families/cps-2022.html>; <https://www.bls.gov/cps/cpsaat22.htm>

«Социально-экономическая ситуация в США традиционно имеет большое значение для исхода выборов» [Григорьев, Григорьева 2021. С. 108]. На рисунке 4 на с. 74 показано распределение медианного дохода по штатам США с указанием их партийной принадлежности, а также семь колеблющихся штатов на выборах в 2024 г. Очевидно, что распределение штатов по уровню доходов остается достаточно далеким от равенства. Средний медианный доход на душу населения в 2023 г. составил 80,6 тыс. долл. [U.S. Census Bureau 2024a] с перепадом от 47 тыс. в Миссисипи до 124 тыс. в Калифорнии и 162 тыс. долл. в округе Колумбия. Южные штаты, включая Алабаму (55 тыс. долл.), Теннесси (59) и Луизиану (56), демонстрируют относительно низкие доходы и более низкий уровень жизни в южной части страны. Штаты с высокими доходами располагаются в основном на северо-востоке и на Западном побережье, в том числе Массачусетс (128 тыс. долл.), Нью-Йорк (104), Аляска (114) и Калифорния (124).

В таблице 4 на с. 76 показана сравнительная характеристика распределения доходов американских домохозяйств в начале XXI века и в 2023 г. Данные указывают на общую тенденцию к росту доходов среди всех этнических групп, однако сохраняются значительные различия между ними, особенно среди афроамериканцев и испаноязычного населения. Данные хорошо показывают диспропорцию между этническими группами. Доходы белых американцев (не испаноязычных) остаются ниже, чем у азиатского происхождения (89 и 113 тыс. долл. соответственно), но значительно выше, чем у афроамериканцев (56) и испаноязычных (65,5). У афроамериканцев и испаноязычных групп медианные доходы ниже, что подчеркивает экономическое неравенство.

Стоит отметить увеличение доли высокодоходных домохозяйств. Так, доля домохозяйств с доходом более 100 тыс. долл. выросла существенно — с 22,7% в 2000 г. до 40,9% в 2023 г. Особенно заметен рост доли домохозяйств с доходами более 200 тыс. долл.: с 4,3% в 2000 г. до 14,4% в 2023 г. У азиатского и белого населения эта доля еще выше.

Сокращается доля домохозяйств с низким доходом, что свидетельствует о снижении бедности. Так, доля домохозяйств с доходом ниже 35 тыс. долл. сократилась с 31,9% до 21% среди всех групп населения, однако среди афроамериканцев и испаноязычных это сокращение не так велико. Происходит неравномерный рост доходов среди расово-этнических групп. Доходы азиатского населения растут быстрее, чем у других групп, особенно в верхних сегментах. Все эти тенденции оказывают влияние на предпочтения избирателей и выбор кандидатур во время голосования на выборах, в том числе и президентских.

Структура голосующих

Структура голосующих в США определяется несколькими ключевыми факторами, включая географию, демографию, историю и текущие политические события. Влияние этнической и гендерной структуры голосования становится все более значимым с возрастанием этнического разнообразия в США. Этнические группы де-факто имеют разные композиции социально-политических воззрений и пред-

Таблица 4. Распределение американских домохозяйств по доходам в 2000 и 2023 г.

	Все население		Афроамериканцы		Азиатского происхождения		Испаноязычные		Белые американцы (не испаноязычные)	
	2000 г.	2023 г.	2002 г.	2023 г.	2002 г.	2023 г.	2000 г.	2023 г.	2000 г.	2023 г.
Количество домохозяйств, тыс.	106 418	132 200	13 470	18 040	3 917	7 655	9 663	19 860	80 530	84 440
Средний доход, тыс. долл.	57	114,5	64	81	113	158	73	91	102	123
Медианный доход, тыс. долл.	70	95	47	56	85	113	55	65,5	76	89
Распределение общего объема денежных доходов по 20% группам населения, в %										
Нижние 20% населения (с наименьшими доходами)			31,3	30,8	н/д	14,5	24,6	23,1	17,6	17,4
Вторая группа			22,3	23,7	н/д	14,1	25,1	24,8	19,2	18,5
Третья группа			21,3	20,2	н/д	16,5	22,7	21,1	19,6	20,0
Четвертая группа			15,0	15,2	н/д	20,9	17,6	18,3	21,0	21,4
Пятая (с наибольшими доходами)			10	10,1	н/д	34,0	10,0	12,3	22,5	22,7
Топ 5% самых состоятельных домохозяйств			1,9	2,2	н/д	11,6	1,9	2,5	5,8	5,6
Ниже 15 000	11,1	7,4	16,7	13,9	7,4	5,8	9,3	8,5	6,3	5,9
15 000 – 24 999	10,6	6,7	12,3	9,8	5,8	4,6	9,9	7,5	7,8	6,0
25 000 – 34 999	10,2	6,9	10,2	8,5	6,5	4,7	11,4	8,3	7,5	6,5
Итого 0 – 34 999	31,9	21,0	39,2	32,2	19,7	15,1	30,6	24,3	21,6	18,4
35 000 – 49 999	14,1	10,3	14,2	12,6	10,1	7,5	14,1	12,7	11,0	9,4
50 000 – 74 999	16,3	15,7	17,3	17,1	11,5	11,4	20,3	18,5	16,7	15,0
75 000 – 99 999	13,0	12,1	10,3	12,1	13,6	10,0	12,9	12,5	13,3	12,2
Итого 35 000 – 99 999	43,4	38,1	41,8	41,0	35,2	28,9	47,3	43,7	41,0	36,6
100 000 – 149 999	13,2	17,0	11,3	13,2	17,5	17,3	14,0	15,7	18,7	18,1
150 000 – 199 999	5,2	9,5	4,4	5,5	11,2	11,7	4,4	7,8	8,9	10,5
200 000 и больше	4,3	14,4	3,3	7,3	13,3	26,9	3,7	8,3	9,8	16,3
Итого от 100 000 и выше	22,7	40,9	19,0	26,0	42	55,9	22,1	31,8	37,4	44,9
Доля населения	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источники: https://www2.census.gov/programs-surveys/cps/tables/hinc-06/2001/new07_000.txt
<https://www.census.gov/data/tables/time-series/demo/income-poverty/cps-hinc/hinc-06.html>
<https://www.census.gov/data/tables/time-series/demo/income-poverty/cps-hinc/hinc-05.html>
<https://www2.census.gov/library/publications/2024/demo/p60-282.pdf>

почтений, что влияет на итоговые результаты выборов. В таблице 5 на с. 77 показана трансформация состава американских избирателей за последние 40 лет.

Таблица 5. Расово-этнический состав голосующих на президентских выборах в США в период 1980–2020 гг., %

	Белые (не испаноязычные)	Афроамериканцы	Азиатского происхождения	Испаноязычные	Другие (не испаноязычные)
1980	87,6	8,9	0	2,6	1
1984	85,5	10	0	3	1,4
1988	84,9	9,8	0	3,6	1,7
1992	84,6	9,9	0	3,7	1,7
1996	82,5	10,3	0	4,7	2,2
2000	80,7	11,5	0	5,4	2,4
2004	79,2	11	2,2	6	1,6
2008	76,3	12,1	2,5	7,4	1,7
2012	73,7	12,9	2,8	8,4	2,1
2016	73,3	11,9	3,6	9,2	2
2020	71,0	11,7	4,3	10,6	2,4

Источник: [U.S. Census Bureau 2022].

Как видно из представленных данных, доля белых избирателей снизилась до 71%, а доля меньшинств выросла. Если в 1980 г. меньшинства суммарно составляли 12,5% избирателей, то в 2000 г. уже 19,3%, а на выборах 2020 г. их доля возросла до 26,6%. Важно отметить, что это данные официальной американской статистики Бюро переписи населения (U.S. Census Bureau). При этом американский исследовательский центр «Пью» (Pew Research Center) на основании своих исследований говорит о более высоких долях. Таким образом, испаноязычный электорат за четверть века вырос почти на 22 млн человек. Соответственно увеличивается и их доля участия в выборах. Если в начале века она составляла 7,4% (Pew) (5,4% Census), то в 2024 г. — 14,7% (Pew 2024). По их расчетам, на выборах в 2024 г. доля афроамериканцев — 14%, азиатского происхождения — 6,1%². Обычно избиратели с более высоким доходом и уровнем образования участвуют в выборах активнее, чем граждане с низким доходом. Высокий доход часто коррелирует с уровнем образования, а более образованные граждане обычно лучше осведомлены о влиянии политики на экономику и их личные финансы, что мотивирует их голосовать. На результат выборов может оказывать влияние непропорционально высокая активность обеспеченных граждан, тогда как доля малообеспеченных избирателей может оставаться заниженной, что приводит к искажению представления о реальных

² Анализ основан на данных опросов американского сообщества, проведенных Бюро переписи населения США в 2022, 2020, 2016, 2012 и 2008 гг., и десятилетней переписи населения США 2000 г., предоставленных с помощью интегрированной серии микроданных для общественного пользования (IPUMS) Университета Миннесоты (<https://usa.ipums.org/usa/>).

интересах всех групп населения. В 2024 г. усилия избирательной кампании Трампа были направлены на то, чтобы привлечь на избирательные участки тех, кто обычно на выборы не ходит.

На выборах 2020 г. явка избирателей составила 66,6% (рекордные на тот момент). А в 2024 г. в США в качестве избирателей зарегистрировано 244 млн человек; по предварительным данным, явка составила около 65%. В некоторых штатах явка избирателей в 2024 г. была выше, чем в 2020 г., побив рекорд за последние 44 года. Например, в штате Орегон (75%), Висконсин (76,1%), Мичиган (73,8%), Пенсильвания (70,2%), Джорджия (67,6%). В среднем явка избирателей увеличилась на 1% в этих штатах [The Washington Post 2024a].

С 2000 г. общая численность избирателей в США увеличилась с 186,4 до 246 млн человек, что свидетельствует о росте американского населения, имеющего право голосовать (см. таблицу 6 на с. 78). Происходит рост численности избирателей среди всех расово-этнических групп. Каждый год около 1,4 млн латиноамериканцев в США получают право голоса. По оценкам центра «Пью», в 2024 г. право голоса имеют 36,2 млн испаноязычных по сравнению с 32,3 млн в 2020 г. и 14,3 млн в начале века.

Количество избирателей среди афроамериканцев также демонстрирует стабильный рост: с 23,3 млн в 2000 г. до 34,4 млн в 2024 г. Хотя темпы роста не такие высокие, как среди испаноязычных избирателей, афроамериканцы остаются важной группой избирателей.

Численность азиатских избирателей увеличилась почти в три раза: с 5,4 млн в 2000 г. до 15 млн в 2024 г. Это самый быстрый рост среди всех групп, что свидетельствует о возрастающем значении азиатского электората в политической системе США.

Белые избиратели, хотя и остаются крупнейшей группой, снижают свою относительную долю в общей численности электората. Изменения в численности различных расово-этнических групп указывают на трансформацию американского электората и увеличение влияния меньшинств на политические процессы в стране.

Таблица 6. Численность американцев, имеющих право голосовать, по расово-этническим группам, млн чел.

Годы	Испаноязычные	Афроамериканцы	Азиаты	Белые	Всего
2000	14,3	23,3	5,4	143,4	186,4
2004	н/д	н/д	н/д	н/д	197,0
2008	19,3	26,7	7,8	152,3	206,1
2012	23,6	29,1	9,6	152,8	215,1
2016	27,3	31,0	11,3	154,5	224,1
2020	32,3	32,2	13,0	154,1	231,6
2024	36,2	34,4	15,0	160,3	246

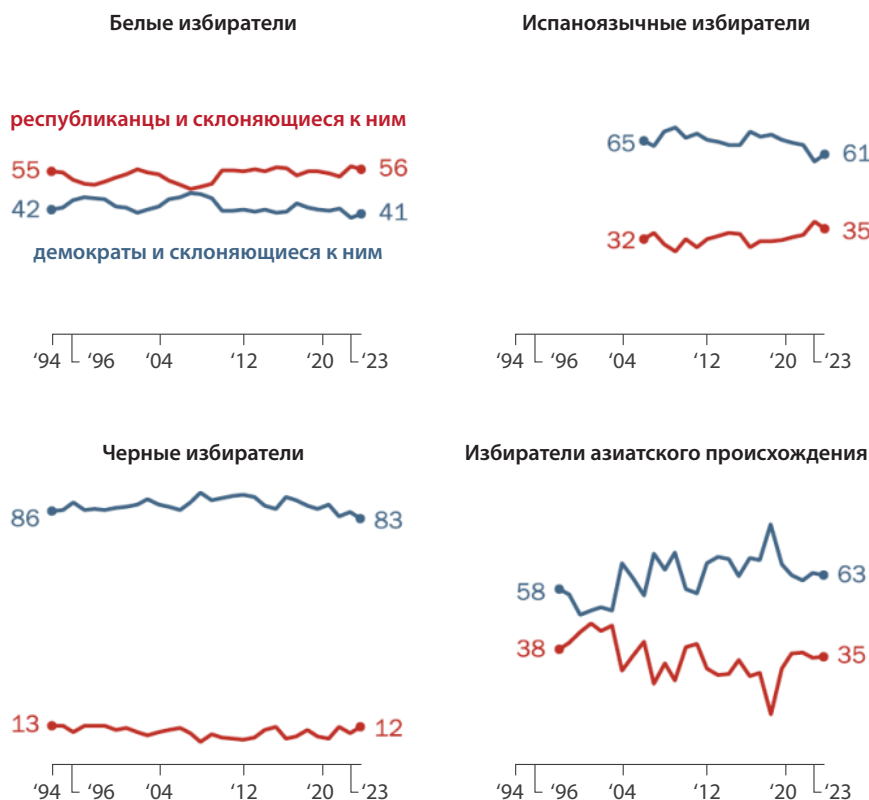
Источник: составлено автором на основе материалов Pew Research Center <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/01/10/key-facts-about-hispanic-eligible-voters-in-2024/>; <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/01/10/key-facts-about-black-eligible-voters-in-2024/>

В Калифорнии проживает четверть всех испаноязычных избирателей с правом голоса. Следующими по величине штатами по числу латиноамериканцев, имеющих право голоса, являются Техас, Флорида, Нью-Йорк и Аризона [Pew Research Center 2024b]. Более половины этих избирателей моложе 40 лет, и большинство из них родились в США. «Поддержка определенных политиков, платформ и партий определяется системой ценностей конкретного избирателя. Однако выявить идеологическую ориентацию представителей меньшинств достаточно сложно» [Кувалдина 2012].

Традиционно меньшинства придают большое значение семье, выступают против однополых браков, не поддерживают легализацию аборт. В жизни афроамериканцев и испаноязычных важную роль играет религия. Это сближает их с позицией Республиканской партии. Важно отметить, что для испаноязычного населения важнейшими вопросами являются иммиграционная политика и образование на двух языках.

При этом программа республиканцев предполагает признание английского языка «единственным официальным государственным языком, объединяющей силой, необходимой для дальнейшего развития иммигрантских общин и всей нации в целом» [Травкина 2018].

Рисунок 5. Трансформация американского электората по расово-этническим группам

Источник: https://www.pewresearch.org/politics/2024/04/09/partisanship-by-race-ethnicity-and-education/pp_2024-4-9_partisan-coalitions_2-01-png/

На рисунке 5 на с. 79 представлена динамика поддержки двух основных политических партий США — Республиканской и Демократической — среди расово-этнических групп американского электората. Белые избиратели демонстрируют устойчивую симпатию к Республиканской партии. Испаноязычные (латиноамериканские) избиратели хотя по-прежнему предпочитают Демократическую партию, но постепенно меняют свои предпочтения в сторону Республиканской. Среди азиатов заметны тенденции к некоторому увеличению поддержки республиканцев, хотя демократы по-прежнему доминируют. Афроамериканцы остаются самой верной электоральной группой Демократической партии. Эти данные отражают постепенные, но важные изменения в политической ориентации различных расовых и этнических групп американского общества. Об общем усилении позиций меньшинств на выборах в 2024–2028 гг. Л.М. Григорьев писал более 10 лет назад [Григорьев 2013].

По данным Института Гэллапа, партийные преимущества демократов среди чернокожего и испаноязычного населения достигли нового минимума в феврале 2024 г. Демократы сохраняют меньшее преимущество среди молодежи. Эти изменения в партийной принадлежности ключевых подгрупп привели к тому, что демократы перешли от значительного превосходства над республиканцами в период с 2012 по 2021 г. к небольшому дефициту в 2022 и 2023 гг. [Gallup 2024].

Для молодежи выборы являются серьезной возможностью реализовать свои демократические права, использовать свой политический голос и определить будущее страны. На выборах в 2024 г. хотя в целом молодежь отдала предпочтение Камале Харрис (перевес в 6%), но это гораздо меньше, чем в 2020 г., когда перевес составлял 25 процентных пунктов. То есть и молодые мужчины, и молодые женщины за последние 4 года существенно изменили свои партийные предпочтения, что говорит либо о серьезном сдвиге со стороны тех же молодых людей, либо о совершенно разных сегментах молодежного электората, пришедших на выборы в 2020 и 2024 гг. [Circle 2024].

Люди с высшим образованием чаще поддерживают Демократическую партию, хотя это распределение не всегда однозначно и зависит от ряда факторов, включая расовые и этнические различия. Поддержка среди белых избирателей более разнородна. В последние годы наблюдался почти равномерный раскол среди белых избирателей с высшим образованием между двумя партиями, хотя молодые белые с дипломами чаще поддерживают демократов. Это говорит о том, что разделение по образовательному уровню также переплетается с возрастными и культурными факторами.

Среди небелых избирателей — и образованных, и менее образованных — поддержка демократов значительно выше, что отражает этнические и культурные предпочтения, исторически сложившиеся между меньшинствами и политическими партиями. Партийные различия среди образованных белых значительно меньше.

В своем исследовании М.А. Черных (см. рисунок 6 на с. 81) описывает современный политический портрет американцев с корнями из испаноязычных стран Ла-

тинской Америки, которые считают себя сторонниками Демократической партии и Республиканской таким образом:

Рисунок 6. Политический портрет испаноязычных избирателей (оценка до выборов 2024 г.)

ДЕМОКРАТЫ	РЕСПУБЛИКАНЦЫ
<ul style="list-style-type: none"> • Американцы с корнями из Мексики, Доминиканской Республики, Пуэрто-Рико и других стран Южной Америки; • выходцы из государств с демократическим режимом правления и капитализмом как основой социально-экономического и общественно-политического строя; • выходцы из стран, в которых значительные доли населения исповедуют католицизм; • родившиеся за пределами США, то есть американцы первого поколения; • проживающие на Западе, Среднем Западе и Северо-Востоке США; • городские жители; • пожилые; • женщины; • получившие высшее образование; • сохраняющие свою культуру и язык; • придерживающиеся либеральных и умеренных взглядов; • католики, умеренно религиозные 	<ul style="list-style-type: none"> • Американцы с корнями из Кубы, Венесуэлы, Колумбии, а также Гватемалы, Никарагуа, Гондураса и Сальвадора; • выходцы из государств с авторитарным режимом правления или социализмом как основой социально-экономического и общественно-политического строя; • выходцы из стран, в которых большие доли населения исповедуют протестантизм; • родившиеся в США, в частности второе поколение; • группа «теханос»; • проживающие на Юге и Северо-Востоке США; • жители пригорода и сельской местности; • американцы в возрастной категории 45-64; • мужчины; • получившие среднее образование; говорящие преимущественно на английском языке; • достаточно хорошо интегрированные в общество; • сторонники консервативных взглядов; • протестанты

Источник: Черных М.А. Тенденции испаноязычных избирателей: сдвиг в сторону Республиканской партии? // США и Канада: ЭПК. 2023. №9. С. 74–86.

Республиканцы и демократы в XXI веке переживают большие перемены. И прежде всего это результат изменившейся демографии и трансформации их традиционной идеологии [Травкина 2018].

В таблице 7 на с. 82 показаны результаты распределения голосов выборщиков с 2000 г.

На президентских выборах в 2000 г. победил республиканец Дж. Буш-младший. Результат был весьма близким, и выборы стали предметом юридических споров из-за предполагаемого нарушения в штате Флорида. В 2004 г. Дж. Буш-младший переизбрался на второй срок, победив демократа Джона Керри. В 2008 г. Барак Обама, кандидат от Демократической партии, стал первым афроамериканцем, избранным на пост президента. В 2012 г. он переизбрался на второй срок, победив республиканца Митта Ромни. В 2016 г. Дональд Трамп

(республиканец) победил Хиллари Клинтон, став первым президентом, не имеющим предшествующего опыта в политике. В 2020 г. Джо Байден, кандидат от Демократической партии, победил Дональда Трампа, став 46-м президентом США. Пандемия COVID-19 была центральной темой предвыборной кампании Байдена, который активно использовал этот момент для критики действующей администрации Трампа за ее ответ на пандемию. Он обещал более эффективное управление эпидемией и восстановление экономики после нее. Выбор Камалы Харрис в качестве кандидата на пост вице-президента позволил Байдену привлечь молодежь, женщин и этнические меньшинства, укрепив его позиции среди этих групп избирателей [BBC 2020].

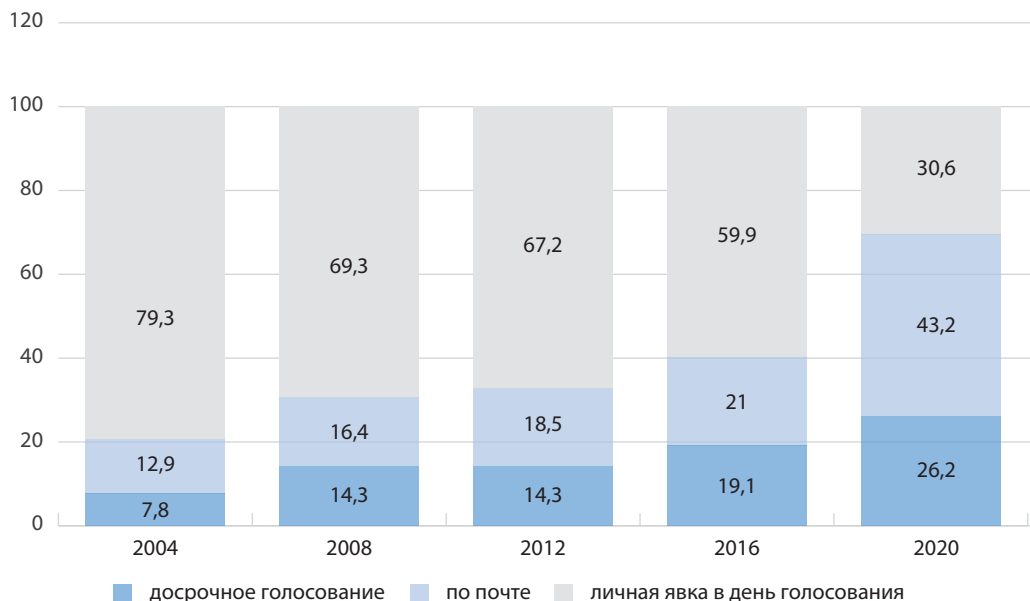
Таблица 7. Распределение голосов между республиканцами и демократами на президентских выборах с 2000 г.

	Республиканец	Демократ	Голоса выборщиков		Количество проголосовавших, млн чел.		Доля проголосовавших, %	
			Р.	Д.	Р.	Д.	Р.	Д.
2000	Дж. Буш-мл.	Альберт Гор	271	266	50,45	50,99	47,9	48,4
2004	Дж. Буш-мл.	Джон Керри	286	251	62,02	59,02	50,7	48,3
2008	Джон Маккейн	Барак Обама	173	365	59,93	69,45	45,7	52,9
2012	Митт Ромни	Барак Обама	206	332	60,58	65,44	47,1	50,9
2016	Дональд Трамп	Хиллари Клинтон	304	227	65,84	62,97	48,1	46,0
2020	Дональд Трамп	Джозеф Байден	232	306	74,21	81,26	46,9	51,3
2024	Дональд Трамп	Камала Харрис	226	312	74,7	70,1	50,5	48,0

Источник: [Britannica 2024].

Президентские выборы 2020 г. стали самыми массовыми по явке в XXI веке и показали наибольший прирост числа избирателей по сравнению с предыдущими президентскими выборами. Несмотря на то что многие штаты сохранили традиционные процедуры голосования, пандемия COVID-19 побудила другие штаты расширить практику досрочного голосования, включая автоматическую рассылку бюллетеней всем зарегистрированным избирателям, которые можно было вернуть по почте. В результате таких мер значительно выросло количество голосований нетрадиционными методами (см. рисунок 7 на с. 83 – резкий рост голосования по почте). Можно говорить о «почтовой демократии 2020 г.»: доля голосов, поданных по почте, превысила число избирателей, явившихся на участки в день выборов, и выросла вдвое по сравнению с 2016 г. В этой связи прогнозирование поведения избирателей усложнилось, особенно с учетом резкого роста числа голосов меньшинств, проголосовавших по почте, зачастую впервые. Это также снизило значение экзит-полов в день выборов, так как они охватили лишь около двух пятых проголосовавших в 2020 г.

Рисунок 7. Способы голосования на президентских выборах в период 2004–2020 гг. (в процентах)

Источник: [U.S. Census Bureau 2022].

Выборы-2024

В ноябре 2024 г. прошли юбилейные, 60-е выборы президента США. В предвыборной гонке традиционно соперничали Республиканская и Демократическая партии, а независимый представитель клана Кеннеди снял свою кандидатуру в колеблющихся штатах в пользу Трампа. На каждых президентских выборах складываются свои уникальные обстоятельства — от личных характеристик кандидатов до состояния экономики и исторических событий, таких как глобальная пандемия. Понимание меняющегося расового и этнического состава помогает увидеть, как могут изменяться политические тенденции с течением времени [Pew Research Center 2024a]. Важно отметить, что система выборов в США является двухступенчатой, где первоначальное голосование происходит на уровне штатов, а затем результаты этих выборов используются для формирования голосов выборщиков, которые фактически выбирают президента.

Напомним, что для победы необходимо набрать 270 голосов выборщиков. Основная битва разыгралась за 77 голосов выборщиков в так называемых колеблющихся штатах (swing states) — штаты, в которых накануне выборов наблюдался приблизительно равный уровень популярности кандидатов от обеих основных партий (см. рисунок 4 на с. 74). Список колеблющихся штатов от выборов к выборам меняется. Как правило, чем больше в штате проживает независимых избирателей, то есть не имеющих строгой партийной привязки и голосующих по-разному от выборов к выборам, тем выше шанс, что именно этот штат станет

колеблющимся. На президентских выборах в 2024 г. такими штатами стали Аризона, Джорджия, Мичиган, Невада, Пенсильвания, Висконсин и Северная Каролина [Axios 2024].

С начала XXI века демографическая структура колеблющихся штатов претерпела изменения (см. таблицы 8 и 9 на с. 84-85).

Таблица 8. Расово-этнический состав электората США в колеблющихся штатах

	США	Аризона	Джорджия	Мичиган	Невада	Северная Каролина	Пенсильвания	Висконсин
Численность населения (млн чел.)	336	7,2	10,7	10,1	3,1	10,5	13	5,9
Белые (не испаноязычные), %								
2000	76	75	68	82	76	75	87	91
2010	72	69	63	80	66	72	84	88
2018	67	63	58	79	58	69	81	86
Испаноязычные, %								
2000	7	15	2	2	10	2	2	2
2010	10	19	3	3	15	3	4	3
2018	13	24	5	3	20	4	5	4
Афроамериканское население, %								
2000	12	3	27	13	7	20	9	5
2010	12	4	31	14	8	21	10	5
2018	13	5	32	13	9	22	10	6
Азиатского происхождения, %								
2000	2	1	1	1	3	1	1	1
2010	4	2	2	1	6	1	2	1
2018	4	3	3	2	8	2	2	2
Другие, %								
2000	2	6	1	2	4	2	1	1
2010	2	6	1	2	4	2	1	2
2018	3	6	2	2	5	3	2	2

Источник: Pew Research Center.

Средняя величина трех групп по США составляет 30%. Только в двух колеблющихся штатах доля меньшинств (без прочих) заметно превышает 30% (Джорджия 40%, Невада 37%). Но в четырех штатах видны крупные группы испаноязычного или афроамериканского населения (более 20% и выше национальных средних). Судьба президентских выборов, видимо, решается как белым (расколотым на две партии) населением, так и этими крупными группами.

Таблица 9. Демографический состав колеблющихся штатов по данным в 2022 г.

	Аризона	Джорджия	Мичиган	Невада	Северная Каролина	Пенсильвания	Висконсин
Численность населения (млн чел.)	7,17	10,7	10,1	3,1	10,5	13,0	5,88
Белые (не испаноязычные), %	53	50,8	73,5	46,4	61,7	74,5	79,9
Испаноязычные, %	32 (2,3 млн чел.)	10,1 (1,08 млн чел.)	5,47 (550 тыс. чел.)	29,6 (919 тыс. чел.)	10 (1,05 млн чел.)	8,12 (1,06 млн чел.)	7,33 (431 тыс. чел.)
Афроамериканское население, %	4,3	31,1	13,4	9,0	20,6	10,4	6,1
Две и более расы (не испаноязычные), %	3,45	3,14	3,68	4,95	3,27	2,98	2,99
Азиатского происхождения, %	3,26	4,3	3,24	8,27	3,08	3,6	2,85
Другие, %	4	0,56	0,71	1,8	1,35	0,4	0,88
Средний возраст (лет)	38,4	37,2	39,9	38,5	39,1	40,8	39,9
Медианный доход (тыс. долл.)	72,6	71,4	68,5	71,6	66,2	73,2	72,5
Уровень бедности, %	13,1	13,5	13,1	12,7	13,3	11,8	10,7

Источник: составлено автором на основе данных Data USA (<https://datausa.io>) по соответствующим штатам.

Колеблющиеся штаты трансформируются, в них меняется электорат. Интересно, что как средний возраст, так и показатели медианного дохода и уровня бедности в общем довольно близки — все семь не являются беднейшими или богатейшими штатами США. Понимание изменений в расовом и этническом составе в ключевых штатах помогает предположить, как могут меняться политические тенденции с течением времени.

«На выборах в 2020 г. городские образованные избиратели в больших городах Калифорнии, Новой Англии и Юга были за претендента-демократа, но его основной перевес был обеспечен меньшинствами. Это указывает на сложное положение небелых образованных, поскольку их выбор в значительной степени был в пользу Байдена, включая граждан азиатского происхождения, которые по доходам давно обошли белых» [Григорьев, Григорьева 2021. С. 114]. Трамп в значительной мере проиграл Байдену за счет позиции афроамериканских женщин, которые проголосовали по почте.

В таблице 10 на с. 86 показаны изменения в голосовании в колеблющихся штатах в течение первой четверти XXI века. На выборах 2024 года за республиканскую партию проголосовали во всех колеблющихся штатах.

Таблица 10. Итоги голосования в колеблющихся штатах с начала XXI века, %

Год выборов		Аризона	Джорджия	Мичиган	Невада	Северная Каролина	Пенсильвания	Висконсин
Количество выборщиков		11	16	15	6	16	19	10
2000	Р.	51	55	46,1	49,5	56	46,4	47,6
	Д.	44,7	43,2	51,3	45,9	43,1	50,6	47,8
2004	Р.	54,9	58	47,8	50,5	56	48,4	49,3
	Д.	44,4	41,4	51,2	47,9	43,6	50,9	49,7
2008	Р.	53,6	52,2	41	42,7	49,4	44,2	42,3
	Д.	45,1	47	57,4	55,1	49,7	54,5	56,2
2012	Р.	53,7	53,3	44,7	45,7	50,4	46	45,9
	Д.	44,6	45,5	54,2	52,4	48,4	52,1	52,8
2016	Р.	48,7	50,8	47,5	45,5	49,8	48,6	47,2
	Д.	45,1	45,6	47,3	47,9	46,2	47,9	46,5
2020	Р.	49,1	49,2	47,8	47,7	49,9	48,8	48,8
	Д.	49,4	49,5	50,6	50,1	48,6	50	49,4
2024	Р.	52,3	50,7	49,7	50,6	51,1	50,5	49,7
	Д.	46,7	48,5	48,4	47,5	47,7	48,5	48,8

Источник: составлено автором.

Победа Трампа в 2024 г. в колеблющихся штатах была обусловлена несколькими факторами, в том числе его акцентом на экономические и культурные темы, привлекающие разные группы избирателей. Во время избирательной кампании Трамп достаточно четко донес до избирателей свою экономическую программу MAGA (Make America Great Again). Среди латиноамериканцев, поддерживающих Трампа, именно экономика заняла первостепенное значение – 93% назвали ее ключевым фактором их голосования наряду с такими проблемами, как преступность и иммиграция. Для многих латиноамериканцев экономические проблемы, включая высокую стоимость жилья и товаров, стали основным мотивом при выборе кандидата. Приоритет экономической стабильности и сохранения безопасности был ключевым аспектом, определяющим поддержку среди испаноязычных мужчин на этих выборах [Pew Research Center 2024a].

Белые избиратели на протяжении последних 40 лет демонстрируют незначительное, но довольно устойчивое предпочтение кандидатам от Республиканской партии. Ранее наблюдалось, что расовые меньшинства голосуют преимущественно за демократов. Важно отметить, что расово-этнические группы не являются монолитными. Внутри них существует большое многообразие взглядов и предпочтений. В таблице 11 на с. 87 приведены данные с 2000 г., показывающие, что и афроамериканцы, и испаноязычные, и азиатского происхождения голосуют преимущественно за кандидатов от Демократической партии. Причем голоса афроамериканцев

колеблются всегда в районе 90%, а когда выдвигался на высший пост Обама, свои голоса за него отдали 95% избирателей.

Таблица 11. Структура голосования по расово-этническим группам с 2000 по 2024 г., % (Exit polls)

Год выборов и кандидаты	Белые		Афроамериканцы		Испаноязычные		Азиатского происхождения		Другие	
	Р.	Д.	Р.	Д.	Р.	Д.	Р.	Д.	Р.	Д.
2000 г. Дж. Буш-мл. (республиканец) и Альберт Гор (демократ)	54	42	9	90	35	62	41	55	39	55
2004 г. Дж. Буш-мл. (республиканец) и Джон Керри (демократ)	58	41	11	88	44	53	44	56	40	54
2008 г. Джон Маккейн (республиканец) и Барак Обама (демократ)	55	43	4	95	31	67	35	62	31	66
2012 г. Митт Ромни (республиканец) и Барак Обама (демократ)	59	39	6	93	27	71	26	73	38	58
2016 г. Дональд Трамп (республиканец) и Хиллари Клинтон (демократ)	58	37	8	88	29	65	29	65	37	56
2020 г. Дональд Трамп (республиканец) и Джозеф Байден (демократ)	58	41	12	87	32	65	34	61	41	55
2024 г. Дональд Трамп (республиканец) и Камала Харрис (демократ)	57	41	13	85	46	52	39	54	42	54

Источник: [The New York Times 2020, The Washington Post 2024b].

Голоса испаноязычных растут в диапазоне от 53 до 71% — это объясняется тем, что испаноязычный электорат неоднороден. Например, американцы мексиканского, пуэрториканского, доминиканского происхождения по своим взглядам являются демократами, а американцы кубинского и колумбийского происхождения чаще являются сторонниками Республиканской партии. Стоит обратить внимание на то, что в 2004 г. за республиканского кандидата Дж. Буша-младшего проголосовало рекордное количество испаноязычного населения — 44%. Если посмотреть географическое распределение, то испаноязычное население, проживающее на западе США, особенно в Калифорнии, поддерживает Демократическую партию. Традиционно уровень явки на выборы среди испаноязычных американцев, имеющих право голоса, ниже, чем у других групп. Этот феномен ученые объясняют тем, что иммигранты исторически старались занять нейтральную позицию между страной своего происхождения и США. Участие в политической жизни предполагает сохранение и/или создание прочных связей. Иммигранты же предпочитают не делать выбор, а держаться на расстоянии, дистанцируясь от политики в обеих

странах. Но на смену этой отстраненности постепенно приходит участие, хотя и менее активное, чем у других расово-этнических групп, во втором и третьем поколениях испаноязычных, связавших свою жизнь с США [Espino, Leal, Meier 2007].

«Серьезное отличие испаноязычных от афроамериканцев заключается в том, что они не ощущают себя как единую политическую силу. При обилии схожих черт, характерных для всех групп латинос, общая повестка дня у них отсутствует. Отчасти это можно объяснить тем фактом, что в прошлом у испаноязычных нет истории притеснений по расовому или культурному признакам в таких масштабах, как это было у афроамериканцев. Их проблемы в первую очередь обусловлены социально-экономическим положением, которое, как и проблема иммиграции, могло бы стать естественным консолидирующим, если не цементирующим фактором для сплочения представителей этой группы» [Кувалдина 2012].

Что касается голосования меньшинства азиатского происхождения, то тут тоже многое зависит от их этнического происхождения. Считается, что американцы китайского и индийского происхождения скорее поддержат демократов, а вьетнамцы — республиканцев. На их предпочтения влияет как история миграционных процессов, так и нынешние внешнеполитические отношения со страной происхождения.

Показатели явки избирателей также сильно различаются в зависимости от расовых и этнических групп. Традиционно высокая явка у белых избирателей. У афроамериканцев тоже достаточно высокий уровень явки, хотя, как правило, ниже, чем у белых. Исключением были голосования в 2008 и 2012 гг. В 2020 г. большое количество афроамериканских женщин проголосовали по почте, что изменило исход выборов и во многом позволило Демократической партии победить.

Как показывает история, политик вполне может заручиться поддержкой большего числа избирателей в масштабах всей страны, но так и не стать хозяином Овального кабинета. Подобное, например, произошло с Хиллари Клинтон в 2016 г. или ее однопартийцем Элом Гором в 2000-м [Забродин 2024].

С 2000 г. на президентских выборах в США наблюдаются заметные различия в поведении избирателей среди различных расово-этнических групп. Эти различия отражают социальные, экономические и политические реалии каждой группы, а также реакции на кандидатов и их программы.

Афроамериканские избиратели традиционно поддерживают Демократическую партию. Этот тренд особенно усилился в 2008 и 2012 гг. с избранием Обамы. Например, в 2008 г. около 95% афроамериканских избирателей проголосовали за Обаму. В последующие годы поддержка демократов среди афроамериканцев оставалась высокой, хотя в 2020 г. наблюдалось небольшое увеличение голосов за республиканского кандидата Трампа (примерно 12%), хотя этого не хватило.

Латиноамериканское население представляет собой растущую группу избирателей с разнообразными политическими предпочтениями. Латиноамериканцы ранее были склонны голосовать за Демократическую партию, но их поддержка не столь однородна, как у афроамериканцев. В 2000-х годах около 60% латиноамериканцев голосовали за демократов. В 2016 и 2020 гг. значительная часть латиноамериканских избирателей в некоторых штатах (например, во Флориде) поддержала Трампа, особенно кубиноамериканцы и выходцы из Венесуэлы.

Азиатские избиратели также склонны поддерживать демократов, хотя до 2000-х годов их голосование было более разнообразным. В последние десятилетия поддержка ими Демократической партии росла, и в 2020 г. около 63% азиатских избирателей голосовали за Байдена. Азиатское сообщество отличается значительным внутренним разнообразием, и политические предпочтения могут варьироваться в зависимости от национальности, возраста и уровня образования.

Белые избиратели, будучи пока самой крупной группой, демонстрируют более разнообразные политические предпочтения. В целом белые избиратели чаще поддерживают Республиканскую партию, особенно протестантского вероисповедания [Соколыцкий 2021]. В 2016 г. Трамп получил около 57% голосов белых избирателей. Однако среди белых с высшим образованием и в городских районах чаще наблюдается поддержка демократов.

На президентских выборах 2008–2012 гг. афроамериканцы массово голосовали за Обаму, так же делала и значительная часть латиноамериканцев и азиатских избирателей. Белые избиратели были более разделены, но большинство поддержали республиканцев.

В 2020 г. Байден получил широкую поддержку среди афроамериканцев, латиноамериканцев и азиатов, а Трамп вновь опирался на голоса белого рабочего класса.

Избирательные предпочтения расово-этнических групп становятся все более важным фактором в президентских выборах, и эти различия продолжают формировать политический ландшафт США.

В 2024 г. изначально за пост президента страны боролись Трамп и Байден, который 21 июля заявил, что снимает свою кандидатуру³, а в Федеральную избирательную комиссию поступило уведомление о выдвижении вице-президента страны Камалы Харрис на пост главы государства. Ямайские и индийские корни позволили политическим стратегам позиционировать Харрис и как «черную», и как «азиатку» — две динамично растущие избирательные группы американцев. Ее гендерная и этническая принадлежность символизируют прогресс в области равноправия и могут привлечь избирателей, стремящихся к инклюзивности. Харрис активно выступает за права женщин, включая защиту репродуктивных прав и равенство в оплате труда. Ее работа по этим вопросам может привлечь электорат, обеспокоенный социальной справедливостью. Харрис также является членом Alpha Kappa Alpha Sorority, Inc. — старейшего в стране женского общества афроамериканцев [UlysMedia 2024].

Важно отметить, что Харрис поддерживает право женщин на аборт, которые резко осуждает католическая церковь. После сентябрьских дебатов папа римский Франциск раскритиковал обоих кандидатов, призвав 52 млн католиков голосовать и выбирать «меньшее из двух зол» [BBC 2024].

Изучая влияние эффектов нелегальной иммиграции из Латинской Америки на политический процесс в США, российские исследователи пришли к выводу, что «углубление миграционного кризиса в США и связанных с ним социально-экономических проблем будет и далее усиливать политическую поляризацию в стране

³ Тем самым Байден стал первым президентом, который не стал добиваться переизбрания со времен Линдона Б. Джонсона в 1968 г.

и, скорее всего, будет способствовать укреплению позиций кандидата от Республиканской партии» на выборах в 2024 г. [Сокольщик, Сакаев, Галимуллин 2023].

На выборах в 2024 г. общая поддержка демократов со стороны латиноамериканцев заметно снизилась, как и в случае с некоторыми группами чернокожих, испаноязычных граждан в целом по стране и в отдельных штатах. Произошли заметные изменения в демографических категориях внутри расовых групп. Самый заметный сдвиг между 2020 и 2024 гг. среди испаноязычных мужчин. Трамп стал привлекателен для них. В то время как латиноамериканские женщины в целом отдали предпочтение Харрис, при этом их количество снизилось по сравнению с 2020 г. [Brookings 2024].

Возможно, что сдвиг в политических предпочтениях среди расово-этнических групп стал частью общенациональной реакции на высокие цены на продукты, жилье и другие предметы первой необходимости, сопровождавшие пандемию, которая случается раз в столетие [Brookings 2024].

В любом случае, с ростом численности небелых избирателей их политическое влияние также увеличивается. Демографические изменения, которые происходят в США, означают, что политические партии должны учитывать интересы и потребности этих групп, если они хотят сохранять конкурентоспособность на выборах.

Классический образ электората Демократической и Республиканской партий изменился. Предвыборная гонка Трамп – Харрис отражает трансформацию электоральных предпочтений ряда социальных групп. Трамп выиграл голоса следующих социальных групп населения: мужчины (55%), белые (57%), белые мужчины (60%), белые женщины (53%), латиноамериканские мужчины (55%), люди во всех возрастных группах старше 40 лет, люди без образования (63%), люди, посещавшие колледж (51%), люди, чей доход в 2023 г. был между 30–50 тыс. долл. в год (53%), и с доходом 50–100 тыс. долл. (51%), протестанты (63%), католики (58%), семьи с детьми (53%), женатые (56%), те, кто служил в американской армии (65%), те, кто впервые голосовал (56%), те, кто считает, что экономика страны в плохом состоянии (87%), те, кто считает, что финансовое состояние их семьи за последние 4 года ухудшилось (81%), те, для кого инфляция за прошедший год стала серьезным испытанием (74%), а также для тех, кому инфляция создала умеренные трудности (51%), люди, для которых вопросы миграции были наиболее важны (90%), люди, для которых вопросы экономики были наиболее важны (80%), люди, для которых вопросы внешней политики были наиболее важны (57%) [NBS 2024].

Заключение

Трансформация этнической структуры электората США в XXI веке является результатом взаимодействия различных факторов, включая миграцию, политическое влияние групп интересов, социально-экономическую динамику и медиапроцессы. Эти процессы создают уникальную политическую картину, где различные этнические группы играют ключевую роль в формировании национальной политики и общественного мнения.

Иммиграция продолжает играть ключевую роль в изменении состава избирателей. Новые волны иммигрантов, получающих гражданство и право голоса, до-

бавляют разнообразие в электорат и меняют баланс политических сил на местном и национальном уровнях. Несмотря на увеличение доли небелых избирателей, вопросы их интеграции и политического представительства остаются актуальными.

Изменение расового и этнического состава электората США является продолжительным и сложным процессом, который оказывает значительное влияние на политику, социальное развитие и экономику страны. Адаптация к этим изменениям требует комплексного подхода, включающего политические реформы, социальные программы и экономические меры, направленные на поддержание стабильности и процветания для всех слоев населения.

Президентские выборы в США 2024 г. отразили значительные изменения в предпочтениях избирателей среди расовых и этнических групп, что стало важным фактором в победе Трампа над Харрис. На фоне растущих этнических и расовых изменений в электорате Республиканская партия сумела повысить свою привлекательность среди меньшинств, традиционно поддерживавших демократов. Особенно Трамп сосредоточился на стратегиях, направленных на привлечение голосов афроамериканских и латиноамериканских мужчин, акцентируя внимание на экономических и социальных вопросах, которые волновали эти группы, в том числе вопросы занятости и иммиграции. Одновременно многие белые избиратели и экономически уязвимые слои населения, особенно из промышленных регионов, традиционно голосовавшие за демократов, поддержали Трампа, обеспокоенные последствиями текущей экономической политики.

Выборы 2024 г. стали отражением углубляющегося раскола в американском обществе, где вопросы расы, этнической принадлежности и экономического неравенства повлияли на предпочтения избирателей и предопределили исход выборов в пользу Республиканской партии.

Библиография

Григорьев Л.М. США: три социально-экономические проблемы // Вопросы экономики. 2013. №12. С. 48–73. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-12-48-73>

Григорьев Л.М., Григорьева Н.Л. США: экономика и социальная структура перед сменой эпох // Вопросы экономики. 2021. №1. С. 98–119. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-98-119>

Забродин А. Неопределившиеся определяют всё // Коммерсантъ. 2024. 16 марта. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6577524>

Кувалдина А.В. Этнические и расовые меньшинства США: идеологическая ориентация, политические предпочтения, электоральная активность // Полис. Политические исследования. 2012. №6. С. 165–174. Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0547/analit06.php#_FNR_6

Петровская Н.Е. Трудовая миграция США // Экономика и предпринимательство. 2022. №10(147). С. 61–70. DOI: 10.34925/EIP.2022.147.10.008

Соколыщик Л.М. Американский консерватизм и вызов популизма: теоретический и идеологический аспекты // Полис. Политические исследования. 2021. №1. С. 78–93. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.06>

Соколыщик Л.М., Сакаев В.Т., Галимуллин Э.З. Нелегальная иммиграция из Латинской Америки в контексте президентской кампании в США 2024 г.: эффекты поляризации // Международная аналитика. 2023. №14(3). С. 106–126. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-106-126>

Травкина Н.М. США: меняющийся алгоритм развития. М.: Весь Мир, 2018. 264 с.

Axios, 2024. Behind the Curtain: 6% of six states. Режим доступа: <https://www.axios.com/2024/05/06/biden-trump-election-swing-states>

ВВС, 2020. Не только коронавирус: пять причин победы Джо Байдена на выборах в США. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-54875107>

ВВС, 2024. Меньшее из двух зол. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/articles/cn7yldzm14ro?ocid=wsrussian.social.in-app-messaging.telegram.russiantelegram_edit

BLS, 2024. Режим доступа: <https://data.bls.gov/pdq/SurveyOutputServlet>

Britannica, 2024. United States Presidential Election Results. Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/United-States-Presidential-Election-Results-1788863>

Brookings, 2021a. 2020 Census: Big cities grew and became more diverse, especially among their youth. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/2020-census-big-cities-grew-and-became-more-diverse-especially-among-their-youth/>

Brookings, 2021b. New 2020 census results show increased diversity countering decade-long declines in America's white and youth populations. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/new-2020-census-results-show-increased-diversity-countering-decade-long-declines-in-americas-white-and-youth-populations/>

Brookings, 2024. Trump gained some minority voters, but the GOP is hardly a multiracial coalition. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/trump-gained-some-minority-voters-but-the-gop-is-hardly-a-multiracial-coalition/>

Center for Immigration Studies, 2022. Foreign-Born Population Hits Record 46.6 Million in January 2022. Режим доступа: <https://cis.org/Camarota/ForeignBorn-Population-Hits-Record-466-Million-January-2022>

Circle, 2024. The youth vote in the 2024 election. Режим доступа: <https://circle.tufts.edu/2024-election#youth-vote-+6-for-harris,-but-young-men-+14-for-trump>

Espino R., Leal D.L., Meier K.J. (eds). Latino Politics: identity, mobilization and representation. University of Virginia Press, 2007. P. 44-63.

Gallup, 2024. Democrats Lose Ground with Black and Hispanic Adults. Режим доступа: <https://news.gallup.com/poll/609776/democrats-lose-ground-black-hispanic-adults.aspx>

MPI, 2020. Unauthorized Immigrants in the United States Stable Numbers, Changing Origins. Режим доступа: https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/mpi-unauthorized-immigrants-stablenumbers-changingorigins_final.pdf

NBS News 2024. Exit Polls. Режим доступа: <https://www.nbcnews.com/politics/2024-elections/exit-polls>

NVSS, 2024. Births: Final Data for 2022. Режим доступа: <https://www.cdc.gov/nchs/data/nvsr/nvsr73/nvsr73-02.pdf>

Pew Research Center, 2020. The Changing Racial and Ethnic Composition of the U.S. Electorate. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/09/23/the-changing-racial-and-ethnic-composition-of-the-u-s-electorate/>

Pew Research Center, 2024a. In Tight U.S. Presidential Race, Latino Voters' Preferences Mirror 2020. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/race-and-ethnicity/2024/09/24/in-tight-u-s-presidential-race-latino-voters-preferences-mirror-2020/>

Pew Research Center, 2024b. Key facts about Hispanic eligible voters in 2024. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/01/10/key-facts-about-hispanic-eligible-voters-in-2024/>

The New York Times, 2020. National Exit Polls: How Different Groups Voted. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/11/03/us/elections/exit-polls-president.html>

The Washington Post, 2024a. 2024 turnout is near the 2020 record. See how each state compares. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/politics/2024/11/06/voter-turnout-2024-by-state/>

The Washington Post, 2024b. Exit polls from the 2024 presidential election. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/elections/interactive/2024/exit-polls-2024-election/>

U.S. Census Bureau, 2021. 2020 Census Illuminates Racial and Ethnic Composition of the Country. Режим доступа: <https://www.census.gov/library/stories/2021/08/improved-race-ethnicity-measures-reveal-united-states-population-much-more-multiracial.html>

U.S. Census Bureau, 2022. Voting and registration in the election of November 2020. Режим доступа: <https://www.census.gov/library/publications/2022/demo/p20-585.html>

U.S. Census Bureau, 2023. 2023 National Population Projections Tables: Main Series. Режим доступа: <https://www.census.gov/data/tables/2023/demo/popproj/2023-summary-tables.html>

U.S. Census Bureau, 2024a. Income, Poverty and Health Insurance Coverage in the United States: 2023. Режим доступа: <https://www.census.gov/newsroom/press-releases/2024/income-poverty-health-insurance-coverage.html>

U.S. Census Bureau, 2024b. New Estimates Highlight Differences in Growth Between the U.S. Hispanic and Non-Hispanic Populations. Режим доступа: <https://www.census.gov/newsroom/press-releases/2024/population-estimates-characteristics.html>

U.S. Census Bureau, 2024c. U.S. and World Population Clock. Режим доступа: <https://www.census.gov/popclock/>

UlysMedia, 2024. Выборы в США: сможет ли Камала Харрис заселиться в Белый дом. Режим доступа: <https://ulymedia.kz/analitika/34822-vybory-v-ssha-smozhet-li-kamala-kharris-zaselitsia-v-belyi-dom/>.

Направления развития топливно-энергетического комплекса США

Хейфец Е.А.

Хейфец Екатерина Александровна — независимый эксперт.

ORCID: 0000-0001-5532-2240

ResearcherID: rid91298

Scopus AuthorID: 57879402000

Для цитирования: Хейфец Е.А. Направления развития топливно-энергетического комплекса США // Современная мировая экономика. Том 2. №3(7). EDN: OWEVTM

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-3-94-110>

Ключевые слова: энергетические рынки, климатическое регулирование, энергетическая безопасность, инвестиции, сланцевая добыча.

Аннотация

В работе рассмотрены исторические предпосылки формирования топливно-энергетического сектора США. За последний век США столкнулись с рядом масштабных шоков как мировой экономики, так и энергетических рынков, что поставило вопрос о достижении энергетической безопасности во главу политических приоритетов страны. Рассмотрена географическая структура торговли нефти и газа, а также внутренний отраслевой спрос. В работе дана оценка возможным последствиям новой промышленной политики на внутренний спрос на энергоресурсы, а также анализ инвестиционного цикла нефтегазовых компаний, который характеризовался относительно высокой чувствительностью капиталовложений к динамике цен. Отмечено незначительное влияние климатического лобби на объем выбросов и потребление ископаемых энергоресурсов.

Введение

Мировой энергетический рынок вновь переживает масштабную перестройку, обусловленную геополитической неопределенностью, технологическим развитием и климатическим регулированием. США — один из крупнейших потребителей и производителей энергии в мире. Вступление в должность Д. Трампа ожидаемо

приведет к изменению курса энергетической политики США, а значит, и существенно трансформирует конъюнктуру мирового рынка сырья. Среди предсказуемых последствий — снижение барьеров для американских нефте- и газодобытчиков, значительное ослабление климатического регулирования, снижение субсидий для электромобилей и производства ВИЭ.

Несмотря на заявленные обещания стран по снижению потребления ископаемого топлива, ОПЕК прогнозирует рост мирового потребления как нефти — до 102,1 млн барр. н.э. в 2030 г. (+11% к 2023 г.), так и газа — до 75,9 млн барр. н.э. в 2030 г. (+9,8% к 2023 г.), хотя и, в первую очередь, за счет развивающихся стран [ОPEC 2024]. Рост мировых цен на нефть и газ, общая геополитическая нестабильность и возросший спрос со стороны Европейского союза (далее — ЕС) на фоне попыток заместить российские энергоресурсы позволяет ожидать и увеличения внутренней добычи нефти и газа в США, а новая индустриальная политика, которая была запущена администрацией президента Дж. Байдена, лишь стимулирует внутренний спрос. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения исторических предпосылок и существующих условий энергетического рынка США и их позиций как ключевого поставщика и потребителя топлива.

История трансформации энергетического сектора США

Современный подход к изучению мирового энергетического сектора выделяет четыре этапа формирования рынка [Григорьев, Хейфец 2022]:

1. 1868–1915 гг. — низкая зависимость мировой экономики от нефти, низкая стоимость производства энергоресурсов, монополия Standard Oil.

В этот период главным источником энергии в США является уголь на фоне промышленной индустриализации. Уголь был ключевым энергоресурсом, необходимым для производства стали, выработки электроэнергии и создания рабочих мест. При этом главными регионами добычи являлись Пенсильвания, Западная Вирджиния, Иллинойс и Кентукки. В середине 1700-х годов в Пенсильвании началась добыча угля для обеспечения колониальной металлургической промышленности. К началу 1800-х уголь из Пенсильвании способствовал промышленному росту всей страны и был основным топливом для растущей сталелитейной промышленности Западной Пенсильвании. В начале XX века развитие железнодорожной сети позволило активно разрабатывать богатые угольные месторождения региона Аппалачи в Западной Вирджинии, Кентукки и Вирджинии. С 1800 г. в указанных штатах добывалась половина (54%) всего угля США. На сегодняшний день только на Пенсильванию приходится 20% всей добычи угля в стране. В конце XIX века началась промышленная добыча угля к западу от Миссисипи, преимущественно в Техасе, Монтане, Колорадо, Юте, Северной Дакоте, Нью-Мексико и Вайоминге. Именно Вайоминг в современный период занимает наибольшую долю в производстве угля в США.

После окончания Гражданской войны в США растущую долю в топливно-энергетическом балансе страны (далее — ТЭБ) приобретает нефть, в первую очередь

за счет потребления керосина. С открытием месторождения Спиндлтоп в 1900 г. начинается бум нефтяной промышленности США. Драйвером отрасли становится Standard Oil, которая за 40 лет стала монополистом нефтяного рынка страны за счет договоренностей в отношении приоритетного снижения стоимости железнодорожных перевозок топлива. Монополия Standard Oil была прекращена в 1911 г. путем разделения на 34 компании, в том числе Standard Oil of New Jersey (в дальнейшем — Exxon), Standard Oil of New York (в дальнейшем — Mobil), Standard Oil of California (в дальнейшем — Chevron), Standard Oil of Ohio (в 1987 г. приобретена British Petroleum, которая в 1988 г. покупает также Standard Oil of Indiana). Эти компании впоследствии стали участниками «7 сестер». В этот период США являлись одним из крупнейших экспортеров нефти. До Первой мировой войны на США приходилось 60% мирового производства нефти, на Российскую империю — 20% (в период 1889–1901 гг. являлась крупнейшим мировым производителем нефти), от 2% до 5% приходилось на Мексику, Голландскую Ост-Индию, Британскую Индию [Rubio-Varas 2006].

2. 1915–1972 гг. — низкие импортные цены на энергоресурсы, монополия картеля «7 сестер», при этом уголь все еще занимает ключевое место в топливно-энергетическом балансе США (в этот период США также являются крупнейшим мировым производителем угля), с 1950-х годов нефть становится наиболее потребляемым источником энергии в стране.

Война подчеркнула важность обеспечения энергетической безопасности стран. Крупные производители угля имели стратегическое преимущество перед остальными странами, и разработка отечественных угольных месторождений стала первоочередной задачей для многих правительств. С растущим спросом на нефть в период Первой мировой войны США впервые начинают импортировать нефть из Мексики. В 1920 г. цена на нефть достигает 3 долл. США/барр. (для сравнения: в 1914 г. — 0,67 долл. США/барр.).

На фоне беспокойства в отношении неспособности удовлетворить растущий спрос на нефть Конгресс в 1920 г. принимает Mineral Leasing Act, который предусматривает аренду федеральных земель под геологоразведку. Кроме того, в ответ на протекционизм Великобритании и Франции в отношении своих ближневосточных проектов акт включал положение, запрещающее доступ к правам на добычу полезных ископаемых в США иностранным компаниям, чьи правительства не предоставляют аналогичные права американским фирмам. В то же время американские нефтяные компании начинают активно добиваться получения концессий в Латинской Америке.

1928 год считается годом формирования картеля «7 сестер», крупнейших мировых производителей нефти (Exxon, Mobil, Chevron, Texaco, British Petroleum, Gulf Oil, Royal Dutch Shell), возникшего в результате подписания Red Line Agreement, предусматривающего совместную деятельность по добыче нефти в Персидском заливе. В 1933 г. США (Standard Oil Company of California, или Chevron) также подписывают концессиональное соглашение с Саудовской Аравией, создавая

California Arabian Standard Oil Company (в дальнейшем Saudi Aramco). Необходимо отметить, что именно картель сформировал основу текущей мировой энергетической системы и до 1973 г. обеспечивал высокий спрос западных стран относительно дешевой нефтью.

После Второй мировой войны на смену углю в качестве основного источника энергии в большинстве промышленно развитых стран, включая США, приходит нефть. Несмотря на растущие объемы экспорта нефти США до Второй мировой войны, к началу 1950-х годов страна становится чистым импортером на фоне роста потребления моторного топлива и перебоев поставок в ряде штатов. Среди ключевых партнеров США – Мексика.

3. 1973–2010 гг. – преобладающая роль ОПЕК на нефтяном рынке, шоки предложения нефти (до 2000 г., с начала 2000-х преобладают шоки спроса), формирование рынка «бумажной нефти».

В этот период также усиливается зависимость США от импортной нефти, хотя правительства и предпринимают попытки наращивания собственного производства.

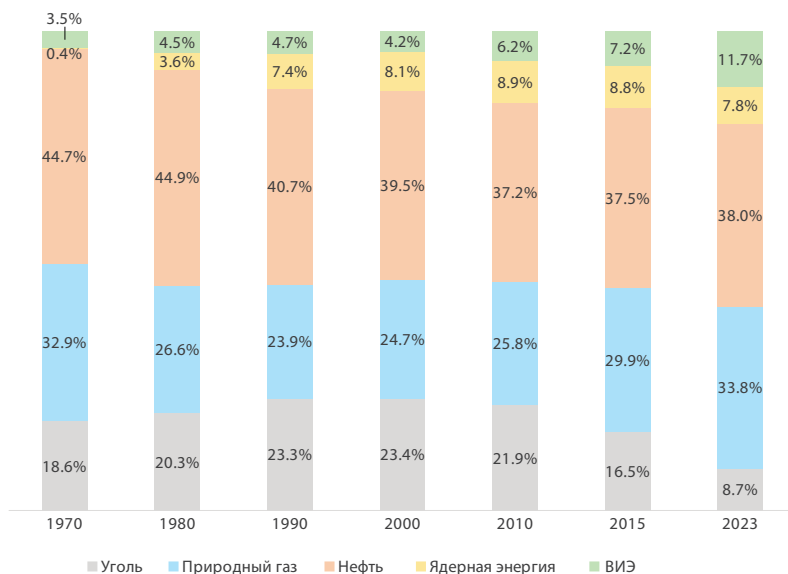
4. 2010 г. – настоящее время – растущее значение климатического регулирования, сланцевая революция в США, рост потребления ВИЭ, с 2022 г. – вновь доминирующая роль геополитических интересов на энергетических рынках. Среди ключевых партнеров США – по-прежнему Мексика и Канада.

С энергетического кризиса 1973 г. начинается период борьбы США за энергетическую безопасность. Весной 1973 г. администрация президента Р. Никсона объявила о новой энергетической стратегии, направленной на рост внутреннего производства с целью снижения импортозависимости страны, а также сокращения общенационального дефицита топлива. В ответ на нефтяное эмбарго ОПЕК и почти трехкратный рост цен на нефть Конгресс принимает ряд актов по защите внутреннего рынка: в 1973 г. – Акт о чрезвычайном распределении нефти, в 1974 г. – Акт о координации энергоснабжения и охраны окружающей среды, в 1975 г. – Акт об энергетической политике и сохранении энергии. Последний закон предусматривал создание стратегического резерва нефти. Хотя законы предполагали стабилизацию цен на нефть за счет их прямого регулирования, они привели к снижению внутреннего производства и, как следствие, дефициту на рынке. В период 1974–1978 гг. импорт сырой нефти вырос почти вдвое, а потребление увеличилось на 30%, при значительном росте цен на фоне событий в Иране, что напрямую указывает на неэффективность предпринятых мер.

С приходом президента Дж. Картера и принятием его Национального энергетического плана в 1978 г. началась масштабная перестройка всей отрасли в ответ на продолжающееся удорожание импортируемой нефти из-за геополитических проблем на Ближнем Востоке. Особое внимание в Плане уделялось снижению потребления энергии, формированию запасов, развитию альтернативных источников энергии. Всего в 1978 г. было принято пять актов: Закон о национальной политике

в области энергосбережения, Закон о силовых установках и промышленном использовании топлива, Закон о политике регулирования коммунальных услуг, Закон о налогообложении энергетической отрасли и Газовый акт, который фактически становится первым шагом по дерегулированию ценообразования отрасли. Существующий дефицит на внутреннем рынке в паре с высокими ценами на нефть обеспечили ускоренный рост доходов нефтяных компаний. В 1980 г. (до 1988) был введен налог на сверхприбыль от продажи сырой нефти для компенсации отмены регулирования цен на нефть. Введение налога лишь усилило зависимость США от импортной нефти в результате роста предельных издержек внутренних производителей, падения мировых цен на нефть и снижения стоимости upstream технологий за рубежом.

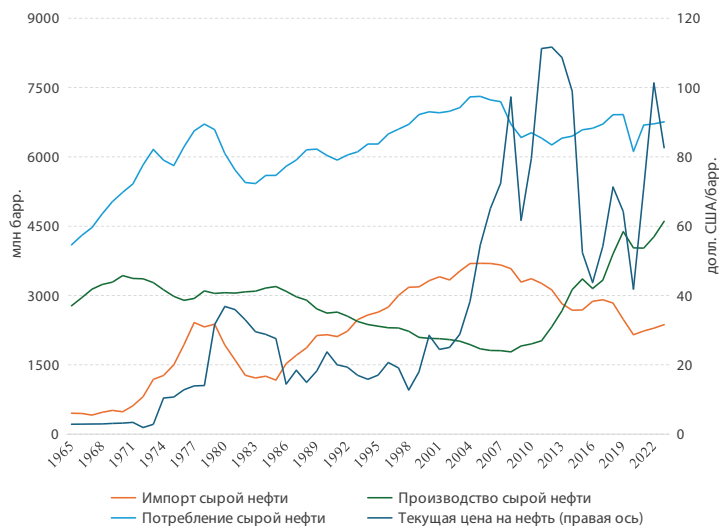
Рисунок 1. Топливо-энергетический баланс США, %, 1970–2023 гг.

Источник: Расчеты автора на основе данных Энергетического агентства США (1970–2022), Energy Institute Statistical Review of World Energy (2023).

Период 1990-х годов охарактеризовался продолжающимся падением цен и внутреннего производства нефти. 1992 год был отмечен снятием регулирования с трубопроводной транспортировки природного газа за счет разделения услуг по транспортировке, хранению и продаже. Такое разделение позволило напрямую заключать контракты на поставки покупателям с месторождений. Кроме того, впервые на международном уровне начинает обсуждаться проблема растущих выбросов парниковых газов (далее — ПГ) — создан Киотский протокол, хотя он и не был ратифицирован США. Фактически начинают формироваться предпосылки для текущего конфликта интересов нефтегазовых компаний и сторонников декарбонизации.

Рисунок 2. Динамика импорта, производства и потребления сырой нефти в США, динамика текущих цен

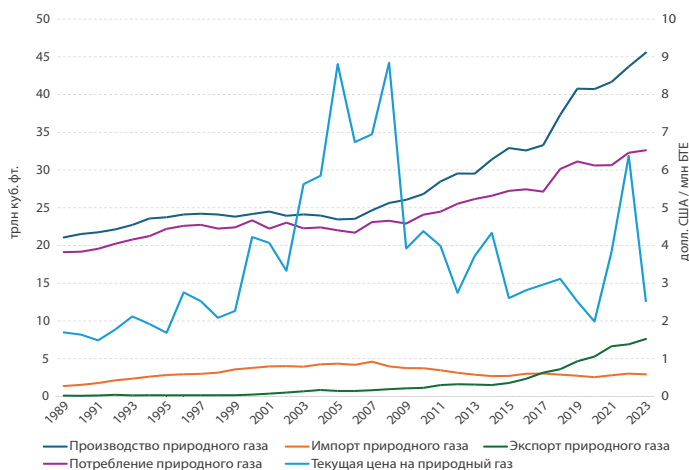

Примечание: Цены в период 1965–1972 гг. представлены в среднем по США, в период 1972–1976 гг. – за нефть марки Arabian Light (Рас-Таннур), в период 1976–2023 гг. – за нефть марки Brent.

Источник: расчеты автора на основе данных Энергетического агентства США, Energy Institute Statistical Review of World Energy.

XXI век для энергетического сектора США отмечен в первую очередь развитием технологий шельфовой добычи и, как следствие, ростом инвестиций в upstream, усилением роли климатического регулирования, а также шоками предложения на мировом рынке. Фрекинговые технологии позволили достичь рекордных значений добычи нефти и газа.

Рисунок 3. Динамика импорта, экспорта, производства и потребления природного газа в США, динамика текущих цен

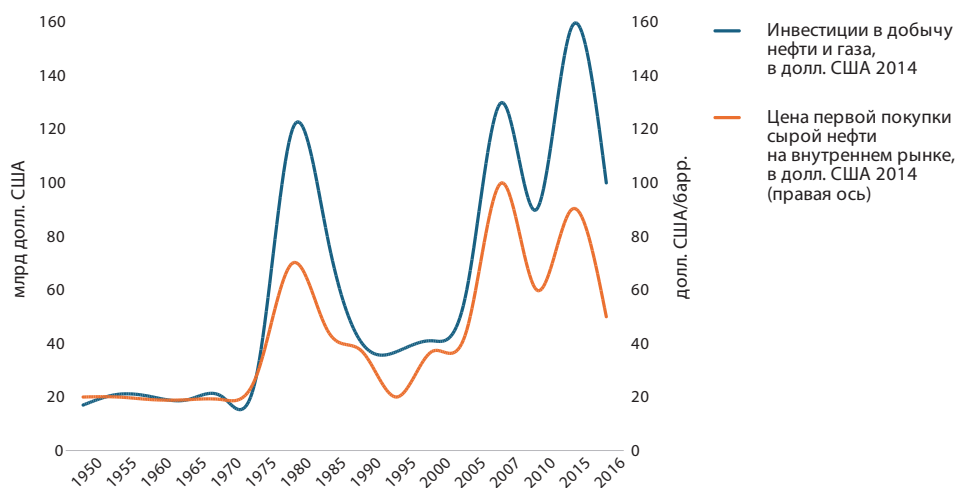

Источник: расчеты автора на основе данных Энергетического агентства США, Energy Institute Statistical Review of World Energy.

Инвестиции в геологоразведку и добычу США до 2020 г. характеризовались более высокой чувствительностью к ценам на нефть (см. рисунок 4 на с. 100) [EIA 2015]. Цена на нефть являлась отражением текущей ситуации на рынке, соответственно рост цены зачастую показывал необходимость наращивания предложения и, как следствие, вызывал увеличение инвестиций в upstream сегмент. С 2003 по 2014 год инвестиции в upstream выросли втрое, отражая как рост цен на нефть и увеличение мирового спроса, так и стремление страны к самообеспечению энергией.

Учитывая высокую чувствительность к ценам в этот период, падение инвестиций в 2014 г. объясняется в первую очередь падением цен на нефть, которое началось во второй половине года в ответ на наращивание добычи сланцевой нефти в США и общее замедление мировой экономической активности в 2015–2016 гг. [Stocker et al. 2018]. Инвестиционные циклы на нефтяном рынке до 2014 г. также дают понимание реакции инвестиций в разведку и добычу в ответ на изменение цен на энергоресурс.

Рисунок 4. Динамика инвестиций в добычу и цен на сырую нефть, 1950–2015 гг.

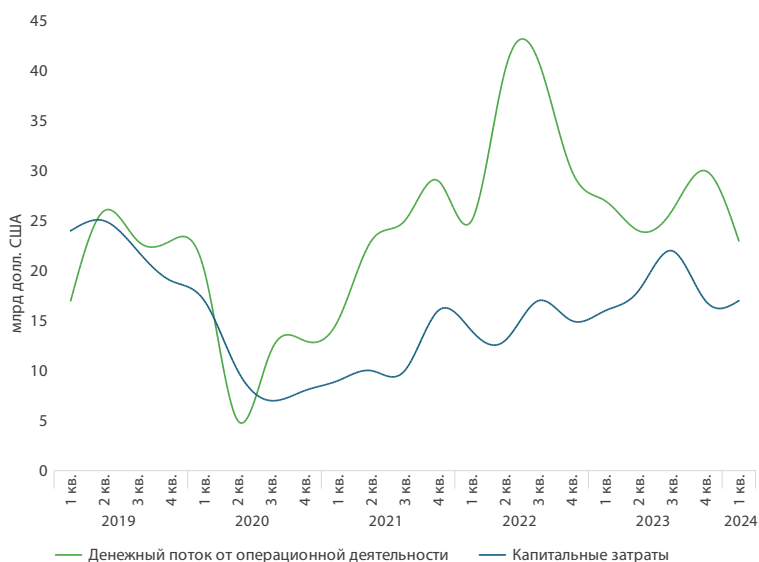
Источник: Энергетическое агентство США.

Необходимо понимать, что революция в технологиях сланцевой добычи привела к значительному сокращению сроков окупаемости инвестиционных проектов, что только увеличило зависимость инвестиций от цен. В 2024 г. Rystad Energy оценивает средний срок окупаемости проектов по добыче сланцевой нефти при средней цене 70 долл. США/барр. в два года, тогда как для других типов месторождений окупаемость составляет не менее 10 лет [Erlingsen, Busby 2024]. Переход к «коротким» проектам фактически также привел к смещению рисков отрасли на игроков финансового рынка, так как при запуске проектов возможно было реализовывать поставки на рынок почти сразу же. Последствия такого смещения отчетливее проявятся уже после 2020 г., когда восстановление цен и потребления нефти, и, как следствие, рекордных денежных потоков нефтегазовых компаний после снятия ограничений не привело к масштабному росту инвестиций в upstream. Этому способствовала высокая степень

неопределенности на рынке и ожидания нефтегазовыми компаниями более высоких темпов энергоперехода, что привело к перераспределению прибылей в проекты по производству ВИЭ, на выплату дивидендов или погашению долгов [Григорьев, Хейфец 2022], накопленных с начала сланцевой революции [Fattouh, Sen 2013].

В 2018 г. инвестиции в сектор добычи по-прежнему были на 40% ниже, чем в 2014 г. [Nacquard et al. 2019]. Такие сдержанные значения могут быть объяснены следующими факторами: ожидание нефтедобытчиками более низких цен на фоне роста предложения сланцевой нефти, что также оказывало давление на цены акций публичных нефтегазовых компаний и привело к тому, что компании сосредотачивались на выплате дивидендов или обратном выкупе акций и сокращали инвестиции в разведку и добычу. Кроме того, активное продвижение политики «зеленого» энергоперехода привело к перераспределению капиталовложений крупных западных нефтегазовых компаний (BP, Total, Equinor, Royal Dutch Shell и др.) в ВИЭ наравне с сокращением финансирования рискованных нефтегазовых проектов со стороны банков. Повлияла на общее сокращение инвестиций и фрагментация мировой торговли, и, как следствие, ожидание замедления мирового экономического роста. Все это привело к сокращению капитальных затрат на геологоразведку и поддержанию инвестиций лишь в повышение эффективности добычи на действующих месторождениях.

Рисунок 5. Динамика денежного потока и капитальных затрат выбранных 36 публичных нефтегазовых компаний США, 2019–2024 г., млрд долл. США (в долл. США 2024)

Источник: Энергетическое агентство США.

В 2020 г. карантинные ограничения и нарушенные цепочки поставок привели к масштабному сокращению спроса на нефть и, как следствие, сокращению инвестиций в отрасль (капиталовложения достигли минимума 2006 г.) [Григорьев, Хейфец 2022]. По оценкам Международного энергетического агентства (МЭА), сни-

жение инвестиций нефтедобывающих компаний составило около 25% по сравнению с изначально озвученными планами на 2020 г. [IEA 2021]. Ключевой причиной снижения инвестиционных расходов стало сокращение доходов нефтяной отрасли из-за падения цен и спроса на нефть, вызванных в том числе высокой степенью неопределенности, связанной с дальнейшим распространением COVID-19. Наиболее значительное снижение инвестиций произошло в компаниях, занимающихся добычей сланцевой нефти в США, что может быть связано с более низкой рентабельностью (по оценкам S&P, только половина скважин остаются рентабельными при цене 40 долл. США/барр.) [S&P Global 2020] и высокой закредитованностью.

В конце 2021 г. инвестиции в отрасль показали восстановление. Ограничения в рамках соглашения ОПЕК+, а также восстановление экономической активности и, как следствие, спроса на нефть привели к росту цен на энергоресурсы. В ответ на это upstream инвестиции в США вновь возросли, хотя и не вернулись на докризисную динамику.

В период 2022–2023 гг. инвестиции в upstream хотя и продемонстрировали рост, но относительно «плоский». Рост сырьевых цен в ответ на обострение геополитической напряженности привел к скачку капиталовложений в США, но только в III квартале 2022 г. Далее рост замедлился, чему способствовали увеличение операционных расходов компаний (из-за роста затрат на рабочую силу и перебоев в цепочках поставок) и рост сборов налогов на добычу. Кроме того, стоит отметить, что обострение конфликтов на Ближнем Востоке в 2023–2024 гг. хоть и привело к росту цен на нефть, но не способствовало сохранению геополитической премии к цене. Следовательно, драйвером наращивания upstream инвестиций в нефтяную отрасль США станет не геополитическая напряженность (этому больше будут способствовать регуляторные послабления новой республиканской администрации), что позволяет делать вывод о дальнейшем снижении чувствительности инвестиций к ценам.

Структура топливно-энергетического баланса США

Структура американского ТЭБ демонстрировала относительную устойчивость последние 50 лет с растущей долей газа после 2014 г. Несмотря на активное продвижение климатической повестки как в мире, так и в США, особенно с приходом администрации президента Байдена, доля нефти и газа в энергобалансе страны по-прежнему превышает 70%.

Технологии гидроразрыва пласта и горизонтального бурения привели к перевороту мирового нефтегазового рынка и значительному росту производства нефти и газа в США. В 2023 г. доля США в мировом производстве нефти составила 20%, в производстве газа — 25,5%. В 2020 г. США стали нетто-экспортером топлива (ключевые направления экспорта — Канада, Мексика, Китай и ЕС), чему способствовали как рост сланцевой добычи и, соответственно, увеличение поставок легкой нефти на рынок, так и отмена запрета на экспорт нефти в стране в 2015 г. Несмотря на успехи по расширению добычи и производства, необходимо понимать, что производство США преимущественно состоит из малосернистого топлива. Хотя потребление тяжелой нефти в основном обеспечивается стабильным импортом из

Канады и добычей в Калифорнии, этот факт не позволяет оставить разговоры об обеспечении энергетической безопасности в условиях проведения новой индустриальной политики и многочисленных шоков.

Таблица 1. Динамика производства, потребления, экспорта и импорта основных источников энергии в США, 2019–2023 гг.

	2019	2020	2021	2022	2023	Прирост 2022-2023 гг., %	CAGR 2019-2023 гг., %	Прирост 2019-2023 гг., %
Нефть (млн барр./сутки)								
Производство	17,1	16,5	16,7	17,8	19,4	8%	3%	13%
Потребление	19,4	17,2	18,8	18,9	19,0	1%	-1%	-2%
Экспорт	8,0	8,1	8,0	8,5	9,1	7%	3%	14%
Импорт	9,1	7,9	8,5	8,3	8,5	2%	-2%	-7%
Газ (млрд куб. м)								
Производство	928,1	924,8	944,5	993,4	1035,3	4%	3%	12%
Потребление	851,0	834,5	836,4	879,6	886,5	1%	1%	4%
Экспорт	124,8	140,2	178,8	187,3	203,4	9%	13%	63%
Импорт	74,7	69,5	76,5	82,8	79,5	-4%	2%	6%
Уголь (Эдж)								
Производство	14,3	107	11,6	12,1	11,8	-2%	-5%	-17%
Потребление	11,3	9,2	10,6	9,9	8,2	-17%	-8%	-28%
Экспорт	2,2	1,7	2,2	2,2	2,5	11%	3%	12%
Импорт	0,2	0,6	0,1	0,2	0,1	-35%	-10%	-36%
ВИЭ (квадрлн БТЕ)								
Производство	7,8	7,5	7,8	8,3	8,4	1%	2%	9%
Потребление	7,6	7,3	7,6	8,1	8,2	2%	2%	9%
Ядерная энергетика (Эдж)								
Производство	3,1	3,0	3,0	2,9	2,9	1%	-1%	-4%
Потребление ¹	7,8	7,5	7,4	7,3	7,3	0,1%	-1%	-6%

Источник: Energy Institute Statistical Review of World Energy, Энергетическое агентство США.

Необходимость достижения энергетической безопасности является приоритетом для США с середины XX века, когда страна стала нетто-импортером энергии. Несмотря на постоянную борьбу за наращивание внутреннего производства, импорт США демонстрировал стабильный рост, достигнув пика только в 2006 г. За последние 50 лет структура импорта США также была значительно трансформирована. Так, доля стран ОПЕК, занимавших в прошлом веке почти половину всего импорта США (47% в 1973), снизилась до 16% в 2023 г. Сегодня среди ключевых поставщиков нефти в США традиционно выделяются Канада, Мексика, Саудовская Аравия и Нигерия (см. таблицу 2 на с. 104).

¹ Расчет на основе валовой выработки без учета трансграничных поставок электроэнергии. Объем энергии рассчитан на основе эквивалента затрат.

Таблица 2. Географическая структура импорта нефти в США, 1973–2023 гг., млн барр./сутки

	1973	2000	2010	2015	2019	2022	2023
Страны, не входящие в ОПЕК	3,3	6,3	6,9	6,6	7,5	7,1	7,2
Канада	3,0	1,8	2,5	3,8	4,4	4,4	4,4
Мексика	0,0	1,4	1,3	0,8	0,7	0,8	0,9
Россия	0,0	0,0	0,6	0,4	0,5	0,1	0
Страны, входящие в ОПЕК	3,0	5,2	4,9	2,9	1,6	1,3	1,3
Саудовская Аравия	0,5	1,8	1,1	1,1	0,5	0,6	0,4
Нигерия	0,5	0,9	1,0	0,1	0,2	0,1	0,2
Ирак	0,0	0,6	0,4	0,2	0,3	0,3	0,3
Венесуэла	1,3	1,5	1,0	0,8	0,1	-	0,1
Всего	6,3	11,5	11,8	9,4	9,1	8,3	8,5

Источник: Энергетическое агентство США.

Помимо значительного изменения структуры импорта нефти в США в 2022 г., необходимо также отметить и ребалансировку экспорта, которая происходила под воздействием нескольких факторов: антироссийские санкции, рост спроса на нефть в восстановившемся после карантинных Китая и ограничения поставок ОПЕК+. Санкции привели не только к значительному скачку цен в 2022 г., но и к масштабной перестройке всего рынка. Введенный ценовой потолок для импорта нефти в страны G7 из России повлек за собой необходимость для ЕС искать новых поставщиков энергии прежде всего на Ближнем Востоке и в США (см. таблицу 3 на с. 104). Так, экспорт нефти и нефтепродуктов из США в страны Европейского союза, включая Великобританию, вырос более чем на 60% в 2023 г. по сравнению с доковидным 2019 г.

Таблица 3. Географическая структура экспорта нефти в США, 2000–2023 гг.

	2000	2010	2015	2019	2022	2023
Канада	0,1	0,2	1,0	1,0	0,8	0,9
Мексика	0,4	0,4	0,7	1,2	1,2	1,2
Китай	0,0	0,1	0,2	0,2	0,6	1,0
Европейский союз, с учетом Великобритании	0,2	0,4	0,7	1,5	2,2	2,6
Республика Корея	0,0	0,0	0,1	0,6	0,6	0,6
Япония	0,1	0,1	0,2	0,6	0,5	0,6
Индия	0,0	0,0	0,1	0,5	0,5	0,4
Сингапур	0,0	0,1	0,1	0,1	0,4	0,4
Всего	1,0	2,4	4,7	8,5	9,5	10,2

Источник: Энергетическое агентство США.

Как и в случае с нефтью, за последнее десятилетие добыча природного газа в США значительно возросла (см. таблицу 4 на с. 105), и в настоящее время страна является нетто-экспортером за счет развития СПГ-терминалов. Также вполне ожидаем дальнейший рост экспорта СПГ на фоне увеличения мирового спроса и планов избранного президента Трампа по расширению присутствия на мировом рынке СПГ и запуска новых экспортных терминалов.

По данным Международного газового союза, в 2023 г. США стали крупнейшим в мире производителем СПГ, опередив Австралию и Катар. Согласно отчетам Энергетического агентства США, в 2023 г. страна также установила рекорд, экспортировав на 10% больше природного газа, чем в 2022 г., достигнув 20,9 млрд куб. футов в сутки. Экспорт СПГ составил более половины от общего объема, в то время как оставшаяся часть поставлялась по трубопроводам в Канаду и Мексику. В 2023 г. почти половина европейского импорта СПГ приходилась на США, в том числе в ответ на санкции в отношении России. Другими основными направлениями поставок были Мексика и Азиатско-Тихоокеанский регион (во главе с Южной Кореей и Японией).

Таблица 4. Географическая структура экспорта газа из США, 2000–2023 гг., млрд куб. м

	2000	2010	2015	2019	2022	2023
Канада	0,0	0,0	0,5	51,5	109,5	123,0
Мексика	0,0	0,0	0,5	51,5	109,4	123,0
Аргентина	0,0	0,0	0,0	3,3	16,2	14,0
Бангладеш	1,9	0,9	0,2	5,7	5,9	8,8
Китай	0,0	0,0	0,0	0,2	2,7	4,9
Индия	0,0	0,0	0,0	0,1	2,2	1,6
Европейский союз, с учетом Великобритании	0,0	0,0	0,0	13,7	24,4	22,4
СПГ	5,0	30,4	49,7	80,4	86,1	92,5
Трубопроводный газ	1,9	1,8	0,8	51,5	109,5	123,0
Всего	6,9	32,2	50,5	131,9	195,6	215,5

Источник: Энергетическое агентство США.

Таблица 5. Географическая структура импорта газа в США, 1973–2023 г., трлн куб. фут.

	1973	2000	2010	2015	2019	2022	2023
Канада	29,1	100,4	92,9	74,3	76,1	84,9	82,4
Тринидад и Тобаго	0,0	2,8	5,4	2,0	1,3	0,7	0,3
СПГ	0,0	6,4	12,2	2,6	1,5	0,7	0,4
Трубопроводный газ	0,0	100,7	93,7	74,4	76,1	84,9	82,5
Всего	29,2	107,1	105,9	77,0	77,6	85,6	82,9

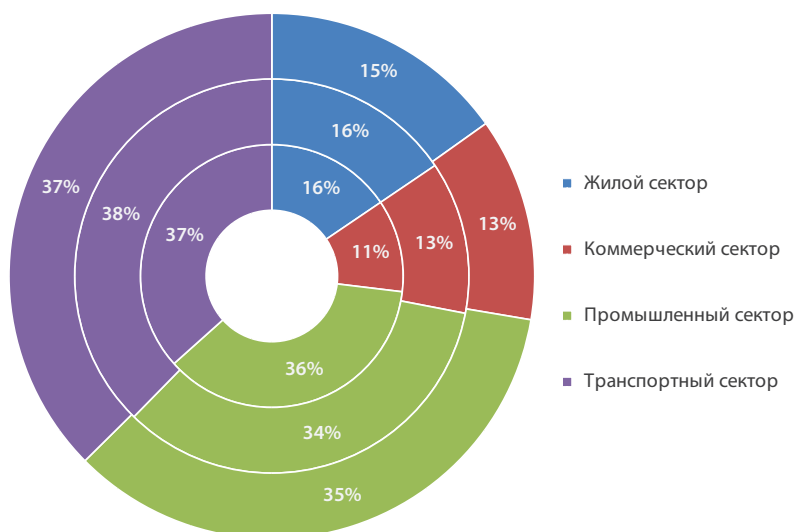
Источник: Энергетическое агентство США.

Влияние новой энергетической политики на ТЭК США

Отраслевой спрос на первичную энергию в США в ближайшие десятилетия в значительной степени будет определяться несколькими ключевыми трендами. Среди них – реорганизация промышленного производства как внутри страны, так и в мире, расширенные инвестиции и рост нагрузки на дата-центры (Goldman Sachs прогнозирует увеличение доли центров обработки данных в совокупном потреблении энергии с 3% в 2022 г. до 8% в 2030 г. [Goldman Sachs 2024]) и масштабная электрификация.

По прогнозам Deloitte, спрос на электроэнергию в США в ближайшие несколько десятилетий увеличится почти втрое за счет электрификации транспортного, жилого и промышленного секторов [Deloitte 2023]. До 2030 г. электрификация систем отопления и транспорта станет существенным фактором роста спроса, особенно в штатах на северо-востоке и западе страны. В части электротранспорта – помимо ожидаемого роста продаж электромобилей, важным фактором является постепенное снижение их стоимости по сравнению с дизельными и бензиновыми автомобилями, что безусловно будет стимулировать спрос на электроэнергию. Все это может увеличить и спрос на газ, хотя и вклад электрификации транспорта в это будет не так значителен.

Рисунок 6. Первичное потребление энергии в США по отраслям, %, внутренний круг – 2000 г., средний круг – 2015 г., внешний круг – 2023 г.

Источник: Энергетическое агентство США.

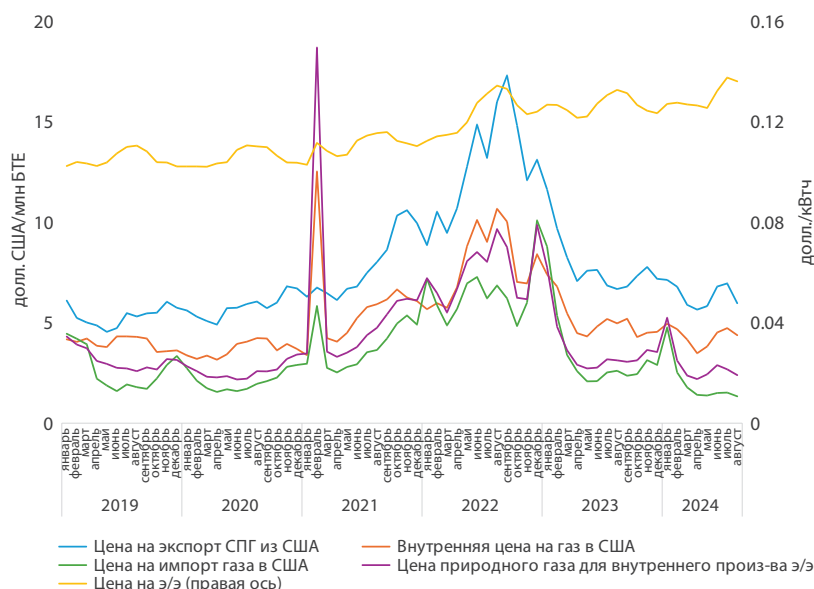
В настоящее время правительство США осуществляет историческое финансовое стимулирование развития энергоперехода в рамках двухпартийного закона об инфраструктуре (BIL), Закона о снижении инфляции (IRA) и Закона о чипах и науке в поддержку своих целей. Согласно анализу МЭА, правительство США ожидает, что IRA и BIL приведут к существенному сокращению выбросов парниковых газов

(далее — ПП) на 40% к 2030 г. в соответствии с целями страны в области климата, одновременно значительно сократив чистый импорт нефти и обеспечив значительную экономию на счетах за электроэнергию [IEA 2024]. В энергетическом секторе Штаты заявили о приверженности к 100% безуглеродному производству электроэнергии к 2035 г. В промышленности страна намерена сократить выбросы CO₂, на долю которых приходится 30% от общего объема выбросов CO₂, связанных с энергетикой, в соответствии с Планом декарбонизации промышленности на 2030 г., на 15% по сравнению с уровнем 2015 г. В транспортном секторе Соединенные Штаты приняли строгие стандарты экономии топлива и поощряют инвестиции в ряд экологически чистых транспортных средств. Федеральное правительство поставило цель к 2030 г. обеспечить нулевой уровень выбросов в 50% продаж новых легковых автомобилей и легких грузовиков. В строительном секторе план по обезуглероживанию зданий направлен на достижение сокращения выбросов на 65% к 2035 г. и на 90% к 2050 г. по сравнению с уровнем 2005 г. В рамках программы ВІІ на развитие экологически чистой энергетики и инфраструктуры было выделено в общей сложности 550 млрд долл., в то время как ІРА выделяет около 370 млрд долл. на цели укрепления энергетической безопасности и борьбы с изменением климата.

Вразрез оценок МЭА идут более скромные оценки электрификации транспорта и декарбонизации Энергетического агентства США. Так, в последнем прогнозе Annual Energy Outlook EIA 2023 года агентство ожидает снижения выбросов лишь на 25–38% к 2030 г. по сравнению с 2005 г., а продажи электромобилей вырастут благодаря льготному кредитованию в рамках ІРА, но не займут большую долю рынка. Кроме того, стоит отметить, что за последние годы США хотя и удалось достичь прогресса в снижении выбросов, он был сдержанным [Есаян 2024], что также не позволяет прогнозировать достижения амбициозных таргетов в рамках ІРА.

Последние 30 лет уголь и газ являлись крупнейшими источниками производства электроэнергии в США. В последнее десятилетие цены на электроэнергию в стране демонстрировали относительную стабильность (на уровне 10 центов за кВт/ч), что является отражением достигнутого прогресса как в самообеспечении энергоресурсами, так и в повышении энергоэффективности. Тем не менее исторически устойчивый рынок электрогенерации, а точнее, цены на внутреннее потребление в настоящий момент оказались под давлением из-за ряда факторов: высокие ожидания в отношении роста спроса на ближайшую перспективу, стареющая инфраструктура производства и передачи электроэнергии вкупе со стагнирующей атомной генерацией и волатильностью на газовых рынках.

Стоит отметить, что всплеск цен на газ в 2022 г. привел к их росту, но не к закреплению высоких внутренних цен на электроэнергию. В отличие от ЕС, где антироссийские санкции привели к значительному росту внутренних цен на газ и электроэнергию, США скорее получили выигрыш от более низких цен для экономики и стимул к релокации предприятий из Европы. Для сравнения: внутренние розничные и оптовые цены на газ в ЕС в 2023 г. в 3–5 раз превышали цены в США (до санкций цены в ЕС превышали цены США «только» в 2–3 раза), цены на электроэнергию в ЕС в 2023 г. оказались в 2–3 раза выше цен в США и Китае (до санкций цены в ЕС превышали показатели США на 80% и были наравне с Китаем) [Draghi 2024].

Рисунок 7. Динамика цен на природный газ и электроэнергию, 2019–2024 гг.

Источник: Энергетическое агентство США.

В случае с США вернее будет сказать, что первопричиной роста цен на электроэнергию станет расширение внутреннего спроса при существующих инфраструктурных ограничениях, а не внешние шоки на мировом рынке газа. По оценкам Goldman Sachs, ожидаемый рост спроса на электроэнергию в США, а также планируемое выбытие угольных электростанций потребуют инвестиций в размере 665 млрд долл. США до 2030 г. [Goldman Sachs 2024]. Кроме того, электрификация предполагает и расширение капиталовложений в газовую инфраструктуру для внутреннего потребления.

Внутренний рынок газа США претерпел масштабную трансформацию с начала XXI века — наращивание сланцевой добычи привело к значительному падению внутренних цен, так как растущие потребности рынка стали удовлетворяться собственными мощностями. В ближайшее время среди основных факторов, которые будут определять динамику внутренних цен на газ в США, можно назвать планируемое расширение мощностей по экспорту СПГ — EIA ожидает удвоение экспортных мощностей СПГ США к 2028 г. по сравнению с показателем 2024 г. [EIA 2024]. Вполне вероятно возобновление проектов по строительству трубопроводной инфраструктуры (ряд крупных проектов был отменен с приходом администрации Байдена) с приходом новой администрации в 2025 г. Геополитическая конъюнктура может играть важную роль — помимо эскалации напряженности на Ближнем Востоке, необходимо также учитывать истечение срока соглашения на транзит российского газа в Европу в конце 2024 г.

Необходимо обратить внимание и на тот факт, что в 2024 г. энергетический сектор стал одним из самых высокопроизводительных во всей экономике США [Bloomberg 2024]. Бум в американской нефтегазовой отрасли за последние полтора десяти-

летия привел к нескольким важным последствиям. Во-первых, он способствовал опережающим темпам роста экономики страны, в том числе наряду с масштабным перетоком инвестиций из Европы, относительно дешевыми трудовыми ресурсами и значительными расходами на НИОКР [Григорьев 2024]. Во-вторых, он привел к совокупному повышению производительности экономики, сохраняя высокий спрос на рабочую силу, после относительно долгого периода медленного роста за счет необходимости поиска более эффективных решений для наращивания доходов в условиях падающих цен на нефть. В-третьих, снижение стоимости производства энергоресурсов позволило обеспечивать стабильные цены на электроэнергию для основных потребителей, поддерживая новую индустриальную политику. Очевидные успехи в наращивании эффективности, в том числе за счет применения искусственного интеллекта, и как результат — рост доходов компаний, возврат инвесторов в отрасль (который был вызван ростом дивидендных выплат во время послепандемийного восстановления цен) и достигнутый прогресс в энергобезопасности вновь не позволяют прийти к выводу о возможности достижения климатических амбиций США.

Заключение

Последние 100 лет развития топливно-энергетического комплекса США характеризовались серией масштабных перестроек как в структуре потребления видов топлива, так и в позиции страны на мировом энергетическом рынке. Шоки предложения на нефтяном рынке в XX веке поставили перед правительством первоочередную задачу по обеспечению энергобезопасности, которую после ряда относительно неудачных законов по защите внутреннего рынка удалось достичь лишь в XXI веке за счет технологического прорыва в добыче сланцев.

Энергетическая политика США базируется в первую очередь на обеспечении интересов компаний, что, очевидно, приводит в последнее десятилетие к выводу о необходимости сохранять хрупкий баланс между климатическим лобби (и его обещаниям по энергопереходу, который с каждым годом становится менее достижимым) и доходами нефтегазового сектора. В результате картина энергетического сектора США в 2024 г. представляет собой относительно слабое снижение выбросов, «плоский» рост инвестиций в добычу и растущие доходы компаний, которые в последние два года обеспечиваются геополитической премией в цене на энергоресурсы и логистику и наращиванием производительности.

Библиография

Григорьев Л.М. Ключевые проблемы долгосрочного роста американской экономики // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. № 3(7).

Григорьев Л.М., Хейфец Е.А. Нефтяной рынок: конфликт между подъемом и энергетическим переходом // Вопросы экономики. 2022. № 9. С. 5–33. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-9-5-33>

Есяян М.А. Общенациональные и региональные тенденции климатической политики США // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. № 3(7).

- Bloomberg, 2024. Oil Was Written Off. Now It's the Most Productive US Industry. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/features/2024-10-31/why-oil-is-outpacing-tech-as-the-most-productive-us-industry?srnd=phx-markets>
- Deloitte, 2023. 2024 power and utilities industry outlook. Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/power-and-utilities/power-and-utilities-industry-outlook.html>
- Draghi M. 2024. The Future of European Competitiveness Part B: In-depth analysis and recommendations // European Commission. 2024. Режим доступа: <https://coilink.org/20.500.12592/9y7v1o8>
- EIA, 2015. Sustained low oil prices could reduce exploration and production investment. Режим доступа: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=23072>
- EIA, 2024. Decline in natural gas price drove decrease in U.S. oil producer revenue in early 2024. Режим доступа: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=63204>
- EIA, 2024. North America's LNG export capacity is on track to more than double by 2028. Режим доступа: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=62984>
- EIA. EIA database. Режим доступа: <https://www.eia.gov/opendata/>
- Energy Institute, 2024. Energy Institute Statistical Review of World Energy. Режим доступа: <https://www.energyinst.org/statistical-review/resources-and-data-downloads>
- Erlingsen E., Busby E. Shale project economics still reign supreme as cost of new oil production rises further // Rystad Energy. 2024. Режим доступа: <https://www.rystadenergy.com/news/upstream-breakeven-shale-oil-inflation>
- Fattouh B., Sen A. The US Tight Oil Revolution in a Global Perspective. // Oxford Energy Comments. 2013. Режим доступа: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2013/09/Tight-Oil.pdf>
- Goldman Sachs, 2024. AI, data centers and the coming US power demand surge. Режим доступа: <https://www.goldmansachs.com/pdfs/insights/pages/generational-growth-ai-data-centers-and-the-coming-us-power-surge/report.pdf>
- Наacquard P., Simoën M., Hache E. Is the oil industry able to support a world that consumes 105 million barrels of oil per day in 2025? // Oil & Gas Science and Technology. 2019. № 88. Режим доступа: <https://doi.org/10.2516/ogst/2019061>
- IEA, 2021. World Energy Investment 2020. Режим доступа: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/ef8ffa01-9958-49f5-9b3b-7842e30f6177/WEI2020.pdf>
- IEA, 2024. United States 2024 Energy Policy Review. Режим доступа: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/b5826832-7182-4abe-9041-01c9f000d69d/UnitedStates2024.pdf>
- ОПЕС, 2024. World Oil Outlook 2050. Vienna. Режим доступа: <https://publications.opec.org/woo/Home>
- Rubio-Vars M. The Role of Mexico in the First World Oil Shortage: 1918-1922, an International Perspective // Journal of Iberian and Latin American Economic History. 2006. №24(01). Pp. 69–95. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/S0212610900000471>
- S&P Global, 2020. Half of producing shale oil wells are profitable at \$40/bbl, analyst says. Режим доступа: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/half-of-producing-shale-oil-wells-are-profitable-at-40-bbl-analyst-says-60035427>
- Stocker M., Baffes J., Vorisek D. What triggered the oil price plunge of 2014–2016 and why it failed to deliver an economic impetus in eight charts // Global Economic Prospects: Broad-Based Upturn, but for How Long? World Bank. 2018. Режим доступа: <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1163-0>

Общенациональные и региональные тенденции климатической политики США

Есаян М.А.

Есаян Марианна Армановна — независимый эксперт, выпускница бакалаврской программы «Мировая экономика» факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

ORCID: 0009-0000-3684-1344

Для цитирования: Есаян М.А. Общенациональные и региональные тенденции климатической политики США // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. №3(7). EDN: PAGBGM

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-3-111-129>

Ключевые слова: выбросы парниковых газов, устойчивое развитие, экономический рост, региональный анализ, ВВП на душу населения, США.

Аннотация

Соединенные Штаты Америки активны в глобальной климатической повестке, но страна остается вторым по объему эмитентом выбросов парниковых газов в мире, а также занимает второе место по объемам производства и потребления энергии. Климатическая политика США характеризуется дискретностью и нестабильностью, что связано со сменой президентских администраций, принадлежащих к различным политическим партиям.

В стране достигнут значительный прогресс в использовании альтернативных источников энергии и снижении общего объема выбросов, однако динамика и характер внедрения возобновляемой энергетики существенно различаются между штатами, фрагментируя усилия на общенациональном уровне. Различия в экономических приоритетах и доступе к энергетическим ресурсам нередко перевешивают влияние политической конъюнктуры, при этом ни экономический рост, ни партийная принадлежность не оказывают решающего влияния на снижение выбросов. Это соответствует исторической тенденции, в рамках которой сокращение выбросов определяется в большей степени наличием природных ресурсов, структурой экономики и технологическими возможностями отдельных штатов, нежели климатической политикой. Ключевыми барьерами на пути к декарбонизации остаются преобладание деловых интересов, медленные темпы реализации

мер по борьбе с изменением климата и неамбициозный подход к ним как на национальном, так и на региональном уровне.

Введение

За последние несколько десятилетий политика США претерпела значительные изменения в связи с переходом от общей концепции защиты окружающей среды к более целенаправленным мерам по борьбе с изменением климата (митигации) и адаптации к его последствиям. На ранних этапах экологическая политика включала преимущественно меры по защите природных ресурсов, экосистем и общественного здоровья. Однако рост значимости климатической повестки привел к формированию отдельной области — климатической политики, которая направлена на снижение выбросов парниковых газов, переход к возобновляемым источникам энергии и повышение энергоэффективности.

В связи со значительными переменами в климатической политике США, включая выход из Парижского соглашения и последующее присоединение к нему, смену правящих партий и институциональные преобразования на уровне штатов, представляется актуальным исследовать ключевые этапы участия США в международном климатическом регулировании и процессы формирования внутренних законодательных инициатив. Более того, исследование региональных особенностей, влияющих на этот процесс — от экономических интересов до политических идеологий, — позволит выявить основные препятствия и возможности на пути к инклюзивной декарбонизации.

Автором ставится цель провести всесторонний анализ стратегий декарбонизации и тенденций выбросов парниковых газов в США на национальном и региональном уровнях. Учитывая децентрализованный характер управления в США, где отдельные штаты обладают существенной автономией в формировании собственных климатических и экологических политик, предполагается, что эффективность национальных усилий по декарбонизации будет во многом зависеть от действий на уровне штатов. В работе поднимается вопрос, обусловлена ли динамика выбросов на уровне штатов естественными экономическими и энергетическими процессами или партийной аффилиацией руководства штата и краткосрочными политическими решениями. Результаты этого исследования указывают на то, как национальные стратегии могут адаптироваться к различным региональным подходам.

Работа состоит из двух основных частей, охватывающих ключевые элементы климатической и энергетической политики США, а также динамику выбросов парниковых газов. Первый раздел посвящен национальной климатической политике, ее эволюции от раннего осознания экологических проблем до текущих инициатив по борьбе с изменением климата при президенте Байдене. Второй раздел сосредоточен на анализе выбросов углекислых газов на региональном уровне и исследовании влияния таких региональных характеристик, как энергетические

профили, экономические структуры, политические идеологии штатов, на усилия по снижению выбросов. Особое внимание уделяется роли штатов в национальном прогрессе по декарбонизации с учетом децентрализованного характера системы управления в США.

1. Неустойчивость федерального подхода США к вопросам климатической политики

Энергетическая трансформация в Соединенных Штатах представляет переход от ископаемых источников энергии к возобновляемым альтернативам – процесс, необходимый для охраны окружающей среды и обеспечения экономической устойчивости. Одной из ключевых проблем разработки устойчивой климатической политики в США является частая смена правящих партий, приводящая к нестабильности и изменчивости подходов к климатическим вопросам. Как правило, демократическая партия выступает за активные меры по борьбе с изменением климата, подчеркивая необходимость использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ), сокращения выбросов парниковых газов и реализации инициатив, направленных на смягчение последствий климатических изменений. Республиканская партия традиционно приоритизирует экономический рост и энергетическую независимость, утверждая, что климатические ограничения могут негативно сказаться на экономическом развитии страны и привести к потере рабочих мест в секторах энергетики, связанных с добычей и использованием ископаемого топлива.

Таблица 1 на с. 113 отражает ключевые этапы развития климатической политики США, демонстрируя сложный и зачастую непоследовательный характер подходов, формирующихся под влиянием политических и экономических факторов. В целом климатическая политика США до президентства Барака Обамы характеризуется поступательным, но сдержанным подходом, обусловленным отсутствием долгосрочной приверженности систематическому сокращению выбросов.

Таблица 1. Климатическая политика США до администрации Обамы

Этап	Основные события
1960-е: осознание проблемы изменения климата	1965: Президент Линдон Джонсон признал опасность роста выбросов CO ₂ [The White House 1965]
1970-е: ранние законодательные основы	1978: Президент Картер принял Закон о национальной климатической программе, направленный на борьбу с климатическими проблемами, но не предусматривающий конкретных мер по сокращению выбросов. Двухпартийный консенсус по вопросу повышения температуры воздуха
1980-е: скептицизм	1981: Президент Рейган сократил финансирование исследований атмосферного CO ₂ , сосредоточившись на преодолении энергетического кризиса и инфляции [Waxman 2019]. Конкретные меры по сокращению выбросов отсутствовали, но поддерживались рыночные решения, ориентированные на бизнес

Этап	Основные события
1990-е: глобальные соглашения и внутренние вызовы	1993: Президент Клинтон предложил ввести энергетический налог (BTU tax) для сокращения выбросов [Royden 2002. P. 415–416]. 1997: США подписали Киотский протокол, но не ратифицировали его из-за резолюции Бёрда-Хагеля, которая выступала против обязательств, исключаящих развивающиеся страны [Biniaz 2018. P. 2–3]. Клинтон инициировал добровольные климатические программы и программу технологических изменений стоимостью 6,3 млрд долл. (CSTI) для продвижения энергоэффективных технологий. Тем не менее США не достигли установленных целей по РКИК ООН [Royden 2002. P. 416–417]
2000-е: минимальные действия	2001: Президент Джордж Буш-младший отверг Киотский протокол из-за потенциального ущерба экономике США [Borger 2001]. Администрация Буша стремилась снизить интенсивность выбросов парниковых газов на 18% с 2002 по 2012 г., что критиковалось ввиду соответствия историческим тенденциям [Dawson 2003]. В план Буша входила поддержка добычи нефти на федерально охраняемых территориях, субсидии угольной и ядерной энергетике и ослабление экологических норм

Источник: составлено автором.

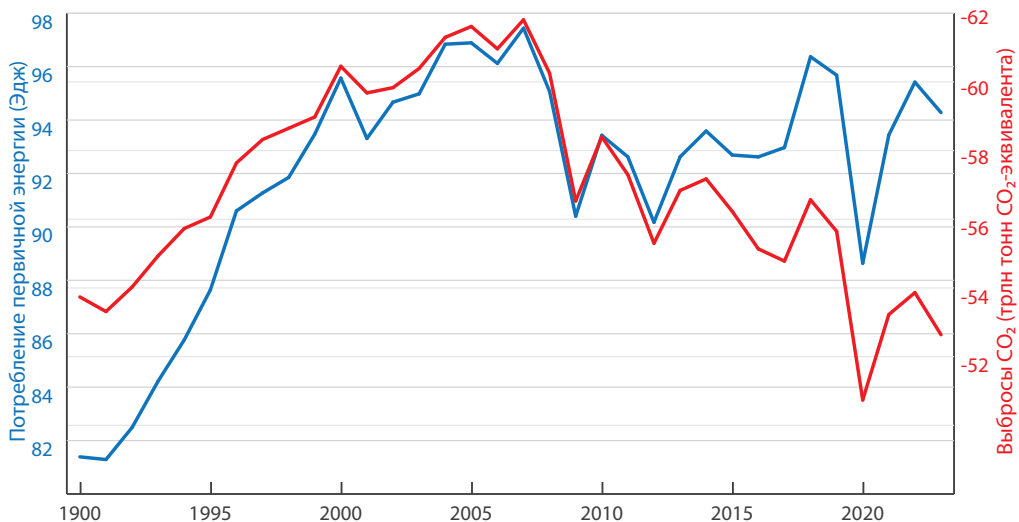
Приход к власти президента Барака Обамы стал ключевой точкой для начала формирования структурированной климатической политики США. В 2009 г. администрация Обамы впервые ввела общенациональные ограничения на выбросы парниковых газов в транспортном секторе, обязавшись повысить эффективность потребления топлива автомобилями и легкими грузовиками на американском рынке примерно на 40% к 2016 г. [Broder 2009]. Кроме того, в 2015 г. США присоединились к Парижскому соглашению по климату, основной целью которого является ограничение роста глобальной средней температуры на 2°C, однако желательной отметкой, позволяющей заметно снизить риски, остается 1,5°C. Ведущим элементом внутренней климатической политики Обамы стал план «Чистая энергия» (Clean Power Plan), направленный на сокращение выбросов CO₂ в энергетическом секторе на 32% к 2030 г. по сравнению с уровнем 2005 г. [General White House Bibliography 2015].

С началом президентского срока Дональда Трампа политический курс страны снова изменился: Трамп поддержал идеи Буша-младшего и отменил большинство исполнительных указов, принятых администрацией Обамы, а также вынес решение о выходе страны из Парижского соглашения ввиду того, что следование соглашению могло обернуться потерей рабочих мест и ухудшением благосостояния страны. Другим шагом стала замена плана «Чистая энергия» правилом «Доступная чистая энергия» (Affordable Clean Energy rule), которое предоставило больше полномочий и меньше требований штатам в регулировании выбросов на электростанциях [Aldy 2017. P. 1–2]. Администрация Трампа также пересмотрела стандарты средней корпоративной топливной экономичности (CAFE) [Shepardson 2020]. Трамп провел реорганизацию Агентства по защите окружающей среды (EPA), уволив значительную часть его сотрудников. В результате новые руководители, С. Приуитт и бывший лоббист угольной промышленности А. Уилер, скептически настроенные к проблеме изменения климата,

преобразовали ЕРА в инструмент экономической политики президента [Ковалев 2022. С. 30]. Так, в сентябре 2017 г. Агентство опубликовало стратегический план на 2018–2022 гг., в котором не было упоминаний глобального изменения климата и которое отменило полномочия Калифорнии устанавливать собственные стандарты по выбросам. В ответ на явную приверженность администрации президента политике дерегулирования в области климата сотни истцов обратились в суд [Silverman-Roati 2021. Р. 27].

В течение первых двух лет президентства Трампа потребление первичной энергии в США оставалось на стабильном уровне с небольшим увеличением до 2020 г., когда пандемия COVID-19 вызвала снижение общего и удельного потребления (см. рисунок 1 на с. 115). Примечательно, что, несмотря на общую тенденцию роста потребления, в США отмечается и устойчивый рост энергоэффективности [Energy Institute 2024], обусловленный внедрением инновационных технологий, масштабным переходом от угля к природному газу в электроэнергетике после сланцевой революции, а также оптимизацией энергопотребления в различных секторах экономики.

Рисунок 1. Потребление первичной энергии (слева) и эквивалентные выбросы CO₂ от энергии, производственных выбросов, метана и сжигания (справа), 1990–2023 гг., ЭДж и трлн т. CO₂-эквивалента

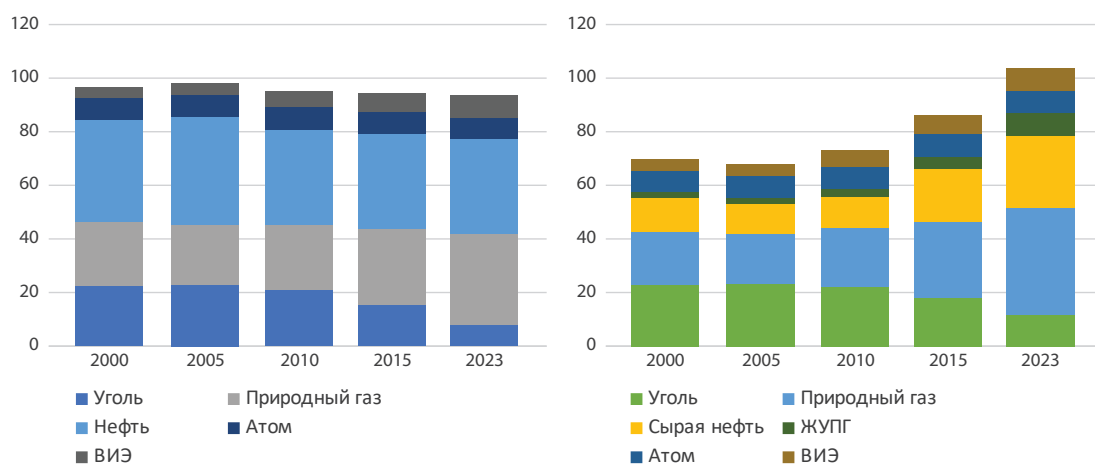
Источник: составлено автором по данным Energy Institute Statistical Review of World Energy.

Демократическая партия подвергла критике выход США из Парижского соглашения, назвав решение неуважением к международным обязательствам по борьбе за сохранение климата. Одним из первых действий Джо Байдена после вступления в должность стало возвращение Соединенных Штатов в соглашение. В апреле 2021 г. США представили документ, в котором определили национальный вклад по удержанию глобального повышения средней температуры на уровне ниже 2°C по сравнению с доиндустриальным уровнем и поставили цель по снижению чи-

стых выбросов (net emissions) парниковых газов на 50–52% к 2030 г. относительно уровня 2005 г. [UNFCCC 2021]. Национальный доклад США сформулировал меры по сокращению выбросов в электроэнергетике, где ископаемое топливо занимает доминирующую долю в генерации. В 2010 г. уголь был основным источником электроэнергии, значительно превосходя другие виды топлива, однако к 2023 г. его доля значительно сократилась. Ожидается, что снижение потребления угля продолжится за счет разработанной стратегии по достижению 100%-й безуглеродной генерации энергии к 2035 г.¹ Во-вторых, транспорт является крупнейшим сектором США по объему выбросов CO₂, что обусловлено зависимостью американского общества от автомобилей: в 2019 г. США были признаны ведущей страной по используемым транспортным средствам, а на долю нефти приходилось около 90% общего энергопотребления в транспортном секторе [NationMaster 2019]. Среди политических мер по сокращению выбросов в данной отрасли стоит выделить поддержку перехода на личные автомобили с нулевыми выбросами, создание национальной сети зарядных станций для электромобилей и инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры [UNFCCC 2021].

Выбросы в большинстве секторов экономики США достигли пика в начале 2000-х годов, после чего начали снижаться и стабилизироваться. Одним из ключевых факторов подобного перехода стала трансформация энергетического сектора, включающая сокращение использования угля и рост потребления природного газа и возобновляемых источников, как показано на рисунке 2 на с. 116. Хотя возобновляемые источники энергии составляют относительно небольшую часть общего энергетического портфеля США, ожидается, что их доля будет расти.

Рисунок 2. Потребление (слева) и производство (справа) первичной энергии в США по источникам, 2000–2023 гг., квадриллион БТЕ

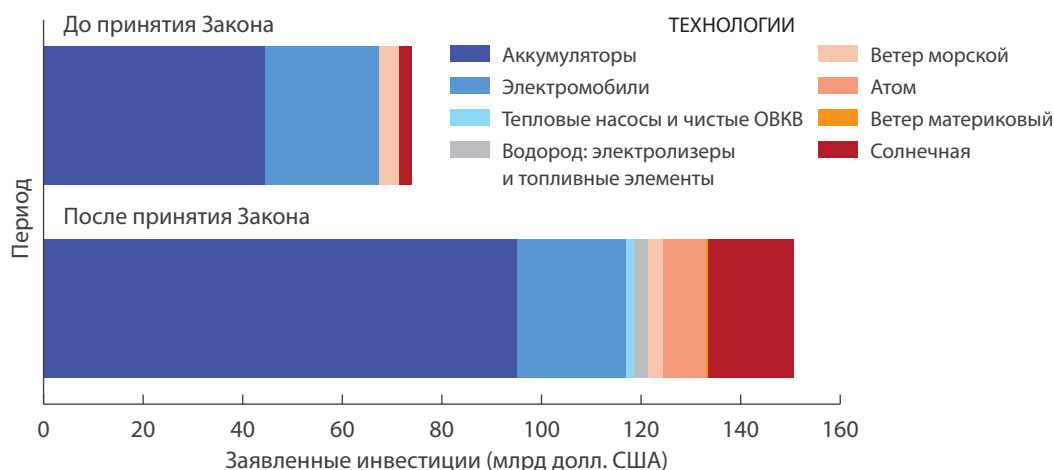
Источник: составлено автором по данным [EIA (4)].

¹ Расчеты автора по [Statista (2)].

Закон о снижении инфляции 2022 г. (Inflation Reduction Act, IRA) стал крупнейшим вкладом Конгресса США в чистую энергетику. Ключевой целью закона является сокращение бюджетного дефицита и снижение выбросов CO₂ примерно на 40% к 2030 г. благодаря выделению 369 млрд долл. на инициативы в области энергетики и климата, призванные помочь перевести экономику США на более устойчивые источники энергии [Senate Democrats 2022]. Прогнозируется, что возобновляемая энергетика получит более 170 ГВт новой мощности за счет солнечных, ветряных и накопительных установок [Rystad 2023].

Рисунок 3 на с. 117 иллюстрирует динамику инвестиций в устойчивые технологии, разделенные на два периода: до принятия (2021–2022) и после принятия (2022–2023) IRA. После принятия закона объем инвестиций увеличился вдвое, что особенно заметно в росте капиталовложений в производство аккумуляторов и транспортный сектор (электромобили). Компании активно адаптируются к новым условиям, стремясь извлечь выгоду из предложенных налоговых льгот, что способствует достижению национальных целей по сокращению выбросов CO₂ и развитию возобновляемой энергетики.

Рисунок 3. Заявленные инвестиции в зеленые технологии при администрации Байдена до (2021–2022) и после (2022–2023) принятия Закона о снижении инфляции, млрд долл. США

Источник: составлено автором по данным U.S. Department of Energy.

Курс энергетической политики США Байдена был направлен в сторону декарбонизации, однако его продолжительность остается неопределенной. Очевидный конфликт между политическими партиями и смена администрации на республиканскую в 2024 г. означает, возможно, новое изменение стратегии, ввиду чего формирование долгосрочного плана декарбонизации практически невозможно. Такое политическое непостоянство затрудняет достижение целей устойчивого развития, поскольку экономика и энергетический сектор вынуждены адаптироваться к часто меняющимся приоритетам.

2. Дивергенция приоритетов в декарбонизации на уровне штатов США

2.1. Роль региональных факторов в формировании структуры выбросов в штатах

Отличительной чертой американской правовой системы является ее федеративная структура. Штаты обладают широкими полномочиями в различных областях, что делает их ключевыми участниками в процессе достижения углеродной нейтральности.

Несмотря на то что в большинстве штатов наблюдается прогресс в снижении выбросов и переходе на более чистые источники энергии, ряд регионов по-прежнему сохраняют зависимость от энергоемких технологий, ориентированных на ископаемое топливо. Наибольший вклад в выбросы CO₂ (см. рисунок 4 на с. 118) вносят такие штаты, как Техас (683 млн т., 13,5% выбросов в США), Калифорния (358 млн т., 6,6%), Флорида (234 млн т., 4,6%), Пенсильвания (214 млн т., 4,3%) и Огайо (195 млн т., 4%).

Рисунок 4. Выбросы CO₂ в США по штатам, 2021 г., млн метрических т

Источник: составлено автором по данным [EIA (2)].

Рост выбросов CO₂ в Техасе обусловлен в первую очередь значительными объемами производства электроэнергии и развитой промышленностью. Штат выступает ключевым энергетическим центром США, на долю которого приходится около 30% мощностей нефтепереработки и 70% производства нефтехимической продукции, что составляет примерно 58% общего промышленного энергопотребления. Тем не менее в результате сланцевой революции в электроэнергетике Техаса произошел заметный переход от угля, доля выбросов которого в 2016 г. составляла 60%, к природному газу. Кроме того, штат ввел налоговые льготы для стимулирования развития ВИЭ. Благоприятные климатические условия и эффективное использование обширных земельных ресурсов позволили Техасу привлечь значительные инвестиции, что снизило стоимость выработки электроэнергии, существенно рас-

ширило мощности солнечной энергетики и укрепило лидерские позиции штата в производстве энергии ветра [Rudolph et al. 2023. P. 17–18].

Калифорния, второй крупнейший эмитент в США, инициировала первую в Северной Америке крупномасштабную схему торговли квотами на выбросы. Вклад данной программы трудно отделить от других климатических инициатив штата, однако отметим, что в 2013–2017 гг. удалось добиться сокращения выбросов на 5,3%. Несмотря на амбициозные климатические цели, Калифорния столкнулась с увеличением выбросов в 2021 г. из-за крупных промышленных объектов (электростанции и нефтеперерабатывающие предприятия) на фоне экономического подъема после пандемии. В ответ на это были разработаны новые законы, согласно которым с 2026 г. компании с годовым доходом более 1 млрд долл. обязаны раскрывать информацию о прямых и косвенных (Scope 3) выбросах, а компании с выручкой более 500 млн долл. должны сообщать о возможных климатических рисках [Noor 2023]. Отметим также, что основным транспортным средством для населения Калифорнии являются автомобили, что укрепляет потребность в ископаемом топливе. В штате зарегистрировано около 31 млн транспортных средств – наибольший показатель среди всех штатов США [Statista (1)].

В большинстве штатов, исторически характеризующихся высоким уровнем эмиссии на душу населения (Вайоминг, Северная Дакота), выбросы были сокращены, однако достигнутого снижения все еще недостаточно для существенного уменьшения их углеродного следа. Примечательно, что на Аляске и в Айдахо уровень выбросов на душу населения увеличился на 1,7% и 4,1% соответственно, при этом в случае Аляски это связано с энергоемкой нефтяной и газовой промышленностью и небольшой численностью населения.

Основными факторами, влияющими на эмиссию CO₂ на уровне штатов, являются их уникальные особенности. Регионы, где основная часть энергии поступает из устойчивых источников (атомная и гидроэнергетика), в частности Вермонт, Южная Дакота, Вашингтон и Орегон, характеризуются более низкой углеродоемкостью [EIA (1)]. Напротив, среди штатов с наибольшим уровнем выбросов на душу населения выделяются Вайоминг, Северная Каролина, Аляска, Западная Вирджиния и Луизиана ввиду преобладания ископаемых источников в энергобалансе. Вайоминг, несмотря на малочисленное население и низкую плотность, является вторым по объемам поставщиком энергии в США после Техаса. Производство энергии превышает внутреннее потребление в 12 раз, что обусловлено высокой добычей угля и обширными нефтегазовыми месторождениями [EIA (7)]. Западная Вирджиния, второй по величине производитель угля, также вносит вклад в национальные запасы с долей 15% [EIA (6)]. В Луизиане, занимающей третье место по объемам добычи природного газа, располагаются перерабатывающие мощности, и штат является значимым экспортером СПГ и угля [EIA (3)].

Государственная поддержка возобновляемых источников энергии и устойчивых технологий оказывает положительное влияние на сокращение выбросов по всей стране. Исследования демонстрируют, что инвестиции в зеленое финансирование, экологические облигации и расширение возможностей для возобновляемых источников энергии способствуют значительному снижению выбросов, закладывая

основу для энергетического перехода [Ren et al. 2020. P. 10]. Аналогично, согласно выводам Raghutla и др. (2021), ключевым фактором в переходе на возобновляемые источники и сокращении выбросов является приток капитала в устойчивые технологии и инфраструктуру.

Как отмечалось ранее, представители демократической партии, как правило, уделяют больше внимания вопросам изменения климата, нежели республиканцы, которые приоритизируют экономическую выгоду и энергетическую независимость. Однако вопрос, насколько подобные различия в федеральной политике отражаются на уровне отдельных штатов, остается предметом дискуссий. К примеру, под руководством губернаторов-демократов мощность возобновляемых источников энергии обычно растет быстрее, чем при республиканских губернаторах. Но влияние партийной принадлежности на генерацию зеленой энергии и выбросы CO₂ варьируется в зависимости от локального контекста.

Исследование Bonnet и др. (2024) демонстрирует, что в штатах с сильной промышленной базой результаты в развитии ВИЭ демократов и республиканцев схожи. При этом губернаторы-демократы продвигают ВИЭ более активно в регионах с подходящими природными условиями. Это свидетельствует о том, что экономические интересы, связанные с энергоемкими отраслями, могут замедлять внедрение возобновляемых источников, ограничивая возможности для экологических инициатив, даже среди политиков, которые поддерживают идеи устойчивого развития. В республиканских штатах переход на возобновляемые источники энергии обусловлен в первую очередь экономическими стимулами (федеральные льготы, гибкость регулирования), а не экологическими соображениями, что тем не менее не снижает значимости вклада. Экономическая выгода, особенно в «ветровых поясах»² страны, обеспечивает стабильный доход землевладельцам и местным сообществам, способствуя декарбонизации регионов. К примеру, штаты, лидирующие в ветровой электрогенерации в 2022 г., являются республиканскими: Айова, Южная Дакота, Канзас, Оклахома и Северная Дакота [Ritchie 2024]. При этом в демократических штатах наблюдается более активное развитие солнечной энергетики и связанных с ней технологий.

Экономический рост традиционно связывается с увеличением энергопотребления, что, в свою очередь, ведет к повышению выбросов CO₂. Тем не менее инвестиции в энергоэффективные технологии открывают перспективы для пересмотра традиционного подхода, связывающего экономический рост с неизбежным увеличением выбросов CO₂. В связи с этим возникает вопрос: возможно ли обеспечить устойчивый экономический рост, минимизируя углеродный след?

По данным Бюро экономического анализа (БЕА), пять ведущих штатов США — Калифорния, Техас, Нью-Йорк, Флорида и Иллинойс — вносят ключевой вклад в экономику страны, формируя около 42% ВВП США. Каждый из штатов имеет уникальную отраслевую структуру, отражающую разнообразие американского экономического ландшафта. Экономическое первенство Калифорнии основано на сферах недвижимости, профессиональных, научных и технологических услугах,

² Районы, где наблюдаются сильные и устойчивые порывы ветра, подходящие для использования в ветроэнергетике. В США выделяют три основных ветровых пояса, проходящих вдоль западного и восточного побережья и по центральной части страны.

обеспечивающих лидерство Силиконовой долины в инновациях и разработках. Запасы нефти и газа Техаса долгое время составляли основу его экономики, однако заметную роль теперь также играют обрабатывающая промышленность и сектор недвижимости, что свидетельствует о большей диверсификации. Экономика Нью-Йорка базируется на финансовой и страховой сферах, в то время как во Флориде доминируют туризм и сфера недвижимости.

Нью-Йорк, штат с наибольшим ВВП на душу населения, представил Закон о климате 2019 года (2019 Climate Act), направленный на борьбу с изменением климата, переход к зеленой экономике и обеспечение экологической справедливости. Цель закона заключается в постепенном уменьшении эмиссии CO₂ во всех отраслях и достижении углеродной нейтральности к середине XXI века: сокращение выбросов на 40% к 2030 г. и на 85% к 2050 г. по сравнению с уровнем 1990 г. [New York State Climate Action Council 2022]. Одним из ключевых элементов стратегии является программа «cap-and-invest», направленная на установление регионального ограничения на выбросы парниковых газов. По аналогии с калифорнийской моделью «cap-and-trade» программа Нью-Йорка обяжет поставщиков топлива и иных крупных источников выбросов приобретать углеродные квоты, объем которых со временем будет снижаться. Ожидается, что доходы от продажи этих квот будут направлены на стимулирование зеленых технологий, финансирование инфраструктурных проектов и реализацию экологических программ [French 2022].

Рисунок 5 на с. 122 отражает различия в уровне экономического развития штатов США, обусловленные региональными и демографическими особенностями. В целом штаты западного и северного регионов показывают более высокий уровень экономического благополучия по сравнению с южными и восточными штатами, за исключением Нью-Йорка и Массачусетса. Так, в Калифорнии и Нью-Йорке, несмотря на высокую численность населения — более 39 и 19 млн человек соответственно, ВВП на душу населения достигает 80 372 и 86 855 долл.

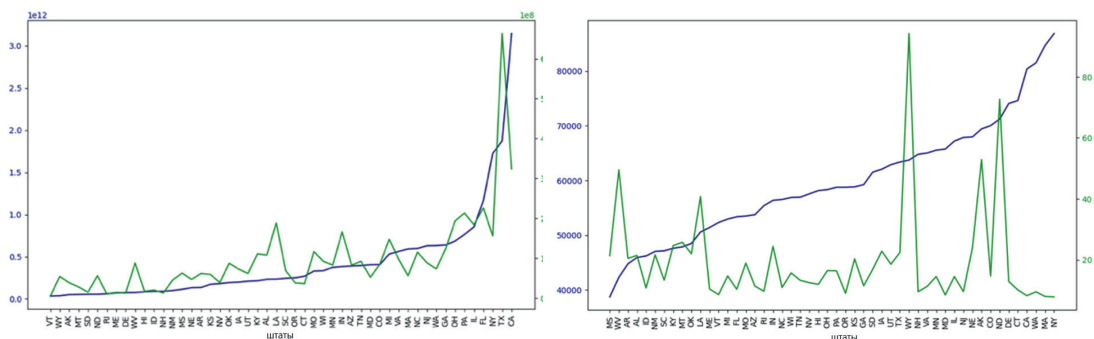
Штаты с высокой диверсификацией экономики, такие как Калифорния, Техас и Вашингтон, показали наиболее заметный рост реального ВВП на душу населения с 2010 по 2021 г. — на 39, 36 и 21% соответственно. В течение того же периода в регионах с преобладанием отдельных отраслей, таких как Аляска и Вайоминг, наблюдается стагнация и даже экономический спад. Это привело к сокращению ВВП на душу населения в них на 8% и 9% соответственно, что сказалось на экономике штатов, зависимых от добычи нефти и газа.

Корреляция между объемом производства и уровнем углеродных выбросов, составляющая около 0,75 (см. рисунок 5), указывает на тенденцию к росту выбросов по мере увеличения экономической активности. Подобная взаимосвязь параметров объясняется тем, что масштаб экономики штата напрямую определяет потребность в энергии. Поскольку основная часть потребляемой США энергии по-прежнему связана с ископаемым топливом, рост ВВП стимулирует рост эмиссии CO₂.

Однако взаимосвязь между показателями, рассчитанными на душу населения, представленная на рисунке 5 (справа), является иной: штаты с высоким показателем экономического развития не всегда демонстрируют столь значительное климатическое воздействие (коэффициент корреляции равен -0,08). Подобный сдвиг

указывает на относительный или абсолютный декаплинг — процесс, отделяющий экономический рост от негативного воздействия на окружающую среду.

Рисунок 5. Рост реального ВВП и общие выбросы CO₂ (слева) и рост ВВП на душу населения и выбросы CO₂ на душу населения (справа) по штатам США, 2021 г.

Источник: составлено автором по данным [EIA (2), (5)].

В контексте современных вызовов обеспечение баланса между экономическим ростом и рациональным использованием природных ресурсов приобретает еще большую актуальность для штатов, стремящихся следовать международным обязательствам страны, в частности Целям устойчивого развития (ЦУР) ООН [UN DESA 2024]. Однако значительное число штатов США пока не демонстрируют ожидаемого к 2030 г. прогресса, особенно в сферах защиты окружающей среды, сокращения неравенства и укрепления общественного здравоохранения. Ключевые показатели — выбросы CO₂ в энергетическом секторе (Цель 13) и углеродоемкость электроэнергии (Цель 7) — свидетельствуют о низкой вероятности достижения целевого уровня 1,7 т CO₂ на душу населения к 2050 г., так как средний прирост штатов по индексу ЦУР составляет всего 1,25 балла в год. В некоторых регионах увеличение и вовсе отсутствует, а в ряде случаев, как, например, на Аляске, наблюдается снижение индекса ЦУР с 2015 г. [Lynch et al. 2021. P. 7–8].

Более обеспеченные штаты, как правило, демонстрируют лучшие результаты по достижению ЦУР. Это указывает на то, что наличие достаточных ресурсов и развитой инфраструктуры способствует более успешным результатам в области устойчивого развития. Двадцать три штата, а также округ Колумбия и Пуэрто-Рико, на долю которых приходится примерно 41% от общих выбросов в стране, определили цели в области декарбонизации, которые включают достижение нулевых выбросов, безуглеродной электроэнергетики и масштабный переход на ВИЭ (см. таблицу 2 на с. 123).

Штаты с высокими значениями индекса ЦУР (что говорит об их приверженности принципам устойчивого развития) в среднем характеризуются более низким уровнем выбросов CO₂ на душу населения. Например, штаты от Массачусетса до Колорадо, имеющие индекс ЦУР более 53, демонстрируют более низкие выбросы, в среднем составляющие 10,3 т на человека, в то время как в регионах с индексом ЦУР менее 53 выбросы в среднем достигают 16,5 т на душу населения.

Наиболее высокий уровень выбросов на душу населения зафиксирован в Луизиане — 40,8 т на человека при индексе 31,2, что объясняется доминированием в штате топливно-энергетического сектора. Наиболее заметное несоответствие между двумя показателями наблюдается в Небраске. Несмотря на амбициозную цель в достижении нулевых выбросов, Небраска является вторым после Луизианы штатом по выбросам на душу населения, что связано с интенсивным энергопотреблением в сельском хозяйстве. Аналогичные противоречия отмечены в Колорадо и Миннесоте, где при среднем уровне индекса ЦУР выбросы остаются высокими из-за транспортного сектора и энергогенерации.

Таблица 2. Цели штатов в области чистой энергетики, индекс ЦУР и выбросы CO₂ на душу населения, 2021 г.

Штат	Цель в области чистой энергетики	Индекс ЦУР	Выбросы CO ₂ на душу населения
Массачусетс	Нулевые выбросы парниковых газов к 2050 г.	58,8	8,0
Вашингтон	100% безуглеродная электроэнергия к 2045 г.	58,2	9,5
Миннесота	100% безуглеродная электроэнергия к 2040 г.	57,1	14,6
Мэн	100% чистая энергия к 2050 г.	56,2	10,5
Орегон	Снижение выбросов ПГ на 100% от уровня базового года к 2040 г.	55,5	9,1
Гавайи	100% возобновляемая энергия к 2045 г. в рамках стандарта RPS	54,5	12,0
Мэриленд	Нулевые выбросы парниковых газов к 2045 г.	54,3	8,5
Калифорния	100% безуглеродная электроэнергия к 2045 г.	54,1	8,3
Нью-Йорк	100% безуглеродная электроэнергия к 2040 г.	53,9	7,9
Коннектикут	100% безуглеродная электроэнергия к 2040 г.	53,8	10,1
Колорадо	100% безуглеродная электроэнергия к 2050 г. для Xcel Energy	53,6	14,7
Нью-Джерси	100% безуглеродная электроэнергия к 2035 г.	52,4	9,6
Род-Айленд	100% возобновляемая электроэнергия к 2033 г.	52,3	9,7
Висконсин	100% безуглеродная электроэнергия к 2050 г.	51,2	15,7
Делавэр	100% снижение выбросов ПГ	48,4	12,9
Мичиган	100% безуглеродная электроэнергия к 2040 г.	48,3	14,7
Вирджиния	100% безуглеродная электроэнергия к 2045 г. для Dominion Energy и к 2050 г. для Appalachian Power Company	48,2	11,3
Небраска	Нулевые выбросы от энергетических ресурсов к 2040–2050 гг.	47,4	24,0
Иллинойс	100% чистая энергия к 2050 г.	46,2	14,5
Невада	100% безуглеродная электроэнергия к 2050 г.	44,7	12,5
Северная Каролина	Углеродная нейтральность в секторе электроэнергетики к 2050 г.	40,4	10,9
Нью-Мексико	100% безуглеродная электроэнергия к 2045 г.	37,7	21,7
Луизиана	Нулевые выбросы парниковых газов к 2050 г.	31,2	40,8

Источник: составлено автором по данным Clean Energy States Alliance, SDSN, EIA.

По прогнозам Управления энергетической информации (EIA), для удовлетворения 45% общего объема производства энергии в стране генерация на возобновляемых источниках должна утроиться. Масштаб необходимых преобразований делает сценарий маловероятным в первую очередь из-за проблемы хранения энергии. Кроме того, даже при наиболее благоприятном развитии событий города смогут обеспечивать лишь 35–65% потребности в электроэнергии за счет возобновляемых источников в течение следующих 20–30 лет [Cefaratti-Bertin 2024]. Солнечная и ветровая электрогенерация подвержена колебаниям, ввиду чего их интеграция в энергосистему требует высокочрезвычайных систем накопления, которые все еще развиваются и требуют дополнительных инвестиций. Технология улавливания и хранения углерода (CCS) может стать частью стратегии по снижению выбросов в США, однако ее применение останется нишевым и будет сосредоточено в сферах производства цемента, стали и химической промышленности.

Разнообразие экономических и энергетических структур среди американских штатов подчеркивает необходимость подбора уникальных подходов к декарбонизации. По мере того как США стремятся к реализации целей по сокращению углеродного следа, стратегии, которые определяют отдельные штаты, станут решающими в достижении баланса между экономическим развитием и сокращением выбросов CO₂.

2.2. Анализ влияния партийной принадлежности на климатическую и экономическую политику штатов

Реализация федеральных климатических политик в США не всегда определяется доминирующей партией. Тем не менее воздействие политических взглядов в отдельных регионах на объем выбросов парниковых газов и экономическое положение требует более глубокого анализа.

Настоящее исследование применяет метод дисперсионного анализа (ANOVA) для выявления наличия или отсутствия корреляций между партийной принадлежностью штатов [National Conference of State Legislatures 2023] и такими показателями, как прирост выбросов CO₂ и ВВП с 2010 по 2021 г., эмиссия CO₂ на душу населения [EIA (2)] и индекс достижения ЦУР [Lynch et al. 2021]. Для обеспечения корректного сопоставления данных все показатели были нормализованы. Каждой группе штатов в зависимости от политической принадлежности был присвоен числовой код: 1 — демократические штаты, 2 — разделенное управление, 3 — республиканские штаты. Спецификация модели приведена в Приложении 1.

Основной задачей данного анализа являлась проверка нескольких гипотез, касающихся возможного влияния политической идеологии на устойчивое развитие. Первая гипотеза направлена на выявление статистически значимых различий в темпах роста выбросов CO₂ между партиями. Согласно полученным результатам, значимых различий выявлено не было (p -значение 0,8), что указывает на отсутствие непосредственного влияния партийной принадлежности на рост выбросов CO₂. Эти данные позволяют предположить, что ключевыми факторами, определяющими темпы изменения выбросов, являются структура промышленности в штате,

характер используемых энергетических ресурсов и накопленный исторический уровень выбросов.

Вторая гипотеза предполагает расхождение в темпах роста ВВП между штатами с различной партийной принадлежностью. Аналогично статистически значимых различий выявлено не было, что означает, что партийная принадлежность не оказывает существенного влияния на экономический рост.

В отличие от предыдущих показателей, индекс устойчивого развития продемонстрировал статистически значимые различия между штатами с разными партиями у власти. Соответственно, гипотеза о равенстве среднего индекса достижения ЦУР для всех политических партий была отвергнута: дисперсионный анализ (p -значение 0,0005), подтвержденный тестом Тьюки (Приложение 2), показал наличие существенных различий. В ходе исследования было обнаружено, что штаты с демократическим и разделенным управлением имеют схожие результаты в достижении ЦУР. Как представлено в Приложении 3, статистически значимые различия были выявлены между демократическими и республиканскими штатами, а также между регионами с разделенным и республиканским управлением, что свидетельствует о более слабых показателях в области устойчивого развития «красных» штатов.

Результаты проведенного анализа соответствуют предыдущим выводам и подтверждают минимальный характер влияния партийной принадлежности на динамику климатических изменений. Это свидетельствует о том, что на прогресс в достижении Целей устойчивого развития более существенное влияние оказывают структурные и экономические особенности, а не фактор партийной принадлежности. Осознание этого факта может способствовать объединению усилий для достижения общих климатических целей, минимизируя политические противоречия. Работа Gurney et al. (2021) также иллюстрирует, что партийная принадлежность штатов не влияет на местные климатические инициативы.

Таким образом, выбросы и политика декарбонизации отражают сформировавшийся экономический профиль американских штатов. Федеральные инициативы задают основу для принятия решений, однако определение и формирование конкретных траекторий происходит именно на уровне штатов исходя из географических, экономических и исторических особенностей.

Заключение: зеленое будущее в красно-синих цветах

Национальная политика и глобальные тенденции оказывают воздействие на процессы энергетического перехода США, однако специфика трансформации в значительной мере определяется локальными условиями штатов. В каждом регионе страны географические, экономические, культурные и технологические факторы сочетаются уникальным способом, формируя особые подходы к достижению устойчивого энергетического будущего. От богатых природными ресурсами территорий Техаса до технологических центров Калифорнии, штаты США характеризуются разнообразием энергетических активов и политических динамик, влияющих на темпы декарбонизации. Вариативность ответных мер штатов на изменение

климата отражает сложность сохранения баланса между экономическим ростом, энергетической независимостью и экологической устойчивостью.

Результаты моделирования выявили отсутствие зависимости между партийной принадлежностью и темпами роста выбросов CO₂ и ВВП. Партийность и краткосрочные политические изменения могут влиять на скорость внедрения экологических инициатив, однако основной курс на снижение выбросов определяется индивидуальной политикой каждого штата.

Следовательно, ответственность штатов и их историческая структура потребления во многом формируют ход энергетической трансформации и ее реализацию в масштабах страны. Географическое положение определяет доступность и потенциал использования различных ВИЭ. Социально-экономические характеристики также оказывают глубокое воздействие: в штатах, традиционно зависимых от ископаемого топлива, часто наблюдается сопротивление изменениям, обусловленное экономическими интересами и культурной идентичностью. Напротив, регионы с развитыми инновационными кластерами, такие как Калифорния, продвигают инвестиции в возобновляемые технологии, накопление энергии и электротранспорт, а аграрные регионы Среднего Запада активно осваивают биотопливо и ветроэнергетику.

В краткосрочной перспективе потенциал для ускорения энергетического перехода имеют технологии по повышению энергоэффективности при условии устранения институциональных барьеров. Особого внимания заслуживают секторы электроэнергетики и транспорта, поскольку их декарбонизация может принести наиболее значительные результаты по сокращению потребления энергии и выбросов CO₂.

Наше исследование подчеркивает нестабильность федеральной климатической политики, вызванную сменой правящих партий. С победой Трампа на выборах 2024 г. и наиболее вероятным приходом республиканского большинства в обе палаты Конгресса Закон о снижении инфляции может подвергнуться значительным изменениям, особенно в отношении климатических и энергетических инициатив. Хотя часть республиканцев выражает сомнения о целесообразности полной отмены IRA ввиду значительных выгод, полученных «красными» штатами, можно ожидать ослабления федеральных регуляций по сокращению эмиссии CO₂.

Библиография

Ковалев Ю.Ю. Климатическая политика США: особенности эволюции и современное состояние // История и современное мировоззрение. 2022. №1. С. 24–32.

Aldy J. E. Real world headwinds for Trump climate change policy // Bulletin of the Atomic Scientists. 2017. P. 1–6.

Biniarz S. What Happened to Byrd–Hagel? It's Curious Absence from Evaluations of the Paris Agreement. Sabin Center for Climate Change Law, Columbia Law School, 2018. P. 1–17.

Bonnet P. et al. Party affiliation, economic interests and U.S. governors' renewable energy policies // Energy Economics. 2024. Vol. 130(C). P. 1–22.

- Borger J. Bush kills global warming treaty // The Guardian. 2001. March 29. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment/2001/mar/29/globalwarming.usnews>
- Broder J. M. New Standard Links Mileage and Gas Emissions // The New York Times. 2009. September 16. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2009/09/16/business/energy-environment/16cars.html>
- Cefaratti-Bertin S. Renewable Energy Goals Are Unattainable by 2050 // Baylor University Media & Public Relations. 2024. Режим доступа: <https://news.web.baylor.edu/news/story/2024/renewable-energy-goals-are-unattainable-2050>
- Clean Energy States Alliance. Table of 100% Clean Energy States. Режим доступа: <https://www.cesa.org/projects/100-clean-energy-collaborative/guide/table-of-100-clean-energy-states/>
- Dawson B. The politics of energy: Coal and Bush's greenhouse-gas policy // The Center for Public Integrity. 2003. Режим доступа: <https://publicintegrity.org/environment/the-politics-of-energy-coal-and-bushs-greenhouse-gas-policy/>
- EIA (1). Energy-Related Carbon Dioxide Emissions by State, 2005–2016. P. 1–29. Режим доступа: <https://www.eia.gov/environment/emissions/state/analysis/pdf/stateanalysis.pdf>
- EIA (2). Energy-Related CO2 Emission Data Tables. Режим доступа: <https://www.eia.gov/environment/emissions/state/>
- EIA (3). Louisiana Profile Overview. Режим доступа: <https://www.eia.gov/state/?sid=LA>
- EIA (4). Monthly Energy Review. Режим доступа: <https://www.eia.gov/energyexplained/us-energy-facts/>
- EIA (5). State Energy Data System (SEDS): 1960-2022 (complete). Режим доступа: <https://www.eia.gov/state/seds/seds-data-complete.php?sid=US>
- EIA (6). West Virginia State Energy Profile. Режим доступа: <https://www.eia.gov/state/print.php?sid=WV>
- EIA (7). Wyoming Profile Analysis. Режим доступа: <https://www.eia.gov/state/analysis.php?sid=WY>
- Energy Institute. Statistical Review of World Energy. 2024. Режим доступа: <https://www.energyinst.org/statistical-review>
- French M. J. New York passes sweeping plan to reduce emissions and 'lead the way on solving climate change' // Politico. 2022. December 19. Режим доступа: <https://www.politico.com/news/2022/12/19/new-york-emissions-climate-change-00074600>
- General White House Bibliography: The White House President Barack Obama Climate Change and President Obama's Action Plan. 2015. Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/president-obama-climate-action-plan>
- Gurney R.M. et al. The influences of power, politics, and climate risk on US subnational climate action // Environmental Science & Policy. 2021. Volume 116. P. 96–113.
- Lynch A. et al. The United States Sustainable Development Report 2021. New York: SDSN, 2021. P. 1–64.
- National Conference of State Legislatures. State & Legislative Partisan Composition. 2023. Режим доступа: <https://www.ncsl.org/about-state-legislatures/state-partisan-composition>
- NationMaster. United States Vehicles in Use. 2019. Режим доступа: <https://www.nationmaster.com/nmx/timeseries/united-states-vehicles-in-use>

New York State Climate Action Council. Scoping Plan, December 2022: Executive Summary. Режим доступа: <https://climate.ny.gov/-/media/Project/Climate/Files/Chapter1ExecutiveSummary.pdf>

Noor D. California to require big firms to reveal carbon emissions in first law of its kind // The Guardian. 2023. October 9. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/oct/09/california-carbon-emissions-law>

Raghutla C. et al. Financing clean energy projects: new empirical evidence from major investment countries // Renewable Energy. 2021. Volume 169. P. 231–241.

Ren X. et al. Nexus between green finance, non-fossil energy use, and carbon intensity: empirical evidence from China based on a vector error correction model // Journal of Cleaner Production 2020. Volume 277. 122844. P. 1–12.

Ritchie H. Republican states are going strong on solar and wind, but not for the climate // Sustainability by Numbers. 2024. Режим доступа: <https://www.sustainabilitybynumbers.com/p/red-states-renewables>

Royden A. U.S. Climate Change Policy Under President Clinton: A Look Back // Golden Gate University Law Review. 2002. Vol. 32. No. 4. Article 3. P. 415–478.

Rudolph M. et al. The Impact of Renewable Energy Tax Incentives on Electricity Pricing in Texas // Applied Sciences. 2023. 13(14):8532. P. 17–19.

Rystad Energy. Renewables and Power Post-Inflation Reduction Act: One year later. Whitepaper In-depth analysis on overcoming challenges post-Inflation Reduction Act. 2023. P. 1–15.

Senate Democrats. The Inflation Reduction Act of 2022: Summary. P. 1.

Shepardson D. Trump finalizes rollback of Obama-era vehicle fuel efficiency standards // Reuters. 2020. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-usa-autos-emissions-idUSKBN2I125S#:~:text=Under%20the%20Obama%20Dera%20rules,mpg%20under%20the%20Obama%20rules>

Silverman-Roati K. U.S. Climate Litigation in the Age of Trump: Full Term. The Sabin Center for Climate Change Law, 2021. P. 1–142.

Statista (1). Automobile registrations in the United States in 2021, by state [Graph]. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/196010/total-number-of-registered-automobiles-in-the-us-by-state/>

Statista (2). Net electricity generation in the United States from 1990 to 2023, by energy source (in terawatt-hours). Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/220174/total-us-electricity-net-generation-by-fuel/>

UNFCCC. The United States of America Nationally Determined Contribution, Reducing Greenhouse Gases in the United States: A 2030 Emissions Target. 2021. P. 1–23.

The White House. Restoring the Quality of Our Environment. Report of the Environment Pollution Panel President's Science Advisory Committee. 1965.

UN DESA. Sustainable Development: The 17 Goals. Режим доступа: <https://sdgs.un.org/goals>

Waxman O. B. Reagan Administration Officials at First Dismissed the Ozone Hole. Here's What Changed // TIME. 2019. Режим доступа: <https://time.com/5564651/reagan-ozone-hole/>

Приложения

Приложение 1. Результаты ANOVA

ANOVA results for CO2_growth:

	sum_sq	df	F	PR(>F)
C(Party_affiliation)	0.028037	2.0	0.28004	0.757005
Residual	2.352756	47.0	NaN	NaN

ANOVA results for GDP_growth:

	sum_sq	df	F	PR(>F)
C(Party_affiliation)	0.012115	2.0	0.139245	0.870372
Residual	2.044561	47.0	NaN	NaN

ANOVA results for CO2_2021_per_capita:

	sum_sq	df	F	PR(>F)
C(Party_affiliation)	0.178017	2.0	2.644977	0.081559
Residual	1.581638	47.0	NaN	NaN

ANOVA results for SDG_index:

	sum_sq	df	F	PR(>F)
C(Party_affiliation)	0.719090	2.0	5.868068	0.005309
Residual	2.879757	47.0	NaN	NaN

Источник: составлено автором.

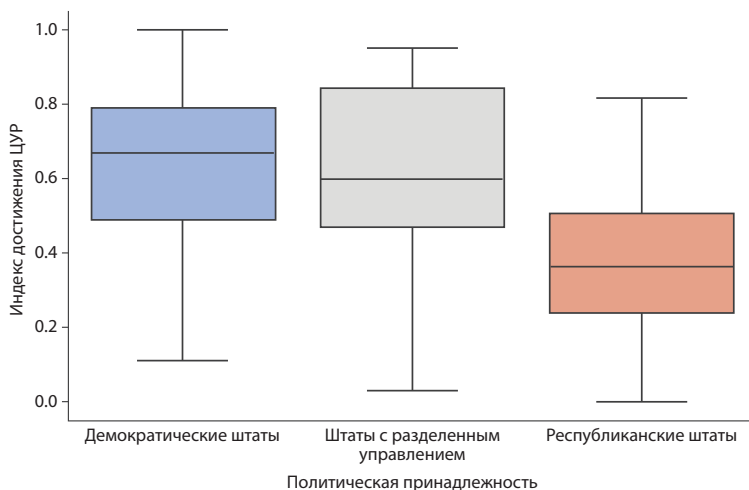
Приложение 2. Тест Тьюки

Multiple Comparison of Means – Tukey HSD, FWER=0.05

group1	group2	meandiff	p-adj	lower	upper	reject
1	2	-0.0105	0.9934	-0.2412	0.2203	False
1	3	-0.2455	0.0143	-0.4486	-0.0425	True
2	3	-0.2351	0.0233	-0.4429	-0.0272	True

Источник: составлено автором.

Приложение 3. Распределение индекса достижения ЦУР по политическим партиям (демократические штаты, штаты с разделенным управлением, республиканские штаты)

Источник: составлено автором.

Обзор семинара «Фундаментальные социально- экономические и демографические сдвиги в США: эффекты для политики»

31 мая 2024 г. на факультете мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ состоялся научный семинар «Фундаментальные социально-экономические и демографические сдвиги в США: эффекты для политики». Докладчиками семинара выступили и.о. заведующего кафедрой прикладного анализа международных проблем факультета международных отношений МГИМО МИД России И.А. Истомин, программный менеджер РСМД К.К. Суховерхов, доцент кафедры истории РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева В.Т. Сакаев. Модерировал научный семинар заместитель директора ЦКЕМИ НИУ ВШЭ Д.В. Суслов. Эксперты обсудили острый внутривнутриполитический кризис в США, рост неравенства и стагнацию доходов среднего класса в стране, влияние демографических и социально-экономических факторов на американскую политику и ряд других вопросов.

* * *

Дмитрий Вячеславович Суслов, открывая семинар, отметил, что с 1960-х годов США сталкиваются с серьезным внутривнутриполитическим кризисом. Поляризация между консерваторами и либералами, а также республиканцами и демократами усиливается в связи с демографическими и социально-экономическими изменениями. Меняется расовый состав – США смещаются в сторону небелого большинства, а традиционная американская мечта слабеет по мере роста неравенства и стагнации среднего класса. Это привело к стремлению к фундаментальным переменам даже среди молодежи, которая предпочитает Трампа Байдену, поскольку видит в нем шанс на более радикальные перемены. Модератор отметил, что статус-кво не устраивает всё большую часть американского общества, и это не может не сказываться на внутренней и внешней политике Соединенных Штатов, и после этого пригласил к дискуссии докладчиков.

Первый дискуссант **Игорь Александрович Истомин** отметил актуальность обсуждаемой темы, подчеркнув, что важно не недооценивать США как противника, несмотря на их внутренние проблемы. Американская политическая система построена на поляризации, но это скорее ее особенность, чем слабость. США остаются влиятельной державой с сильным демографическим потенциалом, который достаточно высок благодаря миграции и естественному приросту населения. Политическая поляризация выражается не только в идеологических разногласиях, но и в «аффективном расколе», где неприязнь к оппонентам важ-

нее, чем к их идеям. Важным фактором усиления конкуренции между республиканцами и демократами является расширение участия латиноамериканцев в политике. Все эти процессы, впрочем, не ослабляют США настолько, чтобы считать их внутренние проблемы факторами, существенно ослабляющими роль США в мире. По мнению докладчика, внешнеполитическая стратегия США направлена на перекалывание бремени на европейских союзников, увеличение их зависимости от США.

Выступление И.А. Истомина сопровождалось дискуссией, в рамках которой Д.В. Сулов отметил, что США переживают кризис и трансформацию, но это не приведет к их коллапсу или ослаблению. Поляризация в стране значительная, но управляемая, и поддержка ключевых направлений внешней политики сохраняется. Союзники США, несмотря на недовольство, вынуждены поддерживать американские инициативы, что особенно заметно в вопросах помощи Украине и противодействия Китаю. К высказанному Дмитрием Вячеславовичем мнению И.А. Истомин добавил, что консолидация союзников вокруг США продолжается, несмотря на сложные условия. США гибко используют международные структуры, создавая коалиции под конкретные задачи. Важной частью американской стратегии остается забота о репутации США и сдерживание Китая на Тайване и в целом в Азии через поддержку Украины. Оба эксперта согласны в том, что поляризация, социальное неравенство и глобальные экономические вызовы значимы, но не приведут к краху системы. США продолжают адаптироваться, сохраняя лидерство через гибкость и консолидацию союзников.

Доклад **Константина Константиновича Суховерхова** был озаглавлен «Недовольство населения США социально-экономической ситуацией в стране и ее влияние на внешнюю политику Вашингтона». Основываясь на статистических данных, эксперт проанализировал изменения в общественном мнении относительно внешней и внутренней политики США с 2008 года. При администрации Джорджа Буша-мл. активная внешняя политика оставалась популярной на фоне памяти о терактах 11 сентября и военных операций. Однако к концу его срока одобрение снизилось из-за непопулярной войны в Ираке и финансового кризиса. При Обаме усилилось недовольство внешней политикой. Опросы показывали, что американцы хотели бы большего внимания к внутренним проблемам. Тренд на снижение поддержки активной внешней политики усиливался с каждыми выборами. Выросло число избирателей-демократов, называющих себя либералами, а правые, в том числе Движение чаепития, усилили критику из-за реформ и миграции. К 2016 году общество стало более поляризованным. Республиканцы и демократы по-разному оценивали изменения в стране за последние 50 лет, причем республиканцы считали, что жизнь ухудшилась. Вопросы миграции и экономической стабильности стали ключевыми для республиканцев, в то время как демократы делали акцент на мультикультурализме и социальных движениях, таких как Black Lives Matter (BLM) и MeToo. В завершение своего выступления К.К. Суховерхов подчеркнул, что американское население всё больше устает от затрат на внешнюю политику, обращая фокус на внутренние проблемы. Политико-академическое сообщество США сейчас переосмысливает роль страны в мире, и даже среди демократов рас-

тет мнение, что сохранение глобального доминирования США любой ценой не является приоритетом.

Дискуссия экспертов после второго выступления развернулась вокруг вопроса реиндустриализации в Соединенных Штатах как средства борьбы с социально-экономической поляризацией и неравенством. Д.В. Суслов упомянул, что и демократы, и республиканцы поддерживают реиндустриализацию посредством политики, направленной на восстановление производственного потенциала страны, при этом важным инструментом является рост военно-промышленного комплекса. К.К. Суховерхов высказал мнение, что реиндустриализация, безусловно, происходит, но в специфических областях, таких как производство микросхем и высокие технологии. Эти отрасли не создадут множества рабочих мест и не повлияют на неравенство. Сокращение среднего класса в основном обусловлено глобальными экономическими факторами. Выступающий подчеркнул, что протекционизм необходим для сохранения экономики США, приводя в пример японскую автомобильную промышленность, в 1970-х годах задавившую американский и европейский автопром, а также выразил сомнение в том, что рост военно-промышленного комплекса является панацеей.

Заключительный доклад в рамках научного семинара был представлен **Василем Тимерьяновичем Сакаевым** и посвящен влиянию демографических процессов на политические события и поляризацию в США. Эксперт отметил, что демографические изменения оказывают долгосрочный эффект на политические процессы, хотя текущая поляризация поддерживается различными социальными и политическими событиями, такими как движение BLM и штурм Капитолия. Особое внимание в докладе уделено данным 24-й переписи населения США (2020 г.), которая выявила ключевые тенденции: увеличение расового и этнического разнообразия, сокращение белого населения и старение общества. Отмечено, что растущее число пенсионеров и демографическая нагрузка потребуют значительных реформ в социальной и экономической сферах. Молодое население преимущественно представлено меньшинствами, но миграция не компенсирует процесса старения. Кроме того, докладчик отметил рост мультирасовых категорий и представителей меньшинств при переписи населения, что отражает новые социальные тенденции и культурные предпочтения.

В.Т. Сакаев представил количественный прогноз изменения состава избирателей США. Доля белых без высшего образования, которая сейчас составляет 46% от общей численности избирателей, сократится до 37% к 2036 году. Эта группа, склонная поддерживать республиканцев и часто игнорирующая выборы, играет важную роль, если мобилизуется. В то же время растет доля испаноязычных и латиноамериканцев, которые к 2036 году могут составить до 20% избирателей, хотя сейчас их влияние ограничено концентрацией в определенных штатах. Также ожидается рост доли избирателей старше 65 лет и снижение числа молодых людей. Белое население остается крупнейшей, но неоднородной группой, и к 2036 году его влияние уменьшится. Афроамериканцы составляют около 13% избирателей, традиционно поддерживают демократов, но среди молодежи растет поддержка республиканцев. Испаноязычные избиратели этнически разнообразны, и их предпочтения

также меняются: поддержка республиканцев среди них увеличивается. Молодежь (миллениалы и зумеры) поддерживает демократов больше, чем предшествующие поколения, но остается вопрос, сохранят ли они свои взгляды с возрастом. В целом, республиканцы стремятся сохранить поддержку белого населения, но нуждаются в привлечении меньшинств и третьей силы. Демократы должны укрепить позиции среди этнических меньшинств и образованной белой молодежи, но рискуют потерять поддержку других групп. Парадокс, по мнению докладчика, состоит в том, что под влиянием демографических трендов республиканцам необходимо будет формулировать социальные требования, а демократам — склоняться к консервативной повестке, что противоречит их традиционным идеологиям.

По результатам выступления В.Т. Сакаева участники семинара обсудили несколько вопросов. Во-первых, сохранится ли двухпартийный баланс в США несмотря на изменения, или возможен распад системы и появление третьей силы. Во-вторых, изменится ли географическое распределение партий, учитывая рост числа латиноамериканских избирателей на юге. Также был поднят вопрос миграции калифорнийцев в Техас: сохраняют ли они демократические взгляды или переходят на республиканскую сторону. Сакаев отметил, что ни одна партия до последнего не будет иметь гарантированной победы¹, баланс хрупкий. Демографические тренды могут укрепить позиции демократов, но есть факторы, затрудняющие прогнозы, например, рост поддержки республиканцев среди латиноамериканцев и темнокожих. Появление третьей силы возможно, но исторически такие партии в США недолговечны. Изменение электоральной географии неизбежно: южные штаты могут стать более продемократическими, и города будут играть в этом ключевую роль.

При подготовке материала использовались технологии искусственного интеллекта: ChatGTP, NeuralWriter, YandexGTP.

¹ Мероприятие прошло до президентских выборов. – **Прим. ред.**

XXV ЯСИНСКАЯ (АПРЕЛЬСКАЯ) МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

Уважаемые коллеги!

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» открывает прием заявок с докладом на участие в **XXV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (XXV ЯМНК)**.

Мероприятия XXV ЯМНК состоятся в Москве с **15 по 18 апреля 2025 г.**

Программа конференции будет сформирована в рамках пяти научных тем:

- Экономика;
- Человеческий капитал и общество;
- Инструментальные методы и модели в менеджменте и общественных науках;
- Форсайт исследования;
- Международные отношения.

Заявки на участие с научным докладом будут приниматься по следующим тематическим секциям:

В рамках научной темы «Экономика»:

- Макроэкономика и макроэкономический рост;
- Методология экономической науки;
- Теоретическая экономика;
- Фирмы и рынки;
- Финансы и банки.

В рамках научной темы «Человеческий капитал и общество»:

- Социальная политика и здравоохранение;
- Демография и рынки труда;
- Политические процессы;
- Социология;
- Психология.

В рамках научной темы «Инструментальные методы и модели в менеджменте и общественных науках»:

- Инструментальные методы в экономических и социальных исследованиях;
- Менеджмент.

В рамках научной темы «Форсайт исследования»:

- Сценарии развития России в условиях динамично меняющейся внешней конъюнктуры;
- Новые методы и модели научно-технологического и социально-экономического прогнозирования;
- Международный симпозиум «Форсайт в быстро меняющемся мире».

В рамках научной темы «Международные отношения»:

- Идеи и цивилизации в многополярном мире;
- Мировая экономика;
- Востоковедение.

Срок приема заявок на участие в конференции с научным докладом – **20 января 2025 г.** Подать заявку на участие в качестве слушателя можно: для граждан РФ – **до 10 апреля 2025 г.**, для граждан иностранных государств – **до 10 марта 2025 г.** Более подробная информация размещена в разделах [«Участникам с докладом»](#) и [«Слушателям»](#).

Мероприятия конференции пройдут на русском или английском языке, в отдельных случаях на двух языках с синхронным переводом.

Конференция будет проводиться преимущественно в очном формате. Программный комитет оставляет за собой право в исключительных случаях включать в программу докладчиков и слушателей в онлайн формате.

В рамках XXV ЯМНК, как и в предыдущие годы, будет проведен конкурс заявок на поддержку участия в конференции молодых исследователей из российских регионов.

Как подать индивидуальную заявку на участие с докладом?

Доклад на секционном заседании должен содержать **результаты оригинального научного исследования**, выполненного с использованием современной исследовательской методологии. Продолжительность доклада – 15-20 минут.

Заявка подается онлайн в системе конференции НИУ ВШЭ до 20 января 2025 г.

К заявке необходимо приложить **развернутую аннотацию доклада**, с нижеперечисленными требованиями к оформлению:

- в аннотации должна быть дана четкая характеристика рассматриваемой проблемы и меры ее изученности, методологии исследования, его основных результатов, их обоснованности и новизны;
- формат Word или RTF;
- объем от 3 000 до 7 000 знаков;
- для русскоязычного доклада аннотация готовится на русском и английском языках, для англоязычного – аннотация только на английском языке.

Один автор может представить на конференции один личный доклад и не более одного доклада в соавторстве.

Как подать коллективную заявку?

Группа авторов индивидуальных заявок, зарегистрированных в системе конференции НИУ ВШЭ, **до 20 января 2025 г.** может сообщить в Программный комитет конференции о своем желании представить доклады в рамках одной сессии. Для этого необходимо подать коллективную заявку в личном кабинете системы конференции НИУ ВШЭ.

Коллективная заявка должна соответствовать следующим требованиям:

- не менее 2-х и не более 5-и докладов в рамках одной сессии;
- не более 2-х докладов, представленных от одной организации;
- все индивидуальные заявки должны быть зарегистрированы в системе конференции.

Примечание. Заявка на представление одного доклада с соавторами является индивидуальной, а не коллективной.

В рамках каждой тематической секции на основе отобранных заявок формируются сессии. Продолжительность одной сессии составляет 1,5 часа. Предложения по формированию сессий могут быть учтены Программным комитетом на этапе экспертизы заявок и формирования программы конференции.

Экспертиза заявок

Отбор заявок проводится в три этапа:

1. исключение тех заявок, которые не соответствуют указанным выше требованиям к оформлению заявки;
2. проведение экспертной оценки аннотаций на предмет новизны и обоснованности результатов (при этом возможна передача заявки в другую тематическую секцию по решению руководителя);
3. принятие решения Программным комитетом о включении докладов в программу конференции на основе полученных экспертных оценок.

Результаты экспертизы и подтверждение участия

Решения о включении докладов в программу XXV ЯМНК или отказе от удовлетворения заявки будут сообщены заявителям по мере поступления результатов экспертизы, но не позднее 19 марта 2025 г.

Авторам докладов, отобранных для представления на конференции, предстоит до 26 марта 2025 г. включительно подтвердить своё участие в личном кабинете системы конференции НИУ ВШЭ и затем до 4 апреля 2025 г. включительно разместить в личном кабинете слайды презентации доклада на английском языке, что является условиями включения докладов в финальную версию программы.

Оплата регистрационного взноса

Для докладчиков и слушателей конференции сумма регистрационного взноса составляет **3 000 рублей**.

От уплаты регистрационного взноса освобождаются:

- студенты/аспиранты всех вузов (при условии предъявлении студенческого билета и прохождении регистрации);
- сотрудники НИУ ВШЭ (при условии предоставлении карточки сотрудника и прохождении регистрации);
- участники, специально приглашенные Программным и Организационным комитетами конференции (в том числе почётные научные докладчики, эксперты, модераторы, спикеры научных круглых столов, дискуссанты и другие приглашённые гости конференции).

Подробная информация об условиях оплаты регистрационного взноса представлена в разделе «Оплата участия».

Наши авторы

Григорьев Леонид Маркович — к.э.н., ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ, заведующий сектором структурных проблем мировой экономики ЦКЕМИ.

Есяян Марианна Армановна — независимый эксперт, выпускница бакалаврской программы «Мировая экономика» факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Меджидова Джаннета Джамаловна — к.э.н., старший советник исполнительного директора, Группа Всемирного банка.

Петровская Наталья Евгеньевна — к.э.н., старший научный сотрудник отдела экономических исследований Института США и Канады им. Г.А. Арбатова.

Флореш Ренато — директор Международного исследовательского подразделения Фонда Жетулиу Варгаша (FGV), профессор Бразильской школы экономики и финансов (FGV EPGE).

Хейфец Екатерина Александровна — независимый эксперт.